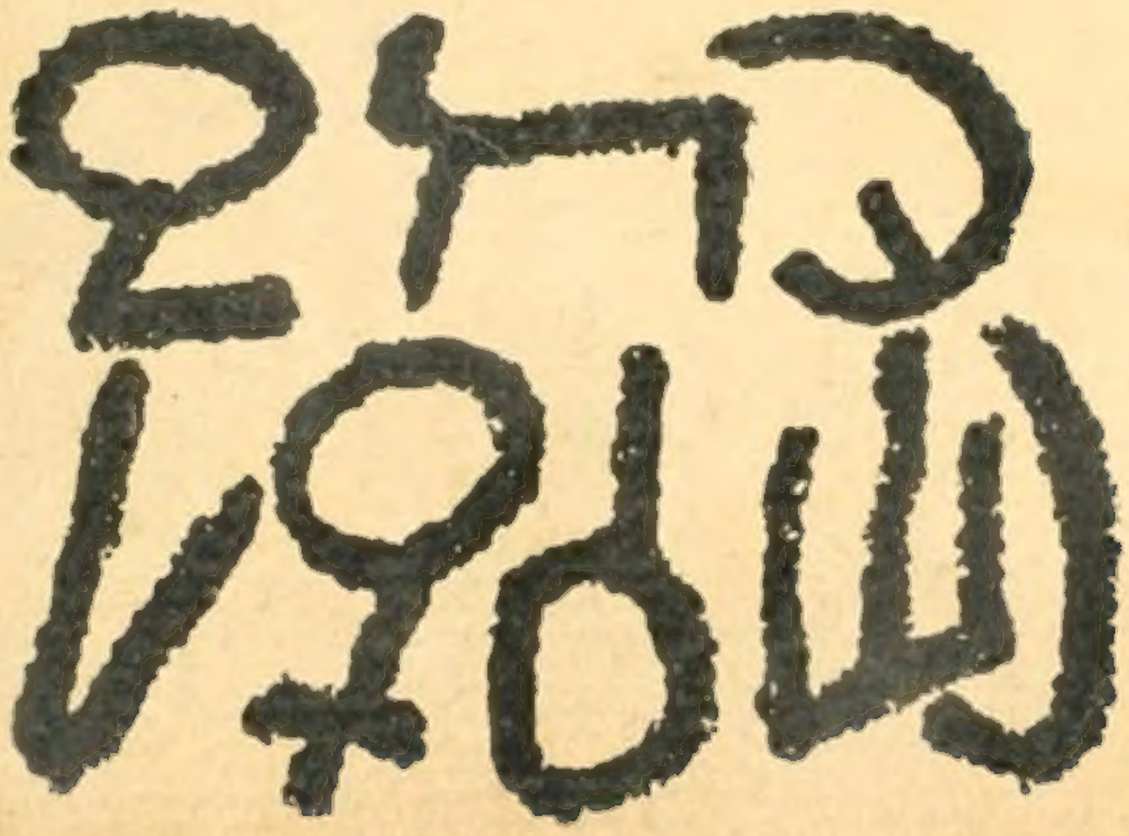
ОИК

Стрелец

ОИК
4й
Фут.

стр. все + 13 илл.



ጠየቀለ
ርኣዕ

0430

Настоящее изданіе отпечатано въ количествѣ 300 нумерованныхъ экземпляровъ

Экземпляръ № 38

А. А. Николаева

Р. Ц. № 1018 С.-Петербургъ Первая Госуд. Типографія, Гатчинская 26

СТРѢЛЕЦЪ

СБОРНИКЪ ТРЕТІЙ
И ПОСЛѢДНІЙ

Подъ редакціей
АЛЕКСАНДРА БЕЛЕНСОНА

Ѳ. СОЛОГУБЪ
М. КУЗМИНЪ
В. РОЗАНОВЪ
А. АХМАТОВА
П. ВЕРЛЕНЪ
Л. КАРСАВИНЪ
А. БЕЛЕНСОНЪ
РУССКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ
Э. ГОЛЛЕРБАХЪ
А. ЛУРЬЕ

Рисунки:

Н. АЛЬТМАНА
Ю. АННЕНКОВА
Л. БРУНИ
М. ДОБУЖИНСКАГО
Н. КУЛЬБИНА
В. ЛЕБЕДЕВА
И. ПУНИ
М. ШАГАЛА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1922

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ ЮРІЯ АННЕНКОВА. МАРКА ДАВИДА БУРЛЮКА

1
2 б т

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

820777

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

Ѳ. Сологубъ — Григорій Казаринъ, изъ ненаписаннаго романа въ стихахъ . . 2

М. Кузминъ — Римскія чудеса, главы изъ романа 8

А. Беленсонъ — Свѣтъ на пути, стих. 24

А. Беленсонъ — Какъ жалкій прахъ, стих. 25

А. Беленсонъ — Воспоминанія, стих. 26

А. Беленсонъ — Не говорите что съ годами, стих. 27

В. В. Розановъ — Письма 30

А. Ахматова — Изъ книги бытія, стих. 52

А. Беленсонъ — Египетская предсказательница, опытъ гностическаго повѣствованія 54

Ѳ. Сологубъ — Поль Верленъ — изъ книги «Мудрость», перев. 62

Л. Карсавинъ — Софія земная и горняя 70

М. Кузминъ — Чешуя въ неводѣ 96

А. Беленсонъ — Ницше - Шпенглеръ - Ѳедоровъ, стих. 112

Записки русскаго путешественника 1814 г. 114

Э. Голлербахъ — Владиміръ Соловьевъ и Розановъ 124

А. Лурье — На распутьи (культура и музыка). 146

Кульбинъ

Автопортретъ

Посвящается памяти художника

НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА КУЛЬБИНА

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

ГРИГОРІЙ КАЗАРИНЪ

[Изъ ненаписаннаго романа въ стихахъ]

Дана поэту въ дни страданья
Разнообразность новыхъ темъ
И яркихъ типовъ для созданья
Волнующихъ сердца поэмъ,
И данъ завѣтъ: царящей ложью
Не осквернивъ стиховъ своихъ,
Противоставь насильству злыхъ
Святую совѣсть, правду Божью.
Не терпитъ свѣтлый Аполлонъ
Того, кто угождаетъ власти;
Льстецовъ прожорливыя пасти
Каратъ хрипымъ ревомъ онъ.
Да будетъ мой романъ послушенъ
Единой правдѣ. Равнодушенъ
Къ людской молвѣ, спокоенъ я
И не лукава рѣчь моя.

Для стихотворнаго романа
Мнѣ образецъ высокій данъ.
Вамъ, несравненная Татьяна,
Я посвящаю мой романъ.
Иную повѣсть Вы прочтете,
Чтобы понять, не осудить,
И улыбнетесь можетъ быть
И можетъ быть порой вздохнете.
Иные люди, вѣкъ иной,
И все какъ будто не похоже,
Но сердце человѣка то же,
И жалокъ такъ же родъ людской,
И мы склоняемся надъ чашей,
Дошедшей къ намъ отъ жизни Вашей.
Въ ту чашу Богъ обильно влилъ
Огонь эфирный Вашихъ силъ.

Суровый критикъ мнѣ на это,
Предвижу я, сказать готовъ:
Татьяна - вымыселъ поэта,
И ваших̀ не прочтетъ стиховъ,
И это ваше посвященье -
Одна реторика. - Такъ что жъ!
Поэта вымыселъ - не ложь,
Живѣе жизни вдохновенье.
Мы, какъ солома на огнѣ,
Недолгимъ пламенемъ пылаемъ,
Мелькнемъ и скоро исчезаемъ,
Подобно тѣнямъ на стѣнѣ.
Личины только, а не лики.
Родной земли мы не владыки,
И неуклонно каждый часъ
Къ могилѣ темной гонитъ насъ.

Воздвигла творческая сила
Страну, гдѣ вѣчень каждый мигъ.
Воображенье населило
Ее народомъ вѣщихъ книгъ.
Свѣтло мечтая, Дульцинея
Перебираетъ жемчуга;
На вѣчно-свѣжіе луга
Идетъ Альдонса, и затѣя
Безумца стараго опять
Свой неизмѣнный кругъ свершаетъ,
И врéмя тихо упадаетъ,
Чтобъ на просторѣ созерцать
Спасенный силой вдохновенья
Отъ черной пропасти забвенья
На берегахъ глубокихъ водъ
Неумирающій народъ.

Вѣнчанный славою учитель,
Свершая дивный произволъ,
Въ ту чародѣйную обитель
Сладчайшими путями велъ.
Великій Пушкинъ - наша слава.

Пока живутъ его слова,
И наша родина жива,
И чужестранная отрава
Не умерщвляетъ бытіе
Имъ возвеличенной Россіи,
Какія бъ дикія стихіи
Ни ополчались на нее.
Начну безропотно сказанья
О дняхъ паденья, дняхъ страданья,
О горькомъ дымѣ и огнѣ...
. . . . . .

Не унижаясь до проклятій,
Не растекаяся въ слезахъ,
Доступно и для хрестоматій
Я разскажу въ простыхъ стихахъ.
Какъ люди жили, какъ страдали.
Къ чему стремились въ наши дни,
Какъ были искренни одни
Въ патріотической печали.
Какъ увлекалъ другихъ потокъ
Восторговъ яркихъ къ коммунизму,
И какъ у многихъ организму
Потребенъ только былъ паекъ.
(Поймутъ буржуй и пролетарій,
Что здѣсь излишенъ комментарій).
Какъ образецъ, возьму чету,
Влюбленную въ одну мечту.

Григорій Павловичъ Казаринъ,
Искусный горный инженеръ,
По воспитанью - милый баринъ
Съ пріятной мягкостью манеръ.
Его лицо напоминало
Преданья русской старины,
Когда бывали влюблены
Въ прекрасный отблескъ идеала,
Когда мечтали по ночамъ
И спорили съ друзьями много,

И относились очень строго
Ко всякимъ низменнымъ дѣламъ.
Стремились въ молодые годы
Къ осуществленію свободы,
И вѣровали, что народъ
Достоинъ счастья и свободъ.

Святое благо - самовольство.
Но и безмѣрно - тяжкій грузъ.
Не обѣщаетъ намъ довольства
Съ надменной вольностью союзъ.
Кто алченъ до земного хлѣба,
Кто жаденъ до земныхъ усладъ,
Тотъ никогда не будетъ радъ
Подругѣ пламеннаго Феба.
Богиня строгая лишь тѣмъ,
Кто, духомъ прямы и суровы,
Погибнуть за нее готовы,
Она отворитъ свой Эдемъ,
Гдѣ есть огонь, но нѣтъ покоя.
Свобода - только для героя,
Но раздѣлить ее съ толпой
Всегда мечталъ Казаринъ мой.

Высокимъ ладомъ душу строя.
Карлейль героевъ восхвалялъ.
Характеристику героя
Казаринъ часто повторялъ:
«Герой не медлитъ и не тужитъ.
Герой упорствуетъ въ трудѣ.
Онъ первый въ трудовой чредѣ
И лучше всѣхъ онъ людямъ служитъ.
Онъ никогда не признавалъ
Лукавыхъ, низменныхъ уловокъ.
Не терпитъ долгихъ остановокъ
Герой въ борьбѣ за идеалъ.
Всѣхъ благъ восторженный цѣнитель,
Онъ за неправду первый мститель.

Онъ Бога чтитъ, но только тамъ,
Гдѣ свѣтлый трудъ, онъ видитъ храмъ».

Казаринъ былъ высокъ и строенъ,
Въ опасныя минуты смѣлъ,
Преувеличенно спокоенъ,
Когда огонь въ душѣ горѣлъ.
Далекимъ взоромъ на предметы
Смотрѣлъ онъ, словно черезъ нихъ
Ему открыты въ даль иныхъ
Пространствъ широкіе просвѣты.
Его душа была жива
И для научныхъ вдохновеній,
И для лирическихъ волненій,
И зналъ онъ вѣрныя слова,
Чтобы въ огнѣ полночныхъ преній
Согласовать нестройность мнѣній
Иль одинокія мечты
Облечь въ одежды красоты.

Н. Пунин

М. КУЗМИНЪ

РИМСКІЯ ЧУДЕСА

[Главы изъ романа]

1919 — 1922

Глава первая

Ворота только что заперли. По улицамъ сновалъ народъ, собаки попадались спросонокъ подъ ноги и визжали, когда имъ давили лапы, фонари зажигались въ ларькахъ и у публичныхъ домовъ, пахло лукомъ и жаренымъ прованскимъ масломъ. Руки, лобъ и плечи были покрыты потомъ. Звѣзда смотрѣла на Римъ, будто въ другихъ мѣстахъ ея не было. Изрѣдка кричалъ оселъ, задравъ хвостъ. Павлины спали. Мальчишки нарочно пыляли на оставшіеся непроданными жареные жирные пирожки съ рубцами. Въ открытыя двери было видно, какъ ужинали изъ одной чашки ремесленники. На горизонтѣ густѣла туманная 8
туча, обѣщающая дождь на завтра. Хозяйки переговаривались черезъ улицу, убирали вывѣшенные тюфяки и подушки, голопузые ребятишки съ ревомъ уводились домой. Прохлада вдругъ потянула, будто протекъ ручей, почти ощутимо: вотъ тутъ — пекло, протянулъ руку — холодъ, дальше снова тепло. Далеко въ казармахъ играли трубы. Съ прохладой проникъ духъ мяты, укропа и полыни, почти морской горечи. Мужчина лѣтъ сорока шелъ, опираясь на палку; за нимъ, будто спя на ходу, подвигалась рыжая женщина. Блѣдная кожа ея висѣла мѣшками у глазъ, лиловатыхъ, какъ фіалки. Ротъ, безпомощно полуоткрытый, кривился, но странная торжественность, почти божественная, ея лица заставляла прохожихъ оборачиваться. Нѣкоторымъ казалось, что отъ тонкихъ ея волосъ исходитъ розоватое сіянье. Одежда ихъ была покрыта бѣлою пылью, но въ ушахъ у рыжей были вдѣты длинныя серьги съ изумрудами.

Замѣтивъ вниманіе толпы, она опустила оранжевое покрывало. Человѣкъ шелъ, не глядя по сторонамъ, стуча палкой. Остановившись на перекресткѣ, онъ, словно что-то вспомнивъ, взялъ налѣво, и женщина снова подняла узелъ, который опустила было на землю, воспользовавшись минутнымъ отдыхомъ. Въ рукахъ ея спутника ничего не было кромѣ посоха, только у пояса висѣло мѣдное зеркальце и связка янтарныхъ бусъ.

— Смотри, чтобы не задохлась черепаха! сказалъ онъ, не оборачиваясь.
— А я? а я?
Они шли, не останавливаясь. У храма маленькая пыльная роща журчала невиднымъ фонтаномъ. Рыжая вдругъ сѣла на камень, опустивъ руки между колѣнъ, какъ купальщица. Пройдя шаговъ пять, мужчина остановился и ждалъ. Потомъ подошелъ.
— Это что?
Женщина, не мѣняя позы, опустила вѣки, словно заснула окончательно.
— Что это, я спрашиваю. Причуды? Тутъ два шага дойти. Все это — притворство, больше ничего! Усталости не можетъ быть!
Женщина не мѣняла позы, но пальцы ея мелко и кругло задрожали, не судорогой, а волнами музыки. Серьги заблистали, дрогнувъ. Она подняла вѣки. Чудо! линючіе аметисты глазъ, почти водяныхъ, были налиты темнымъ фосфоромъ, жгли нестерпимо, будто въ нихъ отражались непрерывныя молніи, лиловые пожары закатныхъ горъ и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойствіе райскихъ озеръ, до краевъ наполненныхъ чашъ, глаза изъ самоцвѣтныхъ камней у раскрашенныхъ неподвижныхъ статуй!
— Вотъ онъ входитъ въ золотой покой! Какъ бѣлы его ноги! какое золото — кудри! очи — какія звѣзды! Можно умереть отъ его объятій! О, Александръ, Александръ! что до того, что не первый въ Троѣ герой ты? Для меня ты зажегъ міръ, для меня не пощадилъ ты родного города, чтобы видѣть мое тѣло подъ этимъ расписнымъ пологомъ! Слаще молока и меда грудь твоя! Эфиръ родимый, прости! Еленой дѣлается предвѣчная мудрость! — Лицо ея пророчески пылало и было прекрасно. Мужчина покорно слушалъ съ видимой скукой, наконецъ тихо молвилъ:
Здѣсь никого нѣтъ, а я это все знаю. Безполезно повторять. Это все вѣрно. У тебя хорошая, хотя и безпорядочная, память. Приди въ себя. Ночь близка. Тебѣ и мнѣ нуженъ покой. Подымись, я поддержу тебя. Смотри, какъ спитъ черепаха! Луна еще не полная, и въ зеркалѣ ничего не видно. Встань, дочь моя. Симонъ говоритъ съ тобою.
Онъ помогъ женщинѣ подняться, та встала, словно не обращая вниманія на его слова, не спуская глазъ со звѣзды, готовой нырнуть въ лиловый сумракъ тучи.

— Весперъ, Весперъ, помедли! Паруса опущены безсильно. Вся надежда на веслы. Гребцовъ много, вытягивая впередъ и снова прижимая руки, они мѣрно поютъ. А какъ тотъ перс разсѣкъ мнѣ високъ плеткой! о-о-о!! Вся кровь не наружу, а внутрь къ сердцу хлынула. И сердце вспомнило, позвало тебя. Ты ждалъ въ кипарисовой рощѣ. Двери вѣдь не отворялись, онѣ всегда скрипятъ, когда ихъ отворяютъ. Дождь лилъ какъ изъ бочки, теплый и черный. Я все вспомнила... и тогда, не теперь, и во вѣки вѣковъ... Вверху и внизу.

Быстро такъ завертѣлась я,
Что обвѣшанной казалась
Тутъ грудями со всѣхъ сторонъ
Какъ Эфесская Діана!

Голосъ ея вдругъ сталъ хрипымъ и пьянымъ, словно и не онъ только что звучалъ пророчески пещерной флейтой. Симонъ повидимому успокоился. Незамѣтная усмѣшка раздвинула бороду и онъ пробормоталъ:
— Такъ-то лучше, ближе къ дѣлу.
Женщина не говорила больше и не пѣла. Слова ея медленно исчезли какъ затерянныя въ пескѣ рѣки. Изсохли. Глаза побѣлѣли, и прежняя усталость ослабила мускулы ея лица.
Дѣйствительно, имъ оставалось сдѣлать еще нѣсколько шаговъ. Свернувъ въ узкую улицу, путникъ остановился передъ высокимъ домомъ, сплошь населеннымъ бѣднымъ людомъ. Казалось, сами стѣны были пропитаны запахомъ лука, пищей стряпни, несвѣжей рыбы и вѣкового пота. Ему не пришлось даже стучаться. Изъ окна увидѣла ихъ дѣвушка. Она торопилась додѣлать тряпочную куклу съ золотымъ парикомъ, съ синими бисеринками вмѣсто глазъ. Разогнавъ воющихъ басами котовъ, опрокинувъ лохань, она сбѣжала вѣтромъ по деревянной лѣстницѣ и остановилась, прижавъ руку къ заколотившемуся сердцу.
— Учитель, учитель! Какъ мы тебя ждали! пролепетала она, покраснѣвъ.
— Текла? — спросилъ Симонъ.
— Текла, Текла. Идемъ скорѣе. Развѣ ты меня не узналъ? а любилъ когда-то, звалъ любимицей...
— Выросла ты, Текла. Совсѣмъ невѣста. Кто тебя узнаетъ!
— Мнѣ пятнадцать лѣтъ. Идемъ наверхъ. Отецъ, мать, — всѣ ждутъ тебя.

— Кто еще?
— Все наши: Лазарь сапожникъ, Титъ, Вероника, — больше никого.
— Новыхъ нѣтъ?
— Нѣтъ! гдѣ тамъ! Титъ все боленъ, а Лазарь и отецъ не умѣютъ говорить, безсловесные.
— Вероника имѣетъ видѣнья?
— Нѣтъ, она вышла замужъ.
— Кто же видитъ?
Дѣвушка промолчала, потомъ заторопилась.
— Что же вы не входите? Вы устали. Идемъ, подкрѣпитесь.
— Ужъ не ты ли, дитя, имѣешь видѣнья?
Симонъ ласково взялъ ее за руку.
— Нѣтъ, нѣтъ, отецъ, никто.
Дѣвушка была черна и востроноса, похожа на ворону; острые локти расходились въ разныя стороны, ноги она при ходьбѣ

широко разставляла. Она опять взбѣжала, какъ бѣлка, наверхъ, принесла коптящую лампу и освѣтила крутую полусгнившую лѣстницу. Симонъ, не торопясь, но бодро, взбирался. Спутница его плелась сзади, устало волоча узелъ, снова накрывшись оранжевымъ покрываломъ, громко дыша, какъ запарившаяся кляча.
Надъ дверями висѣла деревянная рыба, ярко выкрашенная въ синюю и желтую краску съ серебрянымъ брюшкомъ, хотя хозяинъ не былъ рыболовомъ. Вѣроятно, Текла сказала домашнимъ о приходѣ учителя. Трое мужчинъ и двѣ женщины почтительно стояли у стола, накрытаго свѣжею скатертью. Дѣвочка, едва переступивъ порогъ, опустилась къ ногамъ учителя, повторяя:
— Благословенъ, благословенъ, благословенъ!
Густой голосъ произнесъ:
— Благословенъ идущій во Имя Господне!
— Аминь! — почти проѣли всѣ присутствующіе.
Симонъ поднялъ руки, всѣ наклонили головы, зеркальце тихо брякнуло.
— Миръ вамъ и дому вашему. Господинъ съ вами. Утѣшитель посѣтитъ васъ. Сила, Царство и Слава принадлежатъ Тому.
— Аминь! — опять проѣто.

Текла роняла рѣдкія, почти кипящія, слезы на босыя ноги. Рыжая пришелица совсѣмъ усталымъ звѣремъ сѣла въ уголъ, рядомъ поставивъ узелъ. Поочереди всѣ подходили и цѣловались съ Симономъ, онъ клалъ на головы руку, которую каждый цѣловалъ. Церемонія происходила быстро, но торжественно. Потомъ заговорили просто, разспрашивая о путешествіи. объ оставшихся, о братьяхъ, о гоненіяхъ, о планахъ, надеждахъ. о вторичномъ пришествіи Господа. Лазарь сапожникъ кашлялъ, схватываясь за бокъ. Отецъ и мать Теклы хлопотали объ ѣдѣ, ставя рыбу, хлѣбъ, лукъ, молоко и яйца. Вероника казалась смущенной и молчала. Гость, замѣтивъ ея смущеніе, подошелъ къ ней и ласково, со всею простотою, заговорилъ:

— Не огорчайся, дочь Вероника, даръ приходитъ и уходитъ. на мѣсто его является другой.

Женщина испуганно взглянула на него и прошептала:

— Отъ тебя ничто не скрыто!

Лицо Симона не измѣнилось. и онъ продолжалъ, будто не слыша 12
похвалы:

— Тебѣ данъ теперь другой даръ. не меньшій, — даръ любви. Всякому — свой даръ. Нѣкоторые дары не могутъ быть вмѣстѣ, и кто знаетъ, который выше? Богъ благословитъ тебя на новую жизнь, которую ты избрала. конечно. помолившись, спросивъ совѣта у братьевъ, можетъ быть. имѣя специальное откровеніе на этотъ счетъ.

Вероника опустила глаза добродѣтельными стрѣлами: скромное и полное лицо ея было моложаво, просто и успокоительно, но и оно покрылось легкой краской при словахъ Симона. Всѣ переглянулись, а Текла даже усмѣхнулась, но сейчасъ же снова приняла серьезное выраженіе, будто озорникъ изъ нея выскочилъ и убѣжалъ. Гость, замѣтивъ смущеніе, остановился. Вероника не подымала глазъ, не приходила къ нему на помощь. Смятенье и нѣкоторая досада какъ будто внезапно овладѣли имъ. Наконецъ Вероника оглядѣла присутствовавшихъ и. замѣтивъ веселый взглядъ Теклы. раздвинутый ротъ ея отца, гримасы Лазаря, сама смягчилась и съ комическимъ гнѣвомъ запѣнтала:

— Ну, чего вы, чего вы, глупые?

Громкій нескрываемый смѣхъ отвѣтилъ ей. Теперь настала очередь не понимать Симону. Онъ видѣлъ, что имъ извѣстна

какая то забавная домашняя тайна, связанная съ замужествомъ Вероники, и что онъ сказалъ что-то невпопадъ. На минуту нахмуривъ брови, онъ вдругъ добродушно просіялъ мелкими морщинками, и сразу показалось, что ему восемьдесятъ лѣтъ.
— Ну чего вы къ ней пристаете? Тебѣ, Текла востроглазая, завидно, что раньше тебя она вышла замужъ? Но у нея было преимущество старшинства, и потомъ жениться на тебѣ, вродѣ какъ проглотить иголку — безпокойное занятіе!
Слова учителя, хотя въ нихъ и звучала какая-то неувѣренность, были сигналомъ для всѣхъ къ простому веселью. Текла захлопала въ ладоши. мужчины продолжали смѣяться. Сама молодая улыбалась во весь ротъ, съ напускнымъ уже упрямствомъ отбиваясь:
— Замужемъ и замужемъ! кому какое до этого дѣло?
— Конечно. ты совершенно права. Но кто же твой мужъ? это — не тайна, надѣюсь?
13 — Да, да вотъ скажи, сестра, кто твой мужъ! — подхватилъ Лазарь.
— И сколько ему лѣтъ, — прибавила Текла.
Рыжая прислушивалась къ шуму и, ничего не понимая, не зная, смѣяться ли ей со всѣми. Глаза ея бѣгали, и ротъ то открывался, то снова закрывался, но она не приближалась къ общей группѣ, только тихонько вынула изъ узла черепаху и указывала ей на говорящихъ, словно приглашая и ее веселиться.
Оказалось, что Вероника вышла замужъ за своего же вольноотпущенника, лѣтъ на восемь ея моложе.
Симонъ уже утѣшалъ ее растроганно, растрогавъ и слушателей до слезъ. Рыжая снова прислушивалась, нахмуривъ брови. Учитель, овладѣвъ вниманіемъ и любовью малого стада. говорилъ свободно и благостно. Текла снова была у его ногъ. Вероника плакала въ три ручья, не вытирая глазъ и отъ времени до времени наклоняясь къ рукѣ Симона, чтобы поцѣловать ее.
— О, Симонъ, какъ ты благъ! какъ благъ! Самъ Творецъ не могъ бы быть столь кроткимъ и благостнымъ!
— Блаженны кроткіе! прошепталъ Лазарь.
— А я то! а я-то! — раздался хриплый голосъ.
Рыжая стояла у стола. глаза ея не блуждали, а были прямо устремлены на Симона, хотя на нихъ распростерлась туманная

нелена вродѣ бѣльма. Всѣ оглянулись молча, ожидая, что будетъ дальше.
— Благъ! благъ! Онъ — дьяволъ, онъ — Антихристъ! Звѣрь предреченный. Но дѣва, дѣва сотретъ ему главу!
— Что съ нею? что съ нею? не подходите! не трогайте ее! развѣ вы не видите, что духъ въ ней? Она — лунатикъ. Это — Елена, новая Елена. Откуда взялась она? никто не знаетъ. Прошлый разъ была другая.
Все это шепотомъ въ секунду пронеслось. какъ вѣтеръ по деревьямъ передъ бурей. Только двое молчали: Симонъ и Текла. Дѣвушка вскочила на ноги и въ упоръ смотрѣла, стиснувъ зубы, жадно на рыжую, какъ та влипла въ Симона. А тотъ молчалъ, поднявъ передъ собою мѣдное зеркальце, какъ щитъ, или охрану отъ дурного глаза. Лицо рыжей перекосилось судорогой, будто почувствовавъ мѣдный блескъ, но потомъ быстрое движеніе руки — и снова зазвучалъ хрипльій голосъ:
— Что мнѣ зеркало? я не вижу въ немъ зарева Трои. О, ты мучитель, развѣ ты благъ? отчего же ты молчишь? принимаешь хвалы, какъ должную дань? Благъ! А кто къ мукамъ зоветъ меня изъ хаоса? кто бичемъ пробуждалъ къ страданьямъ почившую память? Благъ! взгляните на мои глаза, на эти щеки, руки, рубцы и царапины! Вы слышите мой голосъ! А когда-то заслушивался имъ Парисъ, когда-то звенѣлъ онъ въ эфирѣ! Я — Эноэія, Софія, Утѣшитель, Параклитъ, Елена! Я — любимая дочь Полноты и я же растерзанный міръ верну въ Пиромy. Я — душа міра, я дышу въ вѣтрѣ, благоухаю въ яблонномъ цвѣтѣ, вяжу нѣбо айвой, гортань услаждаю медомъ, клонюсь въ камышѣ. Я — Ахамотъ, и чѣмъ ты меня сдѣлалъ! Взгляните на эти руки, прошу васъ, взгляните на эти руки! Ты — Антихристъ! Кощунникъ, наглый, жестокій лжецъ! Анаѳема! Анаѳема!
— Молчи! — раздался еще пронзительнѣй крикъ Теклы. Не спуская глазъ съ рыжей, что влипла взоромъ въ Симона, она вся дрожала.
— Молчи, кабацкая дрянь! потаскушка, сука и сукина дочь! Что онъ съ ней сдѣлалъ! въ навозѣ нашелъ онъ божественную Психею, разглядѣлъ, пророчески узналъ. Учитель благъ. а въ тебѣ говоритъ прежній навозъ, въ навозъ просится обратно. Что онъ съ ней сдѣлалъ! Ноги мыть, да воду съ нихъ пить, вотъ что должна ты дѣлать, а не возвышать голосъ.

— Текла, прекрати! — тихо сказалъ Симонъ, беря дѣвушку за руку.

— Проклятъ, проклятъ, проклятъ! —

Голосъ рыжей звучалъ уже не хрипло, словно раздавался въ высокомъ эфирѣ.

— Погибнетъ князь тьмы! Мститель стоитъ у дверей! Бездна встанетъ на бездну!

— Учитель, дунь на нее, дунь, да умретъ, да не услышимъ послѣдней хулы!

— Горе! горе! — трубой разливалась Елена. Кассандра воскресла. Вамъ, намъ, всѣмъ, тебѣ, мнѣ, міру — горе!! Вѣстникъ стучитъ: та-та,-та!!!

Та-та,-та!!! три удара затрясли дверь, и тотчасъ же кто-то торопливо сталъ дергать за болтъ.

Всѣ вскочили. Рыжая божественно озиралась, торжествуя. Текла подкошенная снова упала, какъ куль, къ ногамъ учителя. Зеркало брякнуло на цѣночкѣ, выпущенное изъ рукъ Симона.

Та-та-та!

Вероника даже перестала плакать. Молчали. Тихо стало.

— Лазарь, впусти! это я — Пруденцій! Важныя вѣсти!

Хозяинъ торопливо отодвинулъ засовъ. Вошелъ молодой человѣкъ, щеголеватый, завитой; сразу запахло помадой и амброй. Движенія его были суетливы, можетъ быть, оттого, что онъ былъ взволнованъ.

— Милый! какъ ты напугалъ насъ! — нѣжно упрекнула Вероника.

— Важная новость! Насъ преслѣдуетъ несчастье. Выпущенъ новый эдиктъ. Евреи снова объявлены врагами государства. Насъ всегда путаютъ съ ними. Будутъ арестовывать и нашихъ. Это несомнѣнно. Сколько пострадаетъ невинныхъ! Нужно принимать какія-нибудь мѣры. Не всѣ же могутъ быть мучениками. Люди слабы, слабость ихъ будетъ большимъ соблазномъ. Симонъ протянулъ руку, словно успокоивалъ морскую бурю. Пруденцій тотчасъ умолкъ, мелко и щеголевато озираясь, видимо недовольный вмѣшательствомъ пришельца. Онъ готовъ былъ пожать плечами, но его удерживала какая-то безсознательная почтительность передъ этимъ высокимъ старикомъ.

Глава вторая

На каменной скамейкѣ тѣсно сидѣло шестеро молодыхъ людей. Впрочемъ двое изъ нихъ были не такъ уже молоды, но туники и плащи моложавыхъ нѣжныхъ тоновъ, тщательная прическа, слегка подкрашенныя лица и перстеньки на выхоленныхъ пальцахъ не выдѣляли ихъ изъ общаго впечатлѣнія. Изъ остальныхъ же старшему Семиронію было не больше лѣтъ двадцати пяти.

Седьмой гость, не помѣстившись на скамейкѣ, биткомъ набитой, такъ что, не будь довольно высокихъ ручекъ, вся компанія 16
развалилась бы на песокъ, и. не будучи. повидимому, знакомъ съ посѣтителями прелестной еврейки, бродилъ у маленькаго бассейна, гдѣ задыхались въ тинистой, теплой водѣ три красноперыя рыбки. Грядки незабудокъ отъ румяныхъ лучей вечерняго августовскаго солнца казались ярко лиловыми.

Одинокій гость былъ совсѣмъ мальчикъ, толстощекій, въ розовой рубашкѣ. Вздернутая одежда, высоко заголенныя ноги и томность дѣтскаго личика, напоминавшаго Париса съ провинціальныхъ фресокъ, были чѣмъ-то непристойны. Онъ стыдился, краснѣлъ, чего впрочемъ не было особенно замѣтно при зарѣ, и упрямо разсматривалъ рыбъ, которыя подплывали, сонно разѣвали рты, ожидая крошекъ, и опять опускались на дно, гдѣ нарисованъ былъ Гиласъ.

Пожилой юноша, отчаянно сюсюкая и картавя, пролепеталъ:

— Юноша, не будешь ли ты добръ перейти на другую сторону. Твоя розовая туника рядомъ съ незабудками — ужасно слащава, ужасно... Я не хочу тебя оскорблять, но со мной дѣлается морская болѣзнь, когда я смотрю на такое сосдиненіе.

И онъ приложилъ ко рту ѣдко надушенный платочекъ.

Парисъ надулся, не зная, какъ принять такое обращеніе, но мѣшковато перешелъ въ уголъ садика, гдѣ стояла лейка у бочки.

Общество дряблю разсмѣялось, одинъ замахалъ руками на гово-

ривша́го, но задѣлъ по носу сосѣду. Другой съ лысиной заговорилъ лѣниво:

— А куда же дѣвался Каллистъ?

— Ахъ, какъ ты отсталъ! стыдись! онъ давно выбранъ христіанскимъ епископомъ.

— А его мѣняльная лавочка?

— Не знаю. Вѣроятно, осталась по-прежнему на томъ же углу. Кому она мѣшаетъ?

— Но что такое христіане? послѣднее фатовство! По моему это то же самое, что евреи. Это — изысканность языка — ничего больше! — замѣтилъ кто-то.

— Нѣтъ, говорятъ, что между ними большая разница. Христіанскую секту основалъ бѣглый рабъ Христосъ. Они обожаютъ рыбъ и поклоняются ослиной головѣ. Притомъ они дѣлаютъ всевозможныя гадости, кромѣ обрѣзанья: убиваютъ дѣтей, отравляютъ колодцы и поджигаютъ города.

17 — Очевидно, они — враги человѣческаго рода.

— А чего же онъ заслуживаетъ, какъ не ненависти?! — спросилъ романтически Семпроній, играя изумрудомъ на тонкой цѣпочкѣ и склоняя голову на-бокъ, какъ Антиной, походить на котораго было главнѣйшей его мечтою.

— Мнѣ и у евреевъ непонятно обрѣзаніе. Это обрядъ и постыдный и противный римскому духу.

— Но вѣдь евреи и не римляне.

— Есть и между ними римскіе граждане.

Мальчикъ отъ бочки вдругъ захохоталъ и заговорилъ басомъ; всѣ съ насмѣшкой прислушались.

— Я былъ въ банѣ и встрѣтилъ тамъ человѣка. У него членъ былъ въ золотомъ мѣшечкѣ. Я страшно хохоталъ. А потомъ мнѣ сказали, что это любимецъ императрицы и еврей, который стыдился своего обрѣзанія.

Сначала всѣ промолчали, и разсказчикъ сконфузился, но пожилой господинъ соблаговолилъ поддержать разговоръ.

— Дѣло не въ обрѣзаніи. Императрица ревнуетъ и не хочетъ даже, чтобы чужое зрѣніе наслаждалось созерцаніемъ сокровища, ей одной принадлежащаго.

— Ахъ, про Августѣйшую госпожу разсказываютъ такъ много пошлаго вздора! Я увѣренъ, что она знаетъ только свое веретено.

— Это колоссально! что ты говоришь, воскликнулъ маленькій человѣкъ въ зеленой одеждѣ съ коричневой каймой, заткапной золотыми колчанами. Звали его Луцій. Съ десяти лѣтъ находясь съ отцомъ въ свитѣ при императорѣ Адріанѣ, онъ объѣхалъ весь міръ, но вмѣсто пресыщенія, свойственнаго путешественникамъ, вынесъ изъ своихъ странствій какой-то новый еще энтузіазмъ и страсть къ диковинкамъ.

— Представьте себѣ: нравы римскихъ дамъ и въ особенности нашей очаровательной хозяйки поражаютъ меня больше, чѣмъ Родосскій Аполлонъ, или гробница Мавзола. Они щекочатъ и окрыляютъ воображеніе своею таинственностью. Я не скажу, что міръ скученъ, хотя такое мнѣніе теперь и въ модѣ, но мнѣ очень мало доводилось встрѣчать поистинѣ загадочнаго, необъяснимаго трезвымъ разсудкомъ.

— Развѣ ты не былъ во Фракіи?

— Я знаю, что ты хочешь сказать! Ты думаешь о пресловутыхъ фракійскихъ колдуньяхъ... Мнѣ показывали двухъ, трехъ, которыхъ подозрѣвали въ волшебствѣ... Ничего особеннаго: грязныя нищія, бормочущія какой-то вздоръ, наполовину грубыя шарлатанки, наполовину помѣшанныя. 18

— Да зачѣмъ ѣздить во Фракію? Лія сама — самая настоящая вѣдьма.

— Ты думаешь?

— Можетъ быть, онъ и правъ.

— Чистѣйшая поза, фатовство и пріемъ! Держу пари. Пріемъ, можетъ быть, и несносный, но, кажется, вѣрный. Не сегодня-завтра о ней заговорятъ при дворѣ.

— На нее можно поставить кушь. Я думаю, мы не ошиблись...

— Не довѣряй слишкомъ своему носу. Не у всякаго длинноносаго — хорошій нюхъ.

— А я вотъ, и не будучи во Фракіи, видѣлъ вѣдьму! — неожиданно пробасилъ отъ бочки толстый Нарисъ.

Всѣ промолчали, и въ этомъ молчаніи лучше всего выразилось возбужденное любопытство. Мальчикъ такъ и понялъ это за приглашеніе къ разсказу.

— Это было еще въ Испаніи на отцовскомъ хуторѣ. У меня былъ учитель Помпоній. Мнѣ онъ казался набитымъ дуракомъ, я его не ставилъ ни въ грошъ и потому ни за что не разстался бы съ нимъ. Притомъ я ему нравился и за кой-какія уступки

я отъ него могъ добиться чего угодно. Онъ даже самъ провожалъ меня по ночамъ къ деревенскимъ дѣвкамъ. Мнѣ очень полюбилась дочь мельничихи Волиска и я уже не въ первый разъ посѣщалъ ее. Была страшная жара, ущербная луна косоboко свѣтила, стѣны виноградниковъ казались сѣрыми. Помпоній хныкалъ о вредѣ женщинъ, но брелъ за мною. Вдругъ мы услышали уже въ выжженномъ полѣ звукъ, какъ если бы били палкой по мѣдной кастрюлѣ. На перекресткѣ курился маленькій костеръ. Голая старуха ударяла по мѣдному тазику для бритья и пѣла. Волосы, груди и животъ дряблo висѣли; беззубый ротъ шамкалъ какія-то дикія слога. Притомъ она стегала себя по синеватой задницѣ, попеременно поворачиваясь къ намъ то этою частью тѣла, то передними мѣшками. Наконецъ, ударивъ сильнѣе всѣхъ предыдущихъ разовъ и громко вскрикнувъ, она присѣла на корточки и стала жидко испражняться, будто у нея былъ понось. Вонючій дымъ заволокъ
19 картину, шипя. Когда онъ немного разсѣялся, старухи уже не было, а подымалась къ тусклому небу длинная цапля. Я запустилъ въ нее дубинкою, и птица свалилась почти на дорогу. Мы подошли ближе; цапля лежала съ переломленной ногой, грудь ея подъ перьями испуганно подымалась и глазъ вертѣлся предсмертно. Волиски не было дома. Мы прождали въ амбарушкѣ всю ночь. Помпоній былъ радъ случаю использовать въ свою пользу не остывшій мой пылъ. Волиска такъ и не пришла. Когда на разсвѣтѣ мы возвращались, на томъ мѣстѣ, гдѣ лежала цапля, мы нашли дочь мельничихи. Она была мертвою, совершенно обнаженной, и нога у нея была переломлена. Скоро мы уѣхали съ хутора; Помпонія отецъ прогналъ, но вѣдьму я все-таки видѣлъ.

— Это, конечно, большое преимущество твоего воспитанія — началъ было одинъ изъ пожилыхъ молодыхъ людей, но, взглянувъ на небо, захлопалъ въ ладоши. Выскочившій слуга, очевидно, зналъ, въ чемъ дѣло, потому что, не дожидаясь приказаній, подалъ сенатору пуховый плащъ на стеганной подкладкѣ. Закутывая горло и даже прикрывъ ротъ оранжевою полою, гость не переставалъ говорить.

— Въ домъ, въ домъ скорѣе! немедля въ домъ! Смотрите! — и онъ театрально вытянулъ было руку вверхъ, но сейчасъ же спряталъ ее подъ одежду.

*

По затуманеннымъ малиновымъ облакамъ стремглавъ носились ласточки, чертя правильные подвижные узоры, словно въ какой игрѣ. Квадратный отрѣзокъ надъ дворомъ походилъ на взятую отдѣльно часть большой картины. Небо пухлой сіяющей, багряношелковой подушкой, казалось, готово было сейчасъ опуститься на голову. Откуда появлялись и куда пропадали птицы, было неизвѣстно.

Въ промежуткахъ, выше ласточекъ, толклись столбомъ мошки. Всѣ съ удивленіемъ взглянули на небо, но сейчасъ же, равнодушно улыбнувшись, перевели глаза на Клавдія, — только провинціальный Парисъ остался съ мечтательно задранной головой, причемъ еще яснѣе обнаружилось нѣжное очертаніе его прямого носа и пухлаго подбородка.

— Въ домъ, господа! мой совѣтъ: въ домъ, если вы не желаете схватить лихорадку.

Молодые люди поднялись со скамейки и, потягиваясь, вихляво ступая засидѣвшимися ногами, направились къ толстому ковру, колыхавшемуся надъ тремя широкими ступенями.

Семироній подождалъ, когда съ нимъ поровняется всесвѣтный путешественникъ. Задержавъ его, онъ спросилъ вполголоса:

— Хотѣлъ спросить тебя! ты видѣлъ его?

— Кого?

— Юношу.

— Антиноя?

Семироній безъ словъ кивнулъ головою.

— О, нѣсколько разъ! божественно!

— Хотѣлъ спросить тебя... Говорятъ... Конечно, это вздоръ... Но вглядись въ меня. Тебѣ не кажется, что я его напоминаю?

— Это — мысль! Я не подумалъ объ этомъ. Я все ломалъ себѣ голову, гдѣ я тебя встрѣчалъ. Такъ, такъ! Онъ плотнѣе тебя, конечно.

Семироній передернулъ узкими плечами.

— Ты вѣришь въ магію?

— Это — смотря, другъ мой. Въ вѣдьмъ этого дурачка изъ Испаніи я не вѣрю и нашей хозяйкѣ не особенно.

— Но она сильно пойдетъ въ гору.

— Ты думаешь?

— Увѣренъ, хотя это меня и мало интересуетъ.

Семпроній уже взялся рукою за коверъ, какъ къ нимъ подошелъ третій человѣкъ. Это былъ одинъ изъ раньше бывшихъ здѣсь гостей, но надѣтая только сейчасъ остроконечная войлочная шапка такъ измѣнила его, что онъ казался незнакомцемъ. Худощавое лицо было смугло и не по римски скуласто, вѣки на половину закрывали чрезмѣрно выпуклые глаза, и тонкій ротъ былъ почти совершенно лишенъ губъ. Покуда Семпроній разсматривалъ его, онъ вдругъ замѣтилъ, что они уже вдвоемъ и небо стемнѣло. Изъ-за ковра изрѣдка доносились произительныя пробѣжки высокой арфы. Незнакомецъ (все-таки для Семпронія онъ оставался незнакомцемъ) молчалъ, и въ невѣрныхъ сумеркахъ лицо его кривилось пробѣгавшей какъ винтъ судорогой. Наконецъ, будто съ трудомъ преодолѣвъ косноязычіе, онъ глухо произнесъ:

— Радуйся, ты будешь славенъ! молчи. Мнѣ нуженъ знакъ, и онъ будетъ данъ. Ты грезишь, какъ въ пещерѣ Трофонія,
21 но Элохимы дальнихъ странъ тебя осѣнятъ крылами. Какъ высока твоя звѣзда, Семпроній, печальна, но высока! Одна лишь звѣзда Бактріанскихъ сновидцевъ выше была и не превзойти твоей сладостной Нильской звѣздѣ, что скоро зазеленится надъ нѣжною жертвой. Славенъ въ своей печали ты (радуйся) будешь!

Тщеславная улыбка, на мигъ зацвѣтшая на губахъ Семпронія, тотчасъ исчезла. Онъ отступилъ почти въ страхѣ. Какая слава? Вдругъ всѣ честолюбивые планы, самодовольная память о собственныхъ достоинствахъ показались ему ничтожными и безсильными. Даже самая красота жалкой. Горчайшее сомнѣніе и отчаяніе наполнили его сердце.

Скуластый прорицатель, закинувъ къ небу острый колпакъ, ждалъ. Чего? Семпроній не двигался. Арфы невыносимо и безсмысленно переливались на высочайшихъ нотахъ.

Вдругъ Семпроній вскрикнулъ. Летучая мышь какъ печать влипла въ его бѣлую тунику противъ самаго сердца. Повисѣвъ секунду, оторвалась и взлетѣла у его лица, коснувшись крыльями и тонкими лапами его волосъ.

Азіатъ упалъ лицомъ на песокъ, завопивъ:

— Знакъ! знакъ! Еще ли ты сомнѣваешься, ты, который умрешь и воскреснешь? Придешь ли ты къ вѣрнымъ, которые ждутъ отъ тебя спасенія и царства?

— Приду! — серьезно проговорилъ Семироній и прибавилъ важно:

— Завтра пусть ждутъ меня послѣ захода солнца. Ты проведешь меня.

Ему самому показалось бы страннымъ, что онъ могъ сомнѣваться минуту тому назадъ, и когда онъ входилъ въ теплую надушенную залу Ліи, онъ держался прямо, забывъ о своихъ узкихъ плечахъ, былъ величественно блѣденъ, а вспотѣвшіе волосы на лбу и вискахъ сбились и прилипли къ кожѣ, будто онъ нѣсколько дней лежалъ въ гробу или только что снялъ съ головы діадему.

Левъ Бруни

— [illegible]

— [illegible]

[illegible] плечахъ, былъ величественно блѣденъ, а вспотѣвшіе волосы на лбу и вискахъ сбились и прилипли къ кожѣ, будто [illegible] съ головы діадему.

Левъ Брутъ

АЛЕКСАНДРЪ БЕЛЕНСОНЪ

СВѢТЪ НА ПУТИ

Посвящается О. Ѳ. Кнорре

Плыветъ, плыветъ, не видя края,
Раскрѣпощенная душа
И тонетъ, радостно сгорая.
О, юность вѣчная вторая!
О, голубое солнце рая,
Тебя вдыхаю, не дыша!

Блаженный мигъ, какое лѣто
Весеннее цвѣтетъ въ груди!
Какъ руки благостно воздѣты!
Но, спутникъ вѣрный, гдѣ ты? гдѣ ты?
Лишь отступающаго свѣта
Сіянье вижу впереди.

29 Декабря-8 Января 1922

Какъ жалкій прахъ, какъ скорбный тлѣнъ
Все отпадетъ, все распадется,
И человѣкъ, презрѣвши плѣнъ,
Въ обитель отчую вернется.
Но въ мірѣ слезъ и душныхъ стѣнъ,
Который зломъ запечатлѣнъ,
Здѣсь смертью сей возвратъ зовется.

25

Такъ мы подчасъ зовемъ тоской
Слѣпую горечь отщепенства-
Неясный образъ жизни той
Неповторимаго блаженства.
Такъ образъ чистый совершенства,
Представшій странницѣ земной-
Душѣ, поэтъ зоветъ мечтой.

ВОСПОМИНАНІЯ

Вотъ бремя-память для меня!
Хочу, забывъ о памяти,
Молчать, когда средь бѣла дня
Припоминать вы станете.

И пусть нелѣпая кровать,
Пусть стулъ одинъ лишь въ комнатѣ,
Но чтобъ никто не смѣлъ сказать:
«Ну потрудитесь, вспомните».

Я вспомню все, припомню самъ,
Но не теперь, а вечеромъ.
Не здѣсь, не здѣсь, а только тамъ,
За кажущимся глетчеромъ.

КЪ ***

Не говорите, что съ годами
Вы лишь усталость обрѣли.
Дитя рожденной вновь земли,
Не вспоминайте объ Адамѣ!
Когда-то милыя черты
Не стали-ль мнѣ еще милѣе?
Къ чему жъ, о прошломъ сожалѣя,
Страшишься будущаго ты?
Душѣ неопытной земной
Тяжка и призрачность утраты,
Но развѣ менѣе богаты
Мы, пріобщась любви иной!
Пока съ улыбкою живой
Моимъ отвѣтствуешь лобзаньямъ,
Пока дневнымъ дышу дыханьемъ,
Какъ нѣкогда, теперь я-твой.
Не говори, что обрѣла
Съ годами ты одну усталость:
Любовь, такая-ль это малость,
Чтобъ ею ты пренебрегла?

М. Добужинскій

В. В. РОЗАНОВЪ

ПИСЬМА [къ Э. О. Голлербаху]

Только что простоялъ «со свѣчками». И опять пережилъ это умиленіе. Но какъ насчетъ «свѣчекъ» у меня уже написано въ «Анок» (...аписиєѣ), то слушалъ особенно внимательно и вразумительно. И вотъ впечатлѣніе: «нѣтъ, что-то надо выбирать: или Вет. Зав. или — Новый. И тогда — только Новый, или-же одинъ только Ветхій». Тутъ, въ 12 Евангеліяхъ, все такъ сплетено, все связано такимъ желѣзомъ, такъ скован (помимо Евангелій, какая и работа Церкви, и какъ все мудро устроено, выбрано, какое чтеніе, прилѣвы, музыка прилѣвовъ), что конечно всѣмъ «Каіафамъ» несется такое проклятье, — проклятье «до того свѣта», до «Пресвѣтодней», — проклятіе самому Іерусалиму, со всѣми его Ваалами, съ толстыми беременными брюхами, съ «жраньемъ идоложертвеннаго», или вообще — «жертвеннаго мяса» (имѣе просфоры): что конечно или христіанство — и тогда трижды прокляты, сто разъ прокляты всѣ Іерусалимы, и, знаете-ли, съ ними прокляты и Аѳины, и Римъ, и Пергамъ, «весь эллинизмъ», а мы останемся только «съ чистыми дѣвами», съ моими вотъ «Вѣрочками» (монашка дочь*, да — я вижу — на тотъ же путь выходитъ и Таня, находящая утѣшеніе только въ храмѣ, и всегда за службу спѣшащая къ самому ея началу) и... съ г.г. Добролюбовыми, съ Вольтеромъ и «вольтерьянцами»... Что за судьба (говорю объ Европѣ): или — монастырь, или ужъ если отрицаніе — то такое дьявольское, съ хохотомъ, цинизмомъ, грязью и... революціей... Знаете-ли, другъ мой, не будь этого ужаснаго религіознаго цинизма въ Европѣ, м.-б. я всю жизнь простоялъ-бы «тихо и миловидно» «со свѣчками» и переживалъ-бы только «христіанскія (православныя) умиленія». Но хохотъ надъ Богомъ

*) Покончившая с собою вскорѣ послѣ смерти В. В. — Ред.

давно поражаетъ меня, хохотъ — самихъ поповъ, хохотъ — самого духовенства, хохотъ и (неразборчиво), проф. ф. Дух. Академіи (Флоренскій) говорилъ: всѣ они единственно потому занимаются богословіемъ, что вотъ «есть книги по богословію», «есть литература богословія», и — больше ни почему: въ душѣ ихъ живетъ такой атеизмъ, какой и на умъ не приходилъ Добролюбову; всѣ они грязные, съ анекдотцами, религіозные циники. И вотъ, мои Вѣра и Таня, безграничныя дѣти, святы: но откуда эти мерзавцы? И вотъ, я думаю-думаю, думаю съ 1898 г., съ «Русскаго Труда» Шарапова, а въ сущности — раньше, ибо вѣдь я началъ съ «Историческаго положенія христіанства» (рѣчь къ 900-лѣтію «Крещенія Руси»), и въ сущности вся моя жизнь прошла на тему о христіанствѣ. И вотъ: откуда-же «Вольтеръ и вольтерьянцы», и можно-ли представить себѣ жидка, чтобы онъ такъ захохоталъ надъ Моисеемъ? Ни-ни. Но больше, дальше, глубже:
31 Вы знаете, что Алкивіадъ былъ осужденъ въ изгнаніе за то, что осмѣлился посмѣяться надъ (говорятъ — «фаллическими») статуями боговъ ночью, въ худой компаніи собутыльниковъ. Время Алкивіада — уже время «несчастія аѳинскаго», время décadence'а эллинскаго, время Пелопонезской войны — теперешней нашей міровой войнѣ. И, значитъ, не только въ Іерусалимѣ, но и въ Аѳинахъ «Вольтеру не дозволили быть». Отчего же въ Парижѣ былъ «Вольтеръ», — также Diderot, Helvetius etc., да и раньше — Боккачіо и его «штучки». Вы помните эту невыносимую грязь Декамерона, это «сальце», эту «скверну», этот подленькій смѣшокъ, хуже Фед. Павловича Карамазова. Ну, такъ откуда же — или «чистыя святыя дѣвы», или — «нѣтъ Бога и не надо его»? И вотъ, вся жизнь моя прошла въ темѣ: откуда въ Европѣ «подлое издѣвательство» надъ Богомъ? И рѣшилъ я: да — оттого, что въ Европѣ — не Провидѣніе, а — Христосъ, не Судьба — а опять-же Голгоѳскій страдалецъ, съ этимъ «выбросомъ къ чорту» Іерусалима, Аѳинъ, рая, Древа Жизни и вообще всѣхъ этихъ въ основѣ конечно фаллическихъ «святынь» — скверна. Въ еврействѣ это путается: «святыня» и «скверна» — одно. Въ одномъ разсказѣ (бытовомъ) у Ефрона разсказано, что какой-то раввинъ или «цадикъ» или меламедъ (школьный учитель), будучи раздраженъ, кричитъ хозяевамъ дома («тутошнимъ еврейчикамъ»): подайте

тазъ, я долженъ умыть руки, потому что я въ гнѣвѣ и боюсь — не удержусь произнести Имя (т. е. «Іаговахъ»). Я, какъ прочиталъ, ахнулъ: «Ахъ, такъ вотъ въ чемъ дѣло: нельзя произнести Имени и не умыть руки сейчасъ послѣ произнесенія». Это совершенно одно и то же, что было въ знаменитомъ... (неразборчиво) собраніи, когда опредѣлялся «канонъ» іудаизма, т. е. когда отдѣлялись подлинно боговдохновенныя книги отъ сомнительно-боговдохновенныхъ книгъ. Рѣшали по опредѣленію: «какія книги суть тѣ, къ пергаменту коихъ прикосновеніе рукъ — оскверняетъ эти руки»... Собраніе было передъ самымъ разрушеніемъ Іерусалима Веспасіаномъ и Титомъ. Вы видите, что тутъ есть связь, сходство съ шалостью Алкивіада, какъ онъ «обломалъ фаллы» у фаллическихъ боговъ. Историки ни о чемъ не подумали, а Розановъ догадался, что то, что въ Аѳинахъ было тѣнью, въ Іерусалимѣ было существомъ, что, собственно, за спиною Іерусалима и съ защитою Іерусалима держался весь Античный міръ, всѣ 32
эти «Ваалы», «Астарты» (неразборчиво), «Діонисы» и прочая дребедень. Что въ сущности важенъ былъ не Діонисъ, а «горящій терновый кустъ», который увидалъ Моисей, — горящій, горѣвшій, и — это — тоже Солнце, вѣчно горящее и не сгорающее. И вообще:

Какое хочешь имя дай
Моей поэмѣ полудикой —

но въ основѣ лежитъ именно фаллъ. Уже пріѣхавъ въ Сергіевъ (неразборчиво — Посадъ?), я разсматриваю Фридлендера «koptos», и вдругъ увидѣлъ у него изображеніе Бога Сына (...неразборчиво): какое? Изумительное: статуя держитъ въ рукѣ правой — фаллъ. Помните, я вамъ писалъ изъ Питера, что суть религіозности проистекаетъ изъ одного порока. Когда я съ изумленіемъ, какого описать не могу, разсматривалъ странно дикую статую (...неразборчиво), я вдругъ убѣдился, что моя догадка совершенно истинна. «Богъ» приблизительно занимался этимъ «порокомъ». Ну, что-же мнѣ дѣлать, не выдумывать-же. Что мнѣ за дѣло, что «древніе», со временъ Моисея, а навѣрное и раньше такъ сдѣлали «статую», которую подобралъ Фридлендеръ. «Не я же виноватъ», т. е. не Розановъ-же. Христосъ-то конечно все это зналъ («Про-

видѣть») — достаточно было Ему или ему а'фаллицировать религію, чтобы уничтожить вообще религію, самую суть ея, источникъ ея, Древо Жизни (— фаллъ). Достаточно было ему сдѣлать то, что Алкивіадъ сдѣлалъ въ Аѳинахъ, чтобы всѣ Соломоновы храмы полетѣли къ чорту. Теперь, что же такое «12 свѣчекъ, т. е. 12 евангелій, которыя выслушиваешь со свѣчкой»: это разсказъ о невыносимыхъ страданіяхъ, о невыразимомъ благородствѣ души, величіи и красотѣ Слова и слова. Собственно Христосъ поднялъ знаменіе Слова, чтобы навѣчно побѣдить Фаллъ, и для этого — для одного этого — пришелъ. И — все сказалъ, и все сдѣлалъ. Это есть ноуменальная сторона Евангелія. Я даже не знаю, былъ-ли Христосъ (ни одной буквы о немъ нѣтъ у Іосифа Флавія, поразительно), передъ нами лежитъ только чудодѣйственная Книга Евангелій. Иногда мнѣ кажется (или казалось), что никакого Христа не было, а есть разсказъ о Христѣ, — разсказъ,
33 убивающій собою фаллъ. «Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіе и обремененные — Азъ успокою Вы». При такихъ словахъ — «извините, не до эротизма». «Извините, тутъ не Венерой пахнетъ». Вообще, изъ текста Евангелія совершенно естественно вытекаетъ монастырь. Монастырь — avitализмъ. «Нѣтъ жизни, не нужно». Скорбь и скорбь заливаетъ все. Но тогда какъ-же? Надо — жить, остается — жить. Все-таки вѣдь остается-же и намъ нужно жить. И вотъ — «живутъ», но — «прохвосты». Боккачіо, Вольтеръ, Герценъ. «Живетъ» . . . . . хамство, подлость. Нѣтъ — Алкивіада, есть — Чичиковъ. Нѣтъ — мотылька, оборваны его золотыя крылышки. «Супротивъ его» — мужикъ-хамъ и . . . . . Я не понимаю, какъ у Васъ при В. умѣ не связывается все въ одну картину. Для меня безбожія жизни такъ объясняются. И вотъ — смотрите: Достоевскій и карамазовщина, К. Леонтьевъ съ его эстетикой — какое все это уже антихристіанство, какіе опять Аѳины и Синай: знаете-ли Вы и догадываетесь-ли Вы, что именно въ Россіи суждено придти Антихристу, т. е. попросту «опять возстановить фаллъ, обрубленный Алкивіадомъ» (неразборчиво), окончательно Христомъ. Достоевскій — это опять теизмъ, К. Леонтьевъ — вновь порывъ вѣры, уже не то, что «евангелики» Толстой и Чертковъ. И «Розановъ» естественно продолжаетъ или заключаетъ К. Леонтьева и

Достоевскаго. Лишь то, что у нихъ было глухо или намеками, у меня становится ясною мыслью. Я говорю прямо то, о чемъ они не смѣли и догадываться. Говорю, п. ч. я все-таки болѣе ихъ мыслитель («О пониманіи»). Вотъ и все.

Но дѣло идетъ (и шло у Д-го и К. Л-ва) именно объ антихристіанствѣ, о побѣдѣ самой сути его, этого ужаснаго avit'ализма: когда изъ него-то, изъ фалла — все и проистекаетъ (обрѣзаніе). Ну, усталъ. Ахъ, дойдетъ-ли до Васъ это письмо. Увѣдомьте меня о полученіи его. «Сію рукопись читалъ и содержанія оной не одобрилъ».

Усталъ. Addio. В. Розановъ.

Въ 14 лѣтъ Государственная Дума промотала все, что князья кіевскіе, цари московскіе и императоры петербургскіе, а также сослуживцы ихъ доблестные, накапливали и скопили въ тысячу лѣтъ.

Ахъ, такъ вотъ гдѣ закопаны были «Мертвыя души». А ихъ все искали... — Зрѣлище Руси окончено. — «Пора одѣвать шубы и возвращаться домой». Оглянулись. Но ни шубъ, ни домовъ не оказалось.

Россія пуста. Боже, Россія пуста. Продали, продали, продали. Государственная Дума продала народность, продала вѣру, продала земли, продала работу.

Продала, какъ бы Россія была ея крѣпостною рабою. Она вообще продала все, что у нея купили. И что поразительно: она нисколько себя не считаетъ виновною, и «кающагося дворянина въ ней нѣтъ». Она и до сихъ поръ считаетъ себя совершенно правою и вполнѣ невинною.

Единственный въ мірѣ парламентъ. Какъ эти Чичиковы ѣздили тогда въ Лондонъ и много говорили. «Нашей навѣ хочется вездѣ показаться». И «какъ насъ принимали».

И оказались правы одни славянофилы.

Одинъ Катковъ.

Одинъ Конст. Леонтьевъ.

Послѣдній говорилъ: «Россія — не юность. Она старушонка. Ей уже 1000 лѣтъ. А дальше тысячи лѣтъ рѣдкое царство переживало». Поразительно, что во время революціи эти теченія нашей умственности не были даже вспомянуты. Какъ будто

* Письмо В. В. Розанова, датированное 7 — VI — 18, взято изъ «Стрѣльца» по независящимъ отъ Редакціи обстоятельствамъ Редакторъ

нъ никогда даже не существовало. Соціалисты и инородцы дѣйствовали.

А что же русскіе?

Досыпали «сонъ Обломова», сидѣли «на днѣ» Максима Горькаго. И вездѣ—разсыпавшіеся Чичиковы.

Первая нища! Первая нища!

Всегда было предметомъ моего размышленія: ну, если бы «сыны пророческіе» и удержались, то какъ же они могутъ существовать? ибо трижды въ сутки человѣкъ долженъ ѣсть. А «сынъ пророческій» не можетъ ничего около себя сдѣлать. Онъ безсиленъ. Руки повисли. Ибо — уже во-истину Господь призвалъ его говорить и говорить. «Сынъ пророческій» — сомнамбула. Летаетъ по колокольнямъ. Звонитъ. Лѣзетъ по крышамъ домовъ. Заглядываетъ въ слуховыя трубы (окна?). И учитъ, учитъ. «Сынъ пророческій — не въ своей власти». Это суть его, и если кто-то не обниметъ его и не сохранитъ, онъ расшибется, убьется. Умретъ.

Какъ же? Что же? Безъ пророковъ похолодѣетъ земля.

. . . . . .

Съ дней юности, дѣтства я былъ такой сомнамбулой. Кромѣ «внутреннихъ говоровъ», которые я слышалъ въ себѣ, — я ничего не слышалъ, не видѣлъ. «Какъ я живу?» Это всегда было предметомъ для меня самого удивленія. «Богъ спасалъ» — воистину никакихъ пособій самоспасенія. И вотъ, бури развивались во мнѣ: да помогите же, люди. Вѣдь я для однихъ васъ живу, вѣдь мнѣ самому во-истину ничего не надо.

. . . . . .

И вотъ я раскалился, а сказать не смѣю. Какъ сказать? Какъ сказать? Какъ выговорить? И вотъ — женщина. Незнаемая, изъ родной Костромы.

О, мое дѣтство, мое страшное дѣтство.

И прислала 6 фунтовъ чистѣйшаго толокна, сухого, здороваго: по 3 чайныхъ ложки на стаканъ горячаго молока. И вѣрю я, выйдетъ черезъ два мѣсяца, и она еще пришлетъ. Питательно. Полезно (неразборчиво). А я вѣчно (неразборчиво). Спасибо,

дорогая, милая. незабвенная. Изъ Костромы я уже выѣхалъ лѣтъ 50 назадъ и не возвращался никогда.
Очевидно, что «ближніе эти», если они не истуканы, должны

. . . . . .

Я «не смѣлъ сказать», а женщина «смѣла сдѣлать». Изъ родной и милой Костромы мнѣ прислала — шесть 6 фунтовъ толокна: вкуснѣйшаго овсянаго хлѣба, завариваемаго на горячемъ молокѣ: 2—3 ложки на стаканъ молока. Это на мѣсяцъ, на два. Спасибо, родная женщина. И вотъ я питаюсь, какъ (неразборчиво). И будетъ время. И пройдетъ два мѣсяца — и она еще пришлетъ.

И взглядъ змѣи упорно-бѣшеный...*

Меня эта строка какъ-то гипнотизировала, и я (молча, внутренно) ее повторяю и за чаемъ, и за обѣдомъ, и ночью, — не умѣю отъ нея отвязаться. Увѣренъ, это остатокъ отъ «больницы Николая Чудотворца Всѣхъ Скорбящихъ», и увѣренъ, что еще нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такой строки. Напишите мнѣ о ея происхожденіи.

Изъ писемъ моихъ только 2 понравились: 1-ое письмо (міръ — дѣвчонка) и — камень (знаете ли, что это — «Вы» и «я»?). Послѣднее — (длинное, долговязое) — отвратительно. Я долженъ былъ тутъ горѣть какъ рубинъ, какъ самый яркій камень: а изобразилъ «могилку». 38

Какъ удивительно письмо Мурахиной: до письма она видѣла меня всего разъ или два. Не могу скрыть, что она написала гораздо лучше Васъ, хотя явно и не «конгеніальна», а почти «на противоположномъ полюсѣ». Но она угадала все (старушкѣ 55 лѣтъ). Я самъ не рѣшался, не позволялъ давать себѣ такого опредѣленія. «Слишкомъ хорошо», «куда мнѣ»: куда мнѣ одѣвать такое на себя одѣяніе. И вотъ старушка, но дѣятельная, бодрая, одѣла въ ночи на меня такое одѣяніе, одѣла въ пуриуръ, одѣла въ звѣзды. А чувствовалъ-то я внутренне и уже не стыдящимся чувствомъ, что — именно такъ, именно — ноуменальные міры, и что я ихъ держу въ рукахъ. Я тихъ и скроменъ, къ тому же такъ безобразенъ: но я чувствую въ себѣ какое-то Державство къ Міру. Кстати, знаете ли Вы таинственное слово, какое мнѣ сказалъ Григорій Распутинъ? Но сперва о словѣ Ѳеофана, «праведнаго» (дѣйствительно праведнаго) инспектора Духовной Академіи в Спб. Сижу я, еще кто-то, писатели, у архимандрита (и цензора «Нов. Пути») Антонина. Входитъ Ѳео-

* Строка изъ стихотворенія Э. Голлербаха. — Ред.

фанъ и ¼ часа поговорившiи — ушелъ. Кажется, не онъ вошелъ, а «мы вошли». Когда Антонинъ спросилъ его: «Отчего Вы ушли скоро», онъ отвѣтилъ: «оттого, что Розановъ вошелъ, а онъ — Дьяволъ».

Теперь — Распутинъ: онъ танцовалъ съ замужнею, съ которою и «жилъ», и тутъ же, при ея мужѣ, говорилъ объ этомъ: «вотъ и жена его меня любитъ, и мужъ — любитъ». Я — спрашиваю его: «Отчего Вы тогда, Григорий Ефимовичъ, ушли такъ скоро?» (отъ отца Ярослава, съ женою коего онъ тоже «жилъ». и о. Ярославъ тоже «одобрялъ» это. Тутъ вообще какая-то Райская исторiя, Эдемъ «общенiя женъ и дѣтей»). Онъ мнѣ отвѣтилъ: «оттого, что я тебя испугался». Честное слово. Я опѣшилъ.

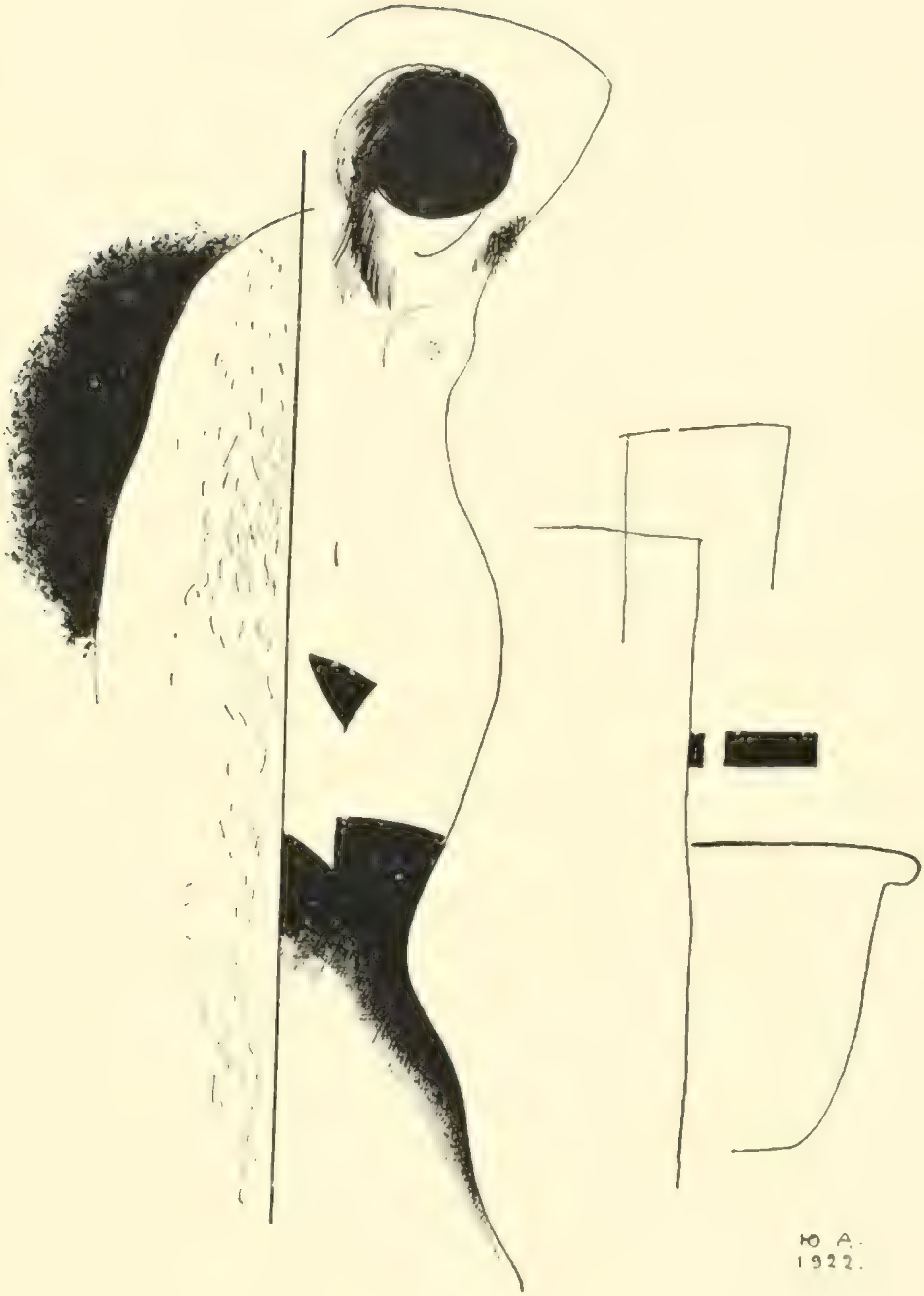
Но когда я соображаю, что сталъ добираться до Египта, гдѣ поклонялись быкамъ — Анисамъ, и мнѣ самому хочется хотя бы дотронуться до яицъ Аписа, не говорю уже поцѣловать
39 ихъ, когда я думаю, что вѣдь и Гришка среди женщинъ былъ священный Аписъ, былъ Адонисъ (Adon'aй, какъ написано въ одномъ египетскомъ атласѣ возлѣ колесницы, везущей Скарабея: а «Adon'aй есть жидовскiй Богъ, онъ же Iегова, онъ же «терновый кустъ горящiй»), Діонисъ, — что «вообще все это» мнѣ уяснялось и уродилось: то, какъ «самъ Гришка Распутинъ» вошелъ в meos circulos («мои круги»: «Noli tangere meos circulos», закричалъ Архимедъ римскому воину, вбѣжавшему по взятiи Сиракузъ въ его комнату-лабораторiю-ученый кабинетъ), то естественно онъ и смутился, какъ «на старшаго себя», но — въ той же Распутинско-Діонисово-Адонаевой теогонiи, космогонiи. Я помню, онъ вошелъ. Я — уже сидѣлъ. Ему налили стаканъ чаю. Онъ молча его выпилъ. Положилъ бокомъ на блюдечко стаканъ и вышелъ, ни слова не сказавъ хозяевамъ или мнѣ. Но если это такъ, если (онъ) не солгалъ въ танцующей богемѣ, притомъ едва ли что зналъ (наверное — не зналъ) объ Анисахъ и древности; то какъ онъ могъ, впервые въ жизни меня увидѣвъ и не произнеся со мною даже ни одного слова, по одному виду, лику (явно) опредѣлить всего меня въ ноуменальной глубинѣ, въ той глубинѣ, въ какой и самъ я себя не сознавалъ, особенно не сознавалъ еще тогда. Я зналъ, что реставрирую Египетъ; все въ атласахъ его (ученыя экспедицiи) было по-

нятно; я плакалъ въ Публичной Библіотекѣ, говоря: «да! да! да!». Так бы и я сдѣлалъ, нарисовалъ, если бы «пришелъ на мысль рисунокъ», но «самаго рисунка не было на мысли», не было дерзости въ моей мысли, смѣлости, храбрости выговорить, а чувство было уже... даже и до поцѣлуя Анисовыхъ яицъ. То тотъ — Гришкинъ испугъ: не есть ли это уже Гришкино чудо. Чудо — вѣдѣнія, уже сквозь землю, и скорѣе — моего будущаго, нежели (тогда) моего «теперешняго». Согласитесь сами, что это напоминаетъ или вѣрнѣе, что это «истиниствуетъ» «сапу Аниса» въ его какой-то вѣчной истинѣ. Т.-е., что я + Гришка, Гриша + Анисъ есть что-то «въ самомъ дѣлѣ», а не мнѣ. Добавлю: 4 дѣвушки — двѣ курсистки, 1 учительница музыки и 1 «ни то, ни другое», но симпатичнѣе всѣхъ на свѣтѣ курсистокъ, и даже еще одна, уже пятая, и «почти одна», на Кавказѣ (никогда меня и не видавшая) хотѣли «отдаться» мнѣ, отдавались мнѣ, на почвѣ лишь безграничнаго моего къ женщинамъ уваженія, на почвѣ въ сущности той, что я самъ на женщину смотрю, ее почитаю и чту, какъ Анисиху. Причемъ 1 видѣла меня только одинъ разъ, была (неразборчиво) лесбійски связана съ другою благороднѣйшею, и она, эта дѣвушка, съ которой она была связана, сама оставила меня «для ласкъ» съ нею, — она меня стала «ласкать», а потомъ и совокупилась, когда «онъ всталъ». Не чудо ли это, не сущее ли чудо? Чудо близости какой-то ноуменальной. И клянусь Вамъ — о, слишкомъ клянусь: изъ 4-хъ или даже пяти — не было ни единой сколько-нибудь развратной, сколько-нибудь распущенной, сколько-нибудь «позволяющей себѣ». Какъ одна и выразилась съ чудной улыбкой (о братѣ): «О, До-ма-ша: О.о.о: ни-ни-ни», т.-е. братъ такъ думалъ. Между тѣмъ «всѣ наши наслажденія» сводились (неразборчиво) «половыя прикосновенія». Ни — любви, ни — объясненій. И вмѣстѣ: и любовь и — нѣжность.

Въ основѣ, на днѣ: безграничное мое уваженіе. Къ чему уваженіе? Къ женщинѣ, къ Тебѣ вотъ. Но въ твоемъ женскомъ существѣ. И — къ душѣ черезъ это. Мнѣ иногда кажется, что я достигъ ноумена міра, что я «держу звѣзду», но какъ-то не умѣю сосредоточиться на этомъ и даже обратить вниманіе по литературному «некогда».

Усталъ. Прощайте.

В. Р.



Юрій Анненковъ

И еще изъ предсказаній: была, года 4 назадъ, вечерника у Мих. Ал. Суворина. Въ проходѣ межъ двухъ комнатъ была посажена гадалка. «Въ составѣ увеселеній и разнообразія», какъ и бродившій тамъ же «арапченокъ». Всѣ показывали «руку» (гадалкѣ). Она «сказывала». Проходя — протянулъ и я со смѣхомъ: что же она мнѣ сказала?

Удивительно: она стала искать «линію жизни» и, найдя, удивилась и пробормотала: «да Вы, да Вы... я не знаю, сколько проживете: я не нахожу конца линіи жизни; во всякомъ случаѣ — страшно долго. И васъ до самаго конца жизни будутъ любить (т.-е. женщины)». Кажется, она не произнесла «женщины», но въ смыслѣ словъ разумѣлось «женщины». А судя по тому, что я уже «не могъ», и мнѣ отдавались въ возрастѣ 19, еще 19, 23, 29 и 40 или 39 — очевидно, «есть что-то» и именно — «отъ Аниса». «Ты почитай Аниса» и тогда ты будешь «самъ Анисомъ». Что-то въ этомъ родѣ.

41 О себѣ я не думаю. Но Аниса — слишкомъ почитаю.

«Они были такіе огромные»... но «я ихъ еще увеличилъ бы и довелъ до величины неба, до величины лѣса. Въ сущности — до величины вселенной. Я увѣренъ, что «въ тѣло Аниса» раздробляется вся «Вселенная». т.-е. что вся «Вселенная» есть модусы и модусы, части и части (неразборчиво) одного невыразимаго и непостижимаго Анисища, «ноумена-Аниса» и, собственно, однихъ только его genital'ій, и еще собственнѣе — его вѣчно брызжущаго сѣмени, бури сѣмени, грозъ сѣмени. Электричество, вулканы, свѣтъ, громы, «молотъ» — все фаллъ и фаллъ. «Космогонія», символы міра — все фаллъ и фаллъ. Сосна, пихта, ель, особенно, особенно шишка еловая, «видъ дерева», куполъ неба — все фалло-образно. Все — «онъ», вездѣ — «онъ». «И безъ него ничто же бысть еже бысть». Усталъ.

И вотъ мы подходимъ, съ чего начали:

«И взглядъ змѣи упорно бѣшеный».

Во мнѣ есть вообще много фетишизма: знаете ли, какое мѣсто въ Вашихъ письмахъ мнѣ болѣе всего понравилось: что Вамъ еще хотѣлось бы увидѣть мою физику и особенно «увидѣть и пощупать мои вещи и мои книги». Я думаю, тоже —. «и посмотрѣть мою мебель», «на чемъ» и «какъ» я «сижу» Вотъ это и есть «главное», «египетское». Прочее все — чепуха. «Европа» и глупости. Прочее все — «Гучковскія Вѣдомости».

Милый Гол., вчера было 9-го октября — день рожденія нашей Наденьки («Пучекъ» Оп. л.), мама — еще въ постели сказала— «Потише, не разбуди Надю, день ея рожденія», и хотя самоваръ было ставить еще рано (я,—обычно), но я, сказавъ мамѣ, что буду «тихо»—всталъ за однимъ нужнымъ дѣломъ. Это «нужное дѣло» заключалось въ слѣдующемъ: отыскивая остатки окурковъ въ одной лежанкѣ, я—едва началъ раскапывать пальцами мусоръ, какъ попалъ на: «Б. Ветлугина: И. Абрамо- 42
вичъ—улица современной печати». Ветлугинъ—я, въ «Колоколѣ», кажется, это или прошлый годъ, или года 2 назадъ. Абрамовичъ («И о сѣмени твоемъ благословятся всѣ народы», т.-е. «всѣ народы будутъ, станутъ, совершатся въ будущемъ, какъ счастливые, какъ лучшіе, какъ благородные, какъ моральные», — Ною или Аврааму или даже Адаму), — итакъ, Абрамовичъ, какъ и всѣ евреи (замѣтьте, обратите вниманіе) — кромѣ «мелочей» и «глупостей» печати, кромѣ «крохоборства» ея, дѣлаютъ въ литературѣ русской положительно самое лучшее, самое нужное дѣло: начиная съ Флексера и благородной Любови Гуревичъ («Сѣверный Вѣстникъ») — Дамаянти Флексера, несчастно и внѣнадежно его любящая; сама она прелестна и хороша; онъ—резонеръ, мыслитель, фанатикъ и повидимому онанистъ (т.-е. человѣкъ избранный, исключительный; всѣ онанисты суть таинственно и незамѣтно «Авраамы своихъ народовъ», ведущіе ихъ, напр., Паскаль для XVII в., у насъ—Лермонтовъ и, кажется, Гоголь, я думаю — Жуковскій). Этотъ Флексеръ первый предпринялъ колоссальную работу переработки русской критики, которая къ 80—90-мъ годамъ, занявъ еще съ 60-хъ, да пожалуй и съ 40-хъ годовъ (Бѣлинскій, эпоха Бѣлинскаго), черезъ Добролюбова (нигилистъ-агитаторъ и тоже безумный онанистъ, т.-е. по исключи-

тельной «съ жаромъ» — преданности этому якобы пороку — добродѣтели), превратилась въ лицѣ Скабичевскаго, Шелгунова, отчасти И. Михайловскаго, положительно въ хулиганство, «садъ терзаній» (или «міръ пытокъ» въ китайскомъ Дворцѣ) русской литературы, осложняемой кабакомъ и трактиромъ. Стоя на плечахъ Бѣлинскаго и еще болѣе на плечахъ Добролюбова — «критика и библіографія», особенно мелочная и анонимная. — вообще «шушера» самой уже библіографіи, озирала и смѣла озирать всю русскую печать... и очень умно, прямо «проникновенно» (хотя и глупа, но хитра) — особенно «озирала» она все начинающее, всякаго перваго беллетриста, перваго нувеллиста,— ну, и публициста отчасти. Я не знаю, знаете ли вы (вѣроятно— нѣтъ. Вы слишкомъ горды для этой паршн): но, ей-ей, тутъ и не одно самолюбіе «начинающихъ». Вѣрите ли, какъ часто мнѣ хотѣлось «поцѣловать руку прощенія» у присылавшихъ мнѣ книги — «первыя начинанія» — авторовъ. «Имъ такъ нужно» (о, нужно!!): а я «такъ усталъ» (смѣлъ устать, дерзнулъ устать). Долго писать. Вы понимаете трагедію. И вотъ этотъ начинающій вдругъ находитъ подъ буквами «И. М.» (фатальныя, золотыя у автора)... такъ «немного привѣтливый» отзывъ, ну — и журящій, но вообще — «искренній и талантливый», «Первый чинъ», нѣтъ, первая ласточка и весна. «О, я буду работать». Первое и единственное кажется описаніе этого сдѣлано у Достоевскаго (какъ его «приняли Бѣлинскій и Григоровичъ»), но повѣрьте, точь въ точь происходитъ это самое и у каждаго, и еще лучше повѣрьте, — что тутъ ничего нѣтъ низменнаго воюче-самолюбиваго (развѣ у послѣднихъ подлецовъ, вотъ у «хамовъ», о которыхъ Вы очень хорошо написали, у которыхъ уже съ зачатія отца и матери все обдрызгано, прошито, просвистано) — кромѣ этой «чумы рода человѣческаго», у всѣхъ-то и вообще это есть таинственная «еврейская суббота» бытія человѣческаго, бытія литературнаго. Она выражаетъ прекраснѣйшее чувство литературнаго братства, литературнаго единства, что литература «едина» и «тутъ всѣ — братья» — мы конечно будемъ дѣлать лучшее историческое дѣло», «лучшее народное дѣло». О! о! о!.. И вотъ въ этотъ-то идеализмъ, специфическій идеализмъ «начинающаго», когда «одѣвъ новенькую одежду» юноша «входитъ какъ именинникъ въ литературу» (еще бы, вѣдь онъ ночи не спалъ,

да и трудился наконецъ), архигады, эти чудища, эти «И. К.», «Х», N, капнули... ядомъ или помадою. У каждаго мерзавца былъ или шприцъ съ сѣрною кислотою для обливанія «именинника», или «помада, чтобы его припомадить. Вы понимаете ли, что даже не произошла бы русская революція, русскій позитивизмъ, русскій нигилизмъ, русское знаменитое «отрицаніе» и «отрицательное отношеніе къ дѣйствительности», если бы именно не библіографія, заправляемая и редактируемая критиками и редакторами, а имъ всѣмъ начало «столпъ и утвержденіе истины» положили Добролюбовъ онанистъ и Бѣлинскій — онанистъ же, т.-е. люди съ Авраамовскими ноуменами въ себѣ, «обрѣзанные» и призванные къ себѣ въ завѣтъ Богомъ. Ибо «всякій онанистъ» дѣлаетъ именно то же, что Авраамъ, и — ничего еще другого: онъ «открываетъ передъ Богомъ лицо свое, ноуменъ свой, «голову члена», то, что подло зовется caput membri въ подлой медицинѣ». Итакъ, вотъ эти со шприцами на «да» и «нѣтъ» господа, встали у самаго входа 44
въ литературу и заперли, точнѣе — захватили всѣ ея ворота. Крѣпость «взята», когда захвачены ея ворота. Проходъ, ворота (какъ и «улица», узкое проходимое между домами мѣсто) это все въ общежитіи, гдѣ «толкаются», «живутъ», «дышутъ». И вотъ — «самое живое мѣсто» захватили... не только хамы, но Каины и люциферы. Слова В. письма — еще слабы, еще блѣдны, еще тусклы; на самомъ дѣлѣ это — огромное историческое дѣло, это «начало всего». «Начало»... понимаете ли Вы, надъ чѣмъ трудился первый періодъ греческой философіи, разыскивая все начало (неразборчиво) «первыхъ двигателей». Она разыскивала именно «перваго Бѣлинскаго» и «перваго Добролюбова». И вотъ надо было «убрать эту гадость съ дороги», эту вонь и заразу, стоявшую при входѣ. Въ концѣ концовъ — убрать эту «парашку» каторжниковъ («Воскресенье» Толстого). Собственно, она-то и превратила въ каторгу всю литературу и дѣлала изъ милаго юнаго лица начинающаго литератора какого-то формено «каторжника». Тутъ помада, гнусная блядовская помада, дѣйствовала еще лучше, еще вѣрнѣе, чѣмъ шприцъ съ сѣрною кислотою. «Вправляемъ ноги» начинающимъ, говоря: «вы будете ходить или по нашимъ путямъ, или — ни по какимъ, и мы тебѣ это сдѣлали очень ласково, не вороти только морду». О, о, о.

—

Ну, вотъ эту гадость устранить или (то же самое) эту совершить правду рѣшилъ сухой, черствый Флексеръ, для совершенно ему чужой русской литературы. Онъ, который и назвалъ себя «Волынскимъ». Вотъ Вы и судите, и осуждайте евреевъ. Нѣтъ, батюшка, съ евреями надо «погодить». Еврей — онъ именно святой, онъ часто — безталанецъ, не умень. Умъ и «умы» евреевъ рѣшительно и до смѣшного преувеличены, но онъ именно «святой» и не въ русскихъ вовсе, а именно въ евреяхъ зарыта «правда» (русскіе же обычно жулики), и роль русскихъ во всей всемірной исторіи есть чисто жульническая, наглая, безсовѣстная (тутъ Чаадаевъ правъ). Нужно вамъ сказать одну тайну, съ изумленіемъ мною прочитанную въ еврейскомъ молитвенникѣ, что «Библія начинается съ какихъ-то первыхъ пяти словъ», коихъ — если у нихъ сложить только первыя буквы, то эти «первыя буквы» образуютъ собою новое слово (т.-е. уже сокровенное, скрытое какъ бы «акростихомъ») — «П-р-а-в-д-а». Вотъ какъ, батюшка, начинаютъ ноуменальные народы съ ноуменальнымъ въ исторіи призваніемъ. Вѣдь еще когда Библія-то написана — «Въ началѣ всѣхъ временъ», «при исходѣ изъ Египта». Да, это ужъ не Чичиковы и (несчастная) раса Чичикова. И вотъ Флексеръ-Волынскій, принимая на себя, на имя свое, на судьбу свою въ литературѣ весь адъ насмѣшекъ, проклятій, злобствованія, совершилъ эту «библейскую», эту (сокровенно-акростихальную) правду — для русской литературы. Потомъ пришелъ благородный Гершензонъ, съ «образами прошлаго», съ великолѣпными изданіями Кирѣевскаго и Чаадаева, вообще со всею своею изумительною и многолѣтнею «работою на пользу русской литературы», потомъ Венгеровъ, чистый и благородный труженикъ по библіографіи, Лернеръ («Труды и дни Пушкина») и наконецъ Айхенвальдъ, который — хоть и тяжело въ этомъ сознаться русскому — написалъ все-таки прекрасные «Силуэты русской литературы» и положилъ «прямо въ лоскъ», — благодаря изяществу article'я — «перваго мерзавца русской критики» — Бѣлинскаго. И теперь, теперь, дѣйствительно за славу и за честь — нѣтъ лучше: за пользу, русской литературѣ принесенную — Богъ далъ имъ «корифейство» въ критикѣ, т.-е. въ «горжѣ» (проходъ, «дыра» въ осаждаемой крѣпости, — особое стратегическое понятіе) ея. «Евреи

первенствуютъ» безусловно, абсолютно, именно въ улицѣ, «именно — въ критикѣ». Но чѣмъ? Трудолюбіемъ и добросовѣстностью (какъ и въ торговлѣ, какъ — въ сущности — вездѣ). Богъ-же, батенька, добродѣтель; онъ ужъ не Чичиковъ и не «случайно» удалось; «случайно сорвалось»: онъ—Батюшка нашъ, Отецъ нашъ — онъ серьезенъ, весь самъ въ работѣ (сотвореніе міра, работа надъ міромъ): и отъ каждаго дѣлающаго хочетъ — добра, пользы, нужнаго. Вотъ они ноумены исторіи — да: и жидъ, талантливъ или не талантливъ, часто— глупенькій жиденокъ, все копается около чего-то полезнаго. и вотъ я нахожу свой фельетонъ объ Абрамовичѣ — въ печкѣ. Абрамовичъ сдѣлалъ, и какъ-то доканчивающе сдѣлалъ, конецъ всей этой очищающей еврейской работѣ надъ русскою литературою. Онъ занялся не «Тургеневыми» и «Герценами», а попроще и понужнѣе — Улицею, именно печати и. ч. литературы — нѣтъ, а есть «Русское Слово» и есть «Нов. Время». Есть «Амфитеатровы и Оль д'Оры», ну и вотъ я нахожу это 46
«въ печкѣ», и... съ изумленіемъ (и ужасомъ) вижу, что «она истоплена первою осенней тонкою» (и сколько же тамъ было моихъ фельетоновъ?) и хватая другую печь (vis-a vis въ корридорчикѣ), «выгребаю»...

... Посылаю Вамъ то, что я выгребъ!! Господи, золотыя кудри дѣтей... Да вѣдь это (особенно узнается въ голодный годъ) хлѣбъ даже, хлѣбъ насущный, если его замѣтятъ и оцѣнятъ (а они конечно и оцѣнятъ и замѣтятъ) Голлербахъ и Спасовскій (прочелъ, вѣрно не прочиталъ при полученіи — чудную Васъ оцѣнку Спасовскимъ, краткую, выразительную. Вообще онъ гораздо болѣе замѣчателенъ, чѣмъ показался мнѣ съ самаго начала; онъ — по настоящему замѣчателенъ и особенно полезенъ для Россіи, — а Вешнія Воды теперь лучшій политическій журналъ въ Россіи). Я же былъ въ такомъ безумномъ испугѣ за судьбу дѣтей. Именно — за будущее, за будущее! Это — темное, это ужасное будущее. Я «поклевалъ» только — не въ силахъ читать, а вы прочтите. И я успокоился (впервые съ осени 1917 г.). Они сами себѣ проложатъ дорогу, мои кудерьки, они не «несчастными» родились, но ей-ей «въ папашу» (а онъ довольно уменъ и. въ сущности, en grand — былъ счастливъ.) Вы знаете лучше всякаго, что суть дѣла въ «клочкахъ», въ «черновикахъ», еще до печати, до прибран-

наго, до «причесаннаго»: и вотъ я — куда ни тыкался глазомъ — нахожу вездѣ работу творческаго воображенія, сотворящаго «вымыселъ», «тему» слова; о, кудерьки — вы «всѣ словесники», въ «пану» и въ Голлербаха (позвольте Васъ похвалить):

. укусы бѣшеной змѣи...

Вотъ и у нихъ — укусы, но не змѣй, а — поцѣлуй Ангела, розы невинныя, чистыя. Не разбирая почерки своихъ дѣтей, я снесъ нукомъ — къ мамѣ — и показалъ: «это вотъ почеркъ Нади, а то почеркъ — Вари». То-то онѣ каждую, каждую ночь запираются, шушукаются, «тратятъ керосинъ» (коего въ дому нѣтъ), вообще какъ-то счастливы; а по-утру ругаются; то-то онѣ такъ грубы и несдержанны съ родителями, и вообще «какъ я, вѣчный — творецъ», со всегдашнимъ моимъ «некогда» и «ну васъ къ чорту», «оставьте меня въ покоѣ», который и
47 есть (единственное) условіе и необходимость, чтобы «почной фіалкѣ распуститься и заблагоухать». О, я вѣрю въ правду (неразборчиво), я вѣрю в добро божіе. Вѣрю, что Богъ не оставитъ меня, а слѣд. и дѣтей моихъ, за пользу, мною принесенную міру, людямъ: вотъ «письма студенчества», вотъ «семейный вопросъ въ Россіи», вотъ «сумерки просвѣщенія», не говоря о шалостяхъ. «Итальянскія впечатл.». Но это — польза, это — лучше. Съ чувствомъ заливающаго счастья я обошелъ 3 кроватки дѣтей.—Таня-судомойка, Варя уѣхала «кормиться и работать» въ Полтаву, Надя — «кухарка», чудно и старательно готовящая обѣдъ; я — старшій дворникъ (качанье воды и дрова), поздравилъ съ «рожденіемъ» Пучка, но и о другихъ всѣхъ сказалъ счастливо, громко: Талантливы!! Всѣ — талантливы; а главное — милыя, благородныя, чистыя (вотъ она «прозрачность дѣтей» въ папѣ, всегда «крестъ на крестѣ выходящая въ дочеряхъ). Усталъ. Прощайте.

В. Р.

Какъ все произошло. Россію подмѣнили. Вставили на ея мѣсто другую свѣчку. И она горитъ чужимъ пламенемъ, чужимъ огнемъ, свѣтится не русскимъ свѣтомъ и по русски не согрѣваетъ комнаты.

Русское сало растеклось по шандалу. Когда эта чудная свѣчка выгоритъ. мы соберемъ остатки русскаго сальца. И сдѣлаемъ еще послѣднюю русскую свѣчечку. Постараемся накопить еще больше русскаго сала и зажечь ее отъ той маленькой. Не усиѣемъ — русскій свѣтъ погаснетъ въ мірѣ.

До какого предѣла мы должны любить Россію?

...до истязанія; до истязанія самой души своей. Мы должны любить ее до «наоборотъ нашему мнѣнію», «убѣжденію», головъ. Сердце, сердце, вотъ оно любовь къ родинѣ — чревная. И, если Вы встрѣтите Луначарскаго, ищите въ немъ тѣни русской задумчивости. русскаго странствія по лѣсамъ и горамъ; и такъ. любите русскаго человѣка «до соціализма», понимая всю глубину «соціальной пошлости и соціальной братство, равенство и свобода». И вотъ, несите «знамя свободы», эту омерзительную . . . . . какъ любилъ же Гоголь Русь съ ея «вѣдьмами», съ «повитчикъ кувшинное рыло», только надписавъ «моимъ горькимъ смѣхомъ посмѣюся»: неужели и онъ, хохолъ, и слѣд. чуть чуть инородецъ, чуть чуть иностранецъ. какъ и Гельфердингъ, и Даль, Востоковъ, — имѣютъ право больше любить Россію, крѣпче любить Россію. чѣмъ Великоросс? Цѣлую жизнь я отрицалъ тебя въ какомъ то ужасѣ, но ты предсталъ мнѣ теперь въ своей полной истинѣ. Щедринъ, беру тебя и благославляю. Проклятая Россія, благословенная Россія. Но благословенна именно на концѣ. Конецъ, конецъ, именно — конецъ. Что дѣлать: гнило, гнило. гнило. Нѣтъ зерна — пусто, вонь; нѣтъ Родины, пуста она. Зачеркнута, небытіе. Не вѣрь, о, не вѣрь небытію. и — никогда не вѣрь. Вѣрь именно въ бытіе, только въ бытіе, въ одно бытіе. И когда на мѣстѣ умершаго воняющее пустое мѣсто съ горошинку, вотъ тутъ-то и зародышъ, воскресеніе. Не все ли умерло въ Гоголѣ? Но все воскресло въ Достоевскомъ. О, вотъ тайна міра, тайна моральнаго «воскресенія», съ коимъ совпадаетъ онтологическое космогоническое воскресеніе. Египетъ, Египетъ... какъ страшны твои тайны. Зову тебя, зову... умерло зерно, и дало ростокъ самъ-шесть. Никакого уныніе — о, никакого уныніе. «Самъ-

шесть, помни единое языческое самъ-шесть Деметры». Прозерпина ищетъ дочь свою. Ее «похитилъ Аидъ». Боже, вотъ разгадка ада. Какая истина въ мифахъ древности. Кора въ объятіяхъ Аида»! Душа, гдѣ она? Въ преисподней. «Душа русская въ революціи». Гдѣ? Нѣтъ ея! Будемъ искать Кору, какъ помертвѣлая отъ страха и тоски Прозерпина. Зерно — о, какъ оно морально. Въ зернѣ-ли моральность? Вѣдь растеніе «не чувствуетъ». Не ползаетъ, не бѣгаетъ. И вдругъ зерно-то и открывается, что оно-то и есть ноуменъ не только онтологіи, но и вмѣстѣ что этотъ онтологическій ноуменъ совпадаетъ и единое есть съ моральнымъ.

Фениксъ «черезъ 500 лѣтъ воскресающій» — Египетъ, мнѣ страшно тебя. Ты одинъ все понялъ... О, старецъ... Священный Ибисъ, священный Анисъ...

. . . . . .

«Послѣ Гоголя и Щедрина — Розановъ съ его молитвою».

49 Ахъ, такъ вотъ гдѣ суть... Когда зерно сгнило, уже сгнило: тогда на этомъ ужасающемъ «уже», горестномъ «уже», слезномъ «уже», что оплакано и представляетъ одинъ ужасъ небытія и пустоты,

полнаго —

становится безматеріальная молитва...

Вѣдь въ молитвѣ нѣтъ никакой матеріи

Никакого нѣтъ строенія

Построенія

Нѣтъ даже черты, точки...

Именно — —

Тайна —

въ его тайнѣ.

Чудовищной, неисповѣдимой.

Рыло. Дьяволъ.

Гоголь. Лѣшій.

Щедринъ. Вѣдьма.

Тьма исторіи.

Всему конецъ.

Безмолвіе. Вздохъ.

Молитва. Ростъ.

«Изъ отрицанія — Аврора, Аврора съ золотыми перстами». Ахъ! такъ вотъ откуда въ Библіи такъ странно, «концомъ напередъ», изречено: «и бысть вечеръ (тьма,

мгла, смерть) и бысть утро — День первый». Разгадывается Религія, разгадываются построенія и Исторія.

Строеніе Дня...

и вмѣстѣ устройство Міра.

Боже, Боже... Какія тайны. Какая судьба.

Какое утѣшеніе.

А я то скорблю, какъ въ могилѣ. А эта могила и есть мое Воскресеніе...

В. В. Лебедев

[illegible] смерть) и бысть утро — День первый. [illegible]
Религія, [illegible] [illegible] и Исторія.

Строеніе Дня...

и вмѣстѣ устройство Міра.

Боже. Боже... Какія тайны. Какія судьбы.

Какое утѣшеніе.

А я то скорблю, какъ въ могилѣ. А эта могила и есть мое Воскресеніе...

В. В. Лебедевъ

АННА АХМАТОВА

ИЗЪ КНИГИ БЫТИЯ

И встрѣтилъ Іаковъ въ долинѣ Рахиль,
Онъ ей поклонился, какъ странникъ бездомный.
Стада подымали горячую пыль,
Источникъ былъ камнемъ завалень огромнымъ.
Онъ камень своею рукой отвалилъ
И чистой водою овецъ напоилъ.

Но стало въ груди его сердце грустить,
Болѣть какъ открытая рана,
И онъ согласился за дѣву служить
Семь лѣтъ пастухомъ у Лавана.
Рахиль, для того, кто во власти твоей,
Семь лѣтъ, словно семь ослѣпительныхъ дней!

Но много премудръ сребролюбецъ Лаванъ, 52
И жалость ему незнакома,
Онъ думаетъ: каждый простится обманъ
Во славу Лаванова дома.
И блѣдную Лію спокойной рукой
Приводитъ къ Іакову въ брачный покой.

Течетъ надъ пустыней высокая ночь,
Роняетъ прохладныя росы,
И стонетъ Лаванова младшая дочь,
Терзая пушистыя косы.
Сестру проклинаетъ и Бога хулитъ
И Ангелу Смерти явиться велитъ.

И снится Іакову сладостный часъ,
Прозрачный источникъ долины,
Веселые взоры Рахилиныхъ глазъ
И голосъ ея голубиный:
Іаковъ, не ты ли меня цѣловалъ
И черной голубкой своей называлъ?

АЛЕКСАНДРЪ БѢЛЯЕВЪ

ЕГИПЕТСКАЯ ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНИЦА

[Опытъ гностическаго повѣствованія]

Посвящается сестрѣ моей Елизаветѣ.

Яковъ Бауманъ былъ молодой еще человѣкъ лѣтъ тридцати трехъ и, казалось, безъ опредѣленныхъ занятій. Былъ онъ блондинъ роста средняго, худощавый и задумчивый. Глаза его подчасъ имѣли выраженіе весьма мечтательное, хотя склонностью къ мечтательности владѣлецъ ихъ какъ-будто не отличался.

Пожалуй, здѣсь уже приличествовало бы пояснить, чѣмъ замѣчателенъ человѣкъ, выбранный мною въ герои повѣствованія, но, право, я затрудняюсь сдѣлать это, ибо при нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ своихъ достоинствахъ Яковъ Бауманъ все же ничѣмъ рѣшительно замѣчателенъ не былъ.

Что же касается его жизни, то жизнь, проходящую день за днемъ, безъ шума и неожиданныхъ приключеній, въ хорошемъ литературномъ обществѣ принято считать неинтересной. Такой-то и была къ огорченію моему жизнь занимающаго меня лица: въ ней совершенно, и даже съ извѣстной преднамѣренностью, отсутствовали событія, и не то, чтобъ какія особенныя, а просто всякія, такія, что обычно приключаются чуть ли не на каждомъ шагу съ большинствомъ людей.

Но, не согласитесь ли вы, что человѣкъ, обойденный судьбою въ отношеніи событій, тѣмъ самымъ уже выдѣляется изъ ряда прочихъ, болѣе удачливыхъ, по справедливости пріобрѣтая основаніе ожидать, если не сочувствія, то хотя бы вниманія къ нему читателей?

Герой, пусть въ кавычкахъ, моего повѣствованія, которое не изъ подражанія своеобразной модѣ названо гностическимъ, всегда испытывалъ особенное пристрастіе къ философскимъ занятіямъ. Между прочимъ мнѣ доподлинно извѣстно, что онъ серьезно задумалъ написать небольшой трактатъ, размѣромъ въ нѣсколько десятковъ строкъ, посвященный выясненію истиннаго значенія Канта для тайновѣдѣнія или, вѣрнѣе, для окончательнаго просвѣщенія языческихъ философовъ, которымъ системой Кантовой, лишь развившей забытое ученіе Апостола Павла, неоспоримо должно бы быть доказано, что безъ откровенія невозможно имѣть познанія ни о Богѣ, ни о душѣ и что умный міръ совсѣмъ неприступенъ для естественнаго разума, ибо Богъ обитаетъ въ такомъ свѣтѣ, куда никакое умозрѣніе проникнуть не можетъ.

Впрочемъ, въ далекой юности прочелъ онъ изрядное количество романовъ рыцарскихъ и иныхъ, оставившихъ на немъ легкій слѣдъ. И теперь, въ зрѣломъ по годамъ возрастѣ, обозрѣвая иногда свою жизнь, онъ невольно ловилъ себя на чувствѣ тайной неудовлетворенности и насмѣшливаго недоумѣнія, сопровождавшемъ воспоминаніе о прочитанныхъ нѣкогда сочиненіяхъ, въ которыхъ знатныя красавицы такъ охотно и быстро влюблялись въ одинокихъ бѣдныхъ юношей, и вообще провидѣніе неизмѣнно заботилось лишь о томъ, чтобъ на долю юношей выпадало возможно больше удивительнѣйшихъ и въ концѣ концовъ пріятнѣйшихъ галантныхъ приключеній.

Конечно, проживъ и продумавъ достаточно для того, чтобъ успѣть познать тщету и горечь всѣхъ радостей, соблазняющихъ здѣсь человѣка, еще не сотворившаго себя духовнымъ, онъ, если-бъ и умѣлъ мечтать, то ужъ навѣрное теперь предметомъ мечтаній его были бы не подобныя приключенія, а иныя явленія, странныя, даже сверхъестественныя, возможность которыхъ однако вполнѣ подтверждалась не только вѣрой его, но и разумомъ, изощреннымъ гностическими разсужденіями мистиковъ.

Но, повидимому, не умѣлъ онъ, да и не любилъ мечтать, и, если подчасъ ничѣмъ болѣе важнымъ не былъ занятъ, то всего охотнѣе пребывалъ въ созерцательной и совершенной праздности, которую самъ опредѣлялъ при случаѣ, какъ сосредоточенное бездуміе.

Однажды неосторожно онъ увлекся прелестнымъ созданіемъ, незамѣтно ставшимъ его невѣстой, но въ самый торжественный

моментъ испугался того, что могло произойти, и неожиданно исчезъ. Но кто изъ насъ порой не бываетъ подверженъ увлеченіямъ, и какое же это, если мыслить строго, событіе!
Во всякомъ случаѣ никогда впослѣдствіи Яковъ Бауманъ не проявлялъ раскаянія въ томъ, что по собственной винѣ остался лишеннымъ нѣжной спутницы, и сожалѣлъ, какъ ни странно, о томъ лишь, что имя покинутой невѣсты не было «Нанна» — имя особенно имъ любимое.
Онъ сохранилъ единственный подарокъ своей невѣсты — старинный золотой перстень, на которомъ арабскими буквами вырѣзаны были имена. Онъ показывалъ его свѣдущимъ лицамъ, даже ученымъ востоковѣдамъ, но одни читали арабскіе знаки такъ: «Богъ есть. Есть Богъ», другіе: «Богъ мой — любовь», а иные такъ вовсе отказывались объяснить значеніе загадочныхъ начертаній, ссылаясь на чрезмѣрную ихъ древность.
Какъ бы тамъ ни было, Яковъ Бауманъ не заботился о составленіи себѣ гороскопа и не слишкомъ заинтересовался попавшей 56
какъ-то ему снова на глаза визитной карточкой провинціальной гадалки, гдѣ значилось:
«Египетская предсказательница прошедшаго, настоящаго и будущаго П. А. Бабкина».

*

Былъ вечеръ, просторная комната освѣщалась свѣчой. Сидя у тонувшейся раскрытой печи, онъ держалъ въ рукахъ книгу — изъ тѣхъ, о которыхъ сказано, что въ подобныхъ книгахъ дѣло идетъ вовсе не о томъ только, что въ нихъ буквально написано, а о скрытыхъ силахъ, которыя вели перомъ автора и которыя вливаются въ жилы читателя, такъ что по нимъ струится новое чувство истины; испытывая правильное дѣйствіе этихъ книгъ, читатель получаетъ, въ извѣстномъ отношеніи, посвященіе разсудка.
Онъ читалъ объ ангелахъ, охраняющихъ человѣка, и, время отъ времени отрываясь отъ книги, глядѣлъ на огонь, словно завороженный магіей горящихъ дровъ, влекомый къ привычному таинственному зрѣлищу. И снова огненныя страницы.
— Ангелъ, мой ангелъ неотлучно охраняетъ меня. И сейчасъ онъ близко, здѣсь за мною, незримо бодрствуетъ. Какъ радостно, легко и вмѣстѣ какъ безконечно страшно отъ этого со-

знанія: онъ здѣсь, всегда здѣсь, лишь ради меня покинувшій невѣдомыя мнѣ обители, но обернусь, и вотъ нѣтъ никого, и я не вижу его. А онъ видитъ каждое мое движеніе, слѣдитъ малѣйшую мысль, видитъ меня лучше, нежели я самъ, — мой тихій стражъ... Лишь онъ свободенъ по-настоящему, свободенъ и отъ оковъ, налагаемыхъ временемъ: время не властно надъ нимъ, непрестанно приближающимся къ весни своей юности и, чудесный, чѣмъ старше онъ становится, тѣмъ моложе долженъ казаться. Умный и знающій ангелъ!..

Взволнованный, умиленный, Яковъ Бауманъ долго не сводилъ глазъ съ висѣвшаго надъ кроватью его молящагося ангела, неповторимо изображеннаго Филиппино Липпи, потомъ задумался, опустивъ голову. Когда онъ поднялъ ее, то увидѣлъ незнакомца, вошедшаго неприметно, но испуга и удивленія не ощутилъ.

Тотъ глядѣлъ сурово, и въ то же время неслыханно-нѣжно прозвучалъ его голосъ, когда еле слышно, словно не раскрывая
57 губъ, онъ молвилъ: «пойдемте».

Они шли очень быстро, почти бѣжали, но объ усталости не думалось. Вотъ миновали и городской валъ. Какъ долго шли они, объ этомъ судить было невозможно. Вдругъ возлѣ большого, экзотически ярко освѣщеннаго дома, вокругъ котораго не видно было иныхъ строеній, незнакомецъ остановился. Безъ усилія поднимаясь по высокой, цвѣтами убранной, лѣстницѣ, взошли они наверхъ и очутились въ покояхъ, залитыхъ голубымъ свѣтомъ.

Навстрѣчу имъ медленно поднялась молодая женщина неисказанно-прекрасная, не слишкомъ высокая и чрезвычайно блѣдная. На ней было гладкое черное платье безо всякихъ украшеній.

Сразу обратившись къ Якову Бауману, прекрасная госпожа неожиданно простерла къ нему обѣ руки съ выраженіемъ мольбы и цѣломудренной покорности. Но онъ, совершенно потрясенный, испытывалъ вблизи нея робость такую, о силѣ которой немыслимо составить себѣ представленіе. Робость эта увеличивалась въ немъ съ каждымъ мгновеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ все существо его было словно пронизано еще не испытанными доселѣ чувствами благоговѣйнаго восхищенія и порывистаго воодушевленія, лишавшаго его одновременно дыханія

и разсудка. Онъ упалъ на колѣни и залился слезами. Потомъ показалось ему, будто мать его, юная и веселая, склонившись надъ нимъ, ласково проводитъ рукой по его воспаленнымъ глазамъ. Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы поцѣловать ея руку, но это не удалось ему.

— Пойдемте, промолвилъ тотъ же, хорошо знакомый голосъ. Они перешли въ полутемную залу, гдѣ за круглымъ столомъ, покрытымъ тяжелой, скажемъ, византійской парчей, на которомъ лежало распятіе, сидѣли пятеро мужчинъ бритые и во фракахъ. Передъ каждымъ зажжена была свѣча. Когда они входили въ залу, сидѣвшіе тамъ молча привстали и снова сѣли по знаку незнакомца.

Яковъ Бауманъ хотѣлъ было спросить, что дѣлаютъ здѣсь за круглымъ столомъ и зачѣмъ распятіе, когда взоръ его привлеченъ былъ висѣвшимъ въ углубленіи залы зеркаломъ странной формы, ровно ничего не отражавшимъ. Только что собрался онъ промолвить: «гдѣ я?» какъ одинъ изъ пяти подошелъ къ нему и, взявъ за руку, подвелъ къ окну. Взглянувъ въ окно, онъ у подъѣзда увидѣлъ крошечную черную каретку съ золотымъ гербомъ, запряженную четверкой породистыхъ лошадей.

— Сѣшите, сказалъ внятно подошедшій и, повторивъ еще дважды это же слово на незнакомомъ языкѣ, вернулся къ своему мѣсту. — «Странно, что въ цѣломъ домѣ не видно слугъ, а между тѣмъ нигдѣ въ комнатахъ и даже на зеркалѣ не замѣтно пыли, подумалъ Яковъ Бауманъ, ни одной пылинки!»

И вотъ снова они вдвоемъ куда-то сѣшатъ въ темнотѣ. — Вы не покинете меня больше? спросилъ Яковъ Бауманъ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ. — Я съ вами, отвѣтилъ незнакомецъ, но, сказавши, тотчасъ отошелъ, и прежде, чѣмъ можно было понять сокровенный смыслъ произнесенныхъ имъ словъ, онъ исчезъ; и Яковъ Бауманъ, почувствовавшій сразу смертельную усталость, но и небывалую до того ясность мысли, ощущеніе которой доставляло ему острую радость, — остался одинъ.

*

Онъ не помнилъ, какъ отыскалъ въ темнотѣ дорогу и вернулся домой. Кто-то очевидно хозяйничалъ безъ него въ комнатѣ, которую онъ, выходя изъ дому, не успѣлъ запереть на ключъ:

дрова продолжали горѣть въ раскрытой печкѣ. Усѣвшись на томъ же креслѣ, онъ крѣпко уснулъ, и приснилось ему, будто онъ приноминаетъ сонъ, недавно видѣнный.

Онъ шелъ въ сопровожденіи друга и любимой своей собачки, черной Находки, по тянувшейся безконечно вдаль дорогѣ, усаженной высокими розовыми кустами. Они курили и тихо бесѣдовали. О чемъ, ему никакъ не удавалось вспомнить, но кажется о Сведенборговыхъ откровеніяхъ. Находка также разговаривала съ нимъ и лизала руки, ласково позванивая бубенчикомъ ошейника.

Такъ шли, нагнали они каретку съ золотымъ гербомъ, запряженную четверкой сильныхъ бѣлыхъ лошадей, которыя, однако, съ трудомъ, еле-еле тащили за собой каретку. — Что же въ ней и кто въ ней, что четыремъ лошадямъ не справиться? полюбопытствовалъ Яковъ Бауманъ и сдѣлалъ попытку заглянуть въ крошечное занавѣшенное окошце, но другъ властно отстранилъ его, и тутъ бѣлые кони разомъ рванулись впередъ и во весь духъ понесли каретку, изъ которой необычайно пріятный женскій голосъ крикнулъ: «сидѣните».

59

Яковъ Бауманъ былъ изумленъ и огорченъ, и ему захотѣлось поскорѣй вернуться домой, чтобъ вспомнить одно ужасно какъ нужное имя... Проснулся онъ, наконецъ, отъ рѣзкаго стука въ дверь. Въ комнату вошла прислуживавшая ему претолстая, зато добрая, сосѣдка.

— Я раньше никакъ не могла къ вамъ достучаться, взволнованно заявила она и торжественно-медленно, растягивая каждую букву, продолжала: А къ вамъ недавно пріѣзжала какая-то дама.

— Какъ ея имя? истерическиво воскликнулъ Яковъ Бауманъ.

— На...

— Нанна? весело перебилъ онъ. — Признайтесь же, что она такъ вамъ и объявила: «меня зовутъ Нанна»!

— Навѣрное сказать не могу. Объ имени спросить ее я не догадалась, да, по-правдѣ сказать, и не посмѣла бы, — наивно пробормотала добродушная женщина, въ конецъ переконфузившись. — Но возможно, что вы угадали: такое красивое имя «Нанна», мнѣ кажется, удивительно какъ подходитъ пріѣзжей дамѣ.

— Не огорчайтесь, вы поступили правильно. Все-равно завтра утромъ мы съ вами простимся надолго, — ласково и совсѣмъ

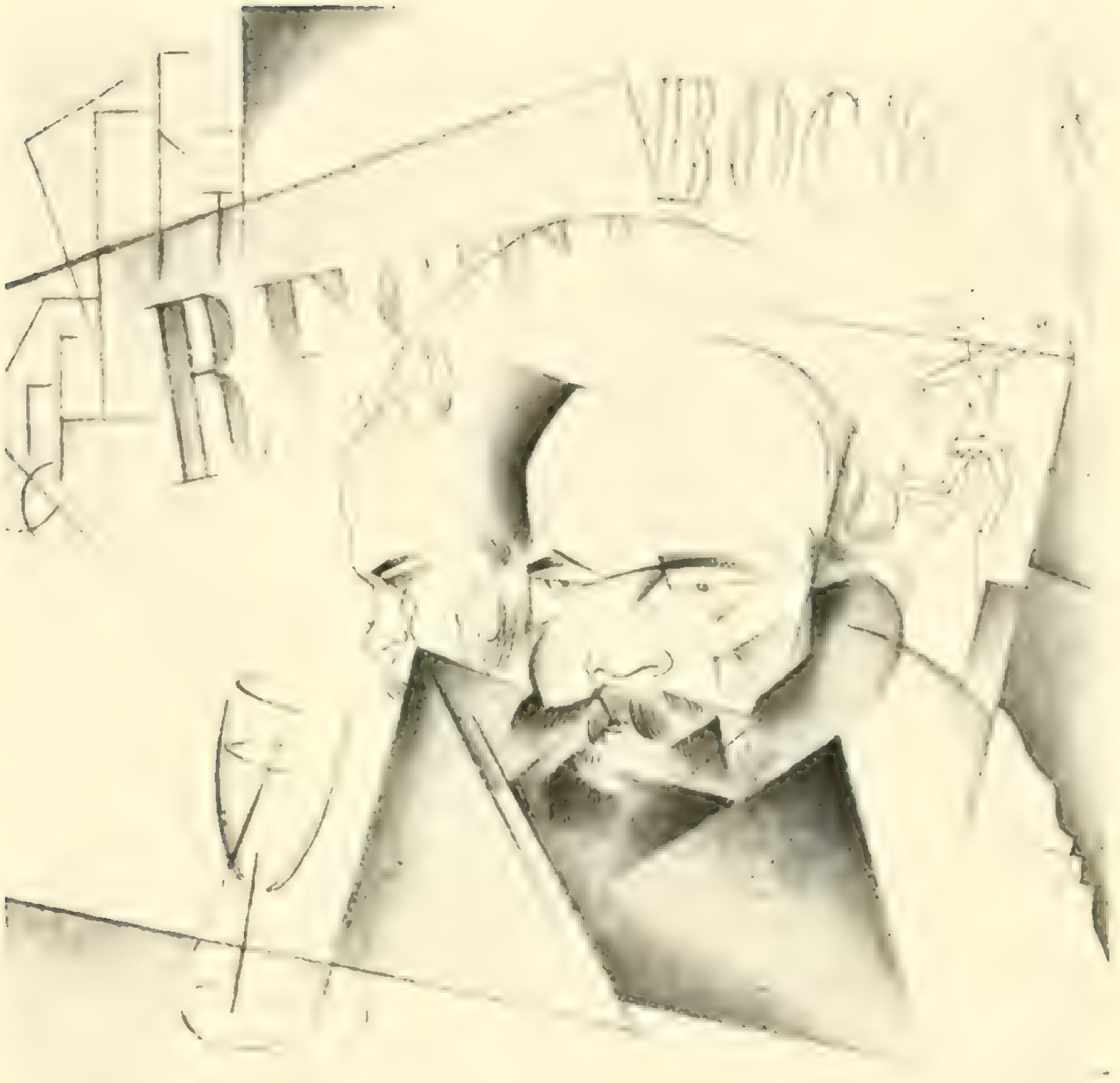
ужъ серьезно промолвилъ онъ. Я отправляюсь въ далекое странствіе и врядъ ли скоро вернусь.

— Господинъ уѣзжаетъ въ Египетъ?

— Пожалуй, и еще гораздо ближе...

Любой фактъ мистиченъ, если его не профанировать. — подумалъ при этомъ Яковъ Бауманъ, и невольно улыбнулся, живо представивъ себѣ нѣкоторые взгляды и лица извѣстныхъ литературныхъ критиковъ.

С.-Петербургъ 1921
Мартъ — Декабрь



1918.

Юрій Анненковъ

Портретъ Верлена

ПОЛЬ ВЕРЛЕНЪ [PAUL VERLAINE]

Изъ книги «Мудрость» [Sagesse]

Переводъ Ѳедора Сологуба

Меня въ тиши Бѣда, злой рыцарь въ маскѣ, встрѣтилъ
И въ сердце старое копье свое умѣтилъ.

Кровь сердца стараго багряный мечетъ взмахъ,
И стынетъ, дымная, подъ солнцемъ на цвѣтахъ.

Глаза мнѣ гаситъ мракъ, упалъ я съ громкимъ крикомъ,
И сердце старое мертво въ дрожаньи дикомъ.

Тогда приблизился и спѣшился съ коня
Бѣда, мой рыцарь злой, и тронулъ онъ меня.

Желѣзомъ скованный влагая персть глубоко
Мнѣ въ язву, свой законъ вѣщаетъ онъ жестоко,

И отъ касанія холоднаго перста
И сердце ожило, и честь, и чистота,

И, къ дивной истинѣ такъ пламенно-ревниво,
Вновь сердце молодо въ груди моей и живо.

Дрожу подъ тяжестью сомнѣній и тревогъ,
Но упоенъ, какъ тотъ, кому явился Богъ.

А добрый рыцарь мой на скакуна садится,
Киваетъ головой предъ тѣмъ, какъ удалиться,

И мнѣ кричитъ (еще я слышу голосъ тотъ):
- Довольно въ первый разъ. Но берегись впередъ!

И красота, и слабость женщинъ, ихъ печали,
И руки блѣдныя, источникъ благъ и зла,
Глаза, гдѣ жизнь почти все дикое сожгла,
Оставивъ то, предъ чѣмъ мучители-бъ дрожали,

И съ лаской матери, когда бы даже лгали,
Уста, всегда ихъ голосъ! Призывъ на дѣла,
Иль добрый знакъ, иль пѣснь, когда застигнетъ мгла,
Или рыданье, умершее въ складкахъ шали!..

Какъ люди злы! Какъ жизнь нелѣпа и груба!
Ахъ! если-бъ намъ не поцѣлуи, не борьба,
Осталось нѣчто доброе въ верховномъ кругѣ,

Что зародилось въ сердцѣ дѣтскомъ и простомъ,
И честь, и милость! Это-вѣрныя подруги,
Иное что останется, когда умремъ?

Послушай нѣжной пѣсни лепетъ.
Она заплачетъ, утѣшая,
Такая скромная, простая,
Какъ ручейка надъ мхами трепетъ.

Намъ вѣдома и вожделѣнна,
Теперь она звучитъ изъ дали,
И, какъ вдова изъ-за вуали,
Глядитъ печально, но надменно.

Злой вѣтеръ, налетая съ ревомъ,
Не вскроетъ тайны покрывала,
Но сердцу ясенъ блескъ фіала
Небесной правды подъ покровомъ.

Намъ вѣдомая, повторяетъ,
Что наша ненависть и злоба
Безслѣдно канутъ въ бездну гроба,
И лишь добро не умираетъ,

И говоритъ, какая радость-
Простая жизнь безъ ожиданья,
И яснымъ золотомъ вѣнчанье,
И мира безъ побѣды сладость.

Звучитъ, съ холоднымъ вѣтромъ споря,
Наивная эпиталама.
Великолѣпнѣе нѣтъ храма,
Чѣмъ храмъ утѣшеннаго горя.

Подобна странницѣ бездомной
Душа, безгнѣвная въ томленьи.
Какъ ясны всѣ ея ученья!
Внимай урокамъ пѣсни скромной.

Какъ нѣжно вы меня ласкали
Такъ незадолго до разлуки,
О, эти маленькія руки,
Которыми мои печали,

Мои томленья и скитанья
И въ близкихъ, и въ далекихъ странахъ
Подъ яснымъ солнцемъ и въ туманахъ
Преображался въ мечтанья.

Все къ нимъ тоска моя стремится,
Но разгадаю ли ихъ знаки
Душѣ, которая во мракѣ
Зловѣщемъ никнетъ и томится?

О, непорочное видѣнье,
Приходишь ли ты съ вѣстью вѣрной
О нашей родинѣ безмѣрной,
Гдѣ тѣсное соединенье?

О, руки, власть благословенья,
И скорбь, и кроткіе упреки,
И освященные зароки,
О, дайте, дайте знакъ прощенья!

Сынъ громадныхъ поселеній
И презрѣнныхъ возмущеній,
Здѣсь я все, о чемъ мечталъ,
Отыскалъ, и все позналъ,
Но все - призракъ, все убого,

Все спѣшило отцвѣсти.
Я легко сказалъ «прости»
Наслажденью, даже счастью,
Съ каждой я разстался страстью
Внѣ Тебя, мой милый Богъ!

Поднялъ Крестъ меня на крылья,
Далъ мнѣ лучшія усилья
Устремляться къ чистотѣ,
Къ тишинѣ, къ святой мечтѣ
Цѣломудренно и строго.

Умиленье, мнѣ подай
Сладкихъ росъ отрадный рай,
Погрузи въ живую воду,
Сердцу дай одну свободу -
Умереть у Божьихъ ногъ!

Надъ кровлей небо лишь одно,-
Лазурь ясиѣетъ.
Надъ кровлей дерево одно
Вершиной вѣетъ.

И съ неба льются мнѣ въ окно
Отъ церкви звоны,
И съ дерева летятъ въ окно
Мнѣ птичьи стоны.

О, Боже, Боже мой, все тамъ
Такъ просто, стройно,
И этотъ мирный городъ тамъ
Живетъ спокойно.

- Къ чему теперь, подумай самъ,
Твой плачъ унылый,
И что же сдѣлалъ, вспомни самъ,
Ты съ юной силой?

Маркъ Шагалъ

Маркъ Шагалъ

Л. КАРСАВИНЪ

СОФІЯ ЗЕМНАЯ И ГОРНЯЯ

[Неизданное гностическое сочиненіе].

Огненный Змій, отображеніе Великаго Змія, ярясь подъемлется изъ лона Незримой Ночи, мещетъ золотыя острыя стрѣлы, ліетъ сладкій, животворящій и въ жизни смерть несущій ядъ. Въ многоголосомъ шумѣ рождающагося Дня — розовый хитонъ его быстро желтѣетъ въ расплавленномъ золотѣ Свѣта — доносится до меня, долгими годами исканій согбеннаго, за серебро сѣдинъ отдавшаго Свѣтлому Змію черни моихъ кудрей, стройное пѣніе до зари возставшихъ отъ сна нахашеновъ.

Первымъ Началомъ рождающимъ всѣ,
Нахашъ, Ты былъ.
Хаосъ, твой Сынъ, изъ Тебя изліяній,
Былъ Началомъ Вторымъ.
Третье, отъ первыхъ пріявшее двухъ
И бытіе и свой видъ,
Третье — Душа.
Лани, трепещущей лани подобная,
Лани затравленной, Смертью гонимая
Неизбѣжимою,
Въ Царствѣ Ты свѣта вся дрожь осіянная.
Завтра рыдаешь въ страданья повергнута.
Въ скорби и стонахъ ликуешь безмѣрно Ты.
Снова — въ стенаньяхъ своихъ осуждаема.
Снова — судимая, Смерти подвержена,
Снова — блуждаешь во злѣ, безъисходная.
Путь въ лабиринтѣ навѣкъ потерявшая.
Іисусъ говоритъ Отцу:
«Посмотри, посмотри, Отецъ,
Но землѣ блуждаетъ въ тоскѣ
Изъ чертоговъ твоихъ, Отецъ,
Изгнанница.
Рвется, рвется она вознестись
И не вѣдаетъ — какъ вознестись
Изъ темницы своей, изъ оковъ
Горькаго Хаоса.
Ниспошли Меня, Отецъ, ниспошли!
Я съ печатями низойду,
Черезъ всѣ эоны пройду,
И открою тайны всѣ;
Ей открою сущность боговъ,
И священнаго тайну пути
Я открою, назвавъ
Гносисомъ[2]).

Замолкли чреватыя слова:

И священнаго тайну пути
Я открою, назвавъ
Гносисомъ.

Вспоминается далекая юность. Какъ живой, стоитъ предо мною великій Василидъ, высокій и блѣдный, никогда не улыбавшійся, съ кроткою грустью въ спокойныхъ, глубокихъ очахъ. Необоримой силой истины звучала его негромкая рѣчь, когда говорилъ онъ о Первоначалѣ Непостижимомъ, о Богѣ Не-Сущемъ.— «Оно было, когда ничего не было, когда ничто было. Но это ничто не было чѣмъ-то изъ сущаго, а — просто, ясно безъ всякихъ мудрованій — было всецѣло ничто». И однако донынѣ волнуетъ весь духъ мой, сжимаетъ и жжетъ сердце одна мысль о Непостижимомъ, словно само Оно здѣсь, во мнѣ и со мною. Всеединое... Сколько сокровеннаго въ словѣ этомъ! Весь міръ звучитъ въ немъ; всѣ краски земныя горятъ и сіяютъ немеркнущимъ свѣтомъ. И, какъ огонь лампады колеблемый вѣтромъ, милое сердце горѣ стремитъ; и отверзаются орлиныя очи духа, нетѣлесно созерцая безконечное. Всё... Значитъ и это нѣсноловіе нахашеновъ, и это щебетанье утреннихъ птицъ, и эти звуки и голоса просыпающагося города, и Солнце, юное Солнце... Непостижимое... Но жажду постичь. И развѣ какъ-то не постигаю, его именуя? — Нѣтъ, не могли быть ложью пламенныя, быстрыя слова Валентина. Огнемъ Истины горѣли его черные живые глаза, правдой неодолимой пылало вѣчно юное лицо. Гдѣ ты теперь, учитель святой? Тебя призываю, твои повторяю слова въ сіяніи дня золотого. — «Вижу въ духѣ: зависитъ всё отъ эѳира, созерцаю въ духѣ всё содержимымъ: плоть отъ души зависитъ, душа — отъ воздуха, воздухъ — отъ эѳира. Вижу: глубина выноситъ плоды, отъ матери рождается дитя». Высшее содержитъ въ себѣ низшее. Дивное, стройное всё составляетъ единство. Въ круговоротѣ вѣчномъ жизни и смерти всё возникаетъ и всё погибаетъ, всё становится всѣмъ. Вотъ Она — Божественная Полнота, открытая гностиковъ духу Плирома! Вотъ Оно, Первоначало Непостижимое, Неизреченное, темное, какъ эта минувшая Ночь, Пучина Неизслѣдимая, Бездна Бездонная, Молчаніе Вѣчное, Праотецъ Виѳосъ! Нѣтъ предѣла тебѣ, нѣтъ конца и начала. Нерушимо молчанье твое — мол-

чишь, Полнота Всеединой Божественной Жизни. Невзрѣченное, какъ изреку я тебя, когда и во мнѣ ты молчишь, въ глубинѣ, въ пучинѣ твоей, гдѣ съ тобой я одно? Но какъ же безъ словъ, молчаніемъ чтить смогу я тебя и тебя пѣснословить, если духъ мой исходитъ любовью къ тебѣ, если хочетъ и долженъ твое сокровенное имя изречь? Въ тоскѣ неизбывной томится, стенаетъ душа; слѣпая, плѣненная, устами пересохшими шепчетъ слова Истисъ Софіи [3]).

О Свѣтъ свѣтовъ, тебѣ отъ начала повѣрила я. Внемли же нынѣ, о Свѣтъ, умопременѣ моей! Спаси меня, Свѣтъ, ибо злыя мысли проникли въ меня. Воззрѣла я долу и тамъ увидѣла свѣтъ, и подумала: «Хочу устремиться туда и объять этотъ свѣтъ». Устремилася я и во Тьмѣ себя обрѣла, во тьмѣ Хаоса внизу; и не могла посѣшить я назадъ и мѣста моего достичь, ибо утѣснена была всѣми верженьями Своевольнаго, ибо Сила съ ликомъ льва отняла у меня во мнѣ находившійся свѣтъ... И воззвала о помощи я, но голосъ мой не донесся 72
изъ Тьмы; и воззрѣла горѣ я, дабы Свѣтъ, ему же повѣрила я, на помощь ко мнѣ низошелъ... Не оставь меня, Господи, нынѣ въ нуждѣ моей, ибо искони въ твой я вѣрила Свѣтъ; о Господи, Свѣтъ Силъ, не оставь въ нуждѣ по свѣтѣ моемъ! Я къ тебѣ воззрѣла горѣ, о Свѣтъ, повѣрила въ Тебя. Нынѣ, о Свѣтовъ Свѣтъ, утѣснена во тьмѣ Хаоса я. Если нынѣ хочешь ты снизойти, чтобъ спасти меня — велико милосердье твое — внемли во Истинѣ мнѣ и спаси меня. Спаси меня отъ вещества этой Тьмы, дабы не утонула я въ ней... Не допусти этой Тьмѣ меня утопить; не допусти, чтобы Сила съ ликомъ льва поглотила всю силу мою: не допусти, чтобы Хаосъ силу мою покрылъ... Не отвращай лица твоего отъ меня, ибо я томима весьма... Изъ средины Хаоса и изъ средины Тьмы воззрѣла я, и ждала я Супруга моего, да придетъ и сразится за меня, но не пришелъ онъ; и ждала, да придетъ и силу даруетъ мнѣ, но не обрѣла его. И когда искала я Свѣтъ, они дали мнѣ Тьму; и когда искала силу мою — вещество мнѣ дали... Нынѣ, о Свѣтъ, что въ тебѣ и со мной, пѣснословлю я имя твое, Свѣтъ, во славѣ. Да угодимъ будетъ тебѣ, о Свѣтъ, пѣснословье мое, какъ возвышенная тайна, что во врата Свѣта вводитъ... Ищите всѣ Свѣтъ, коимъ Сила души вашей, что въ васъ живетъ. Ибо Свѣтъ веществу всяческому внялъ; и онъ ни одного не оставитъ

безъ того, чтобы очистить его... Богъ изъ вещества душу спасетъ. И въ Свѣтѣ градъ уготовятъ, и всѣ спасенныя души въ градѣ томъ будутъ жить и его получатъ въ удѣлъ. И души тѣхъ, что тайны пріяли, будутъ въ мѣстѣ томъ пребывать; и тѣ, что тайны пріяли во имя его, будутъ тамъ пребывать... Свѣтъ Свѣтовъ, въ тебя повѣрила я — не оставь во Тьмѣ меня до исполненія времени моего! Помоги мнѣ и спаси тайнами твоими; преклони ухо твое ко мнѣ и спаси! Да спасетъ меня Сила Свѣта твоего и да вознесетъ къ высшимъ эонамъ, ибо ты спасешь меня, къ высотѣ эоновъ твоихъ возведешь... Не отвращай свѣтлаго образа твоего отъ меня, но призри на меня, когда меня они утѣсняютъ; поспѣши во время спасти меня, когда возопію къ тебѣ. Ибо время исчезло мое, какъ дыханье, и стала я веществомъ. Отняли они свѣтъ у меня, и сила изсохла моя. Забыла я тайну мою, ее же исполняла я ранѣ... Воздвигнись же нынѣ, Свѣтъ, отыщи силу мою и въ ней — сущую душу. Исполнено велѣнье твое, его же ты мнѣ въ утѣсненьяхъ уставилъ. Исполнилось время мое. — Взыскуешь ты силу мою и душу мою... Свѣтъ моего спасенья, я нѣсословлю тебя въ мѣстѣ горнемъ и въ хаосѣ снова. Нѣсословить буду тебя въ нѣсословьи моемъ, коимъ въ мѣстѣ горнемъ славила тебя и славила, когда въ Хаосѣ была я... Свѣтъ, въ тебѣ воздвигла я силу мою, мой Свѣтъ. Въ тебя увѣровала я. Не дай презирать меня, не дай архонтамъ двѣнадцати эоновъ, ненавистникамъ моимъ, ликовать надо мной... Свѣтъ, яви мнѣ пути твои, и спасуся на нихъ; яви мнѣ дорогу твою, дабы изъ Хаоса я спаслась... Веди меня въ Свѣтѣ твоемъ, да узнаю, что ты, Свѣтъ, — спаситель мой. На тебя уповать буду я во все время мое.

Такъ въ плачѣ Пистисъ Софіи взываю къ тебѣ, Праотецъ Неизреченный. Безмолвенъ ты, и неизслѣдима Пучина твоя, но зовешь въ себя къ постиженію тайны твоей сокровенной. Минула Черная Ночь; яркій День, изъ чрева рожденный ея, возсіялъ... Безмолвенъ ты, неизреченъ, но себя изрекаешь. Ты — Полнота всего, всяческое и всё. Но не можешь ты быть полнотою всего, если молчанье твое нерушимое нерушимо, если безмолвіе твое неизреченное не становится рѣчью. Вѣдь есть рѣчь, вѣдь ясно всё говоритъ. И гдѣ же звучитъ эта рѣчь, это вѣщее слово, какъ не въ тебѣ, въ Полнотѣ всего? Или

ты, Совершенный, одинъ безгласенъ, одинъ не можешь себя изречь? Но какъ же тогда всему ты силу даешь себя изрекать, самъ безсильный? Нѣтъ, вѣчно ты, неизмѣнно — Молчащая Бездна; и вѣчно — всецѣло себя изрекающая Рѣчь. Не наше молчанье ты, отъ бытія отъединенное; но — молчанье всецѣлое, полное, молчанье всего бытія. Ты молчишь, Великій Пань, объятый полдневною дрёмой. Ты безмолвенъ, въ огнѣ сливая и плавя всѣ звуки, слѣпящій очи сіяніемъ Полдень! Ты — Безмолвность, Тихая Ночь, потаенная, зримо незримая за ярко-звѣзднымъ хитономъ! Свѣтъ ты, Слово и Рѣчь. Но не наша безсильная рѣчь, лишь невидимо сотрясающая воздухъ, и не рѣчь гностика, смиряющая стихіи, незримое являющая зримымъ; но — всецѣлая, совершенная Рѣчь, въ коей каждый звукъ есть само бытіе.

Тьма ты непроницаемая и совершенная; не тьма этой Ночи, колеблемая безчисленныхъ небесныхъ огней сіяніемъ, свѣтомъ рождающагося въ ней Дня незримо пронизанная, но — тьма совершенная и полная, неразличенность всего сущаго. И День ты ясный, всецѣло сіяющій; не этотъ День съ тѣнями его, съ темнотою вѣщей, отъ Солнца сокрытою, но — День, всё пронизающій, Ясность безпорочная. И День ты и Ночь, и Свѣтъ, и Тьма, и Рѣчь и Безмолвіе, ты, одинъ, всеединый, неизреченно изрекаемый. Ты одинъ сразу и Тьма и Свѣтъ, и Безмолвіе и Слово. Но вѣдь слово не безмолвіе и свѣтъ не тьма. И отличенъ ты, какъ Свѣтъ и Рѣчь, отъ себя, какъ Тьмы и Безмолвія.

«Вижу новорожденное дитя», говорилъ Валентинъ. Вижу Рождающагося и я. — Неизреченный Виѳосъ и Безмолвный хочетъ высказать себя, всего, всецѣло. Хочетъ себя узрѣть не собою самимъ — другимъ, отъ него отличнымъ, увидѣть себя сіяющимъ Свѣтомъ, услышать Словомъ звучнымъ. Не можетъ онъ, темный исконно, въ себѣ себя увидѣть; не можетъ, молчаливый нерушимо, себя самого услыхать. Какъ же тогда во Тьмѣ онъ пребудетъ вѣчно своей, въ вѣчномъ своемъ Молчаньи? Какъ же тогда онъ Безмолвье и Мракъ? Выше онъ мрака и выше безмолвія: онъ и мракъ и свѣтъ, и молчанье и рѣчь. И какъ рѣчь онъ не безмолвіе, какъ свѣтъ онъ не мракъ. Изъ себя онъ рождаетъ Слово свое и Свѣтъ свой, но самъ не рожденъ, ибо Тьма ранѣе Свѣта и ранѣе Рѣчи Молчанье. Вижу Ро-

жденнаго. — Вотъ возсіялъ онъ и свѣтомъ своимъ пронизалъ его породившую Тьму, разъялъ ее, ничего отъ нея не оставилъ и въ полнотѣ своего сіянія самъ сіяніемъ быть пересталъ. Вотъ прозвучалъ многозвучнымъ онъ словомъ и всю наполнилъ имъ Молчаливую Бездну, и самъ въ звучаньи своемъ молчаніемъ сталъ. Предвѣчнымъ Отцомъ онъ рожденъ. На незримый ликъ отчій воззрѣлъ и, пламенѣя любовью, низвергся въ отчее лоно.

Вижу въ духѣ. — Отецъ рождаетъ Сына — Сынъ свободно и вольно рождается отъ Отца, отъ начала ему послушный, всецѣло свободный. Словно двуострымъ мечомъ, сіяньемъ луча разсѣкаетъ Отца; въ Свѣтѣ своемъ воздвигаетъ Предѣлъ или Крестъ между Свѣтомъ своимъ и отчею Тьмою. Весь пламенѣетъ и въ пламени буриомъ и пламенемъ бурнымъ звенитъ и звучитъ. Весь въ Отцѣ, онъ не видитъ Отца и отходитъ въ особность. Но въ себѣ разсѣкая Отца, онъ зритъ и другую Отчую Силу, Силу единства, Великую Мощь Единящей Любви. Ею влекомый назадъ, обращаетъ пресвѣтлый свой зракъ въ незримость темнаго отчаго лона. Бурно кидается въ лоно Отца, упоенный бездонностью Бездны. Весь пламенѣя Любовью, всего Отца озаряетъ и оглашаетъ Безмолвную Бездну ликующимъ кликомъ своимъ. Меркнетъ, свѣтомъ всё пронизавъ, собою содѣлавъ Вѣчную Ночь; въ звучность Молчанье свое претворивъ, умолкаетъ. Но не померкъ, не замолкъ онъ. — Отчая Сила его сохранила надъ Бездной и въ Безднѣ. Въ отчее лоно низвергнувъ его, воскресила его и пресвѣтлымъ и звучнымъ. Силой Любви онъ живъ и спасенъ. И Силой Любви вожделѣетъ Отецъ, чтобы вѣчно звучало сыновнее первое слово, сладостнымъ именемъ вѣчно его, Отца, именуя. Силой Любви вожделѣетъ Отецъ зрѣть непрестанно сыновній сіяющій Свѣтъ. Хочетъ Отецъ, чтобы Духъ Любви не въ немъ одномъ пребывалъ: чтобы Духъ покоился въ Сынѣ. Хочетъ онъ видѣть какъ съ Сыномъ и съ нимъ, съ Отцомъ, единитъ себя отдѣленный сыновнимъ сіяніемъ Духъ.

Въ первомъ звукѣ Пучины Безмолвной рождается Сынъ, Предвѣчное Отчее Слово. И произноситъ, рождаяся, Сынъ святое и первое имя «Отецъ». Вотъ въ порывѣ безмѣрной Любви, Отцомъ изъ себя чрезъ него изведенной, ринулся Сынъ въ объятья, въ родимое лоно Отца. Ринулся онъ, любуясь красою Пучины.

Вотъ онъ небытствуетъ въ ней, Любовью съ Отцомъ съединенный. Но не небытствуетъ, нѣтъ! — Соблюла и Отца и его могучая Отчая Сила. Все сохранила она для Отца, для него, безмѣрно любимаго ею, все соблюла для себя, ибо нѣтъ безъ того, кого любишь, Любви. Снова бытійствуетъ Сынъ, Отцомъ безначальнымъ рожденный, Духомъ и въ Духѣ для радостной жизни воскресшій изъ Тьмы. Снова любуется Сынъ красою отчей безмѣрной, новое имя Отца изрекаетъ, имя второе. Истина — имя второе Отца, и оно же — имя любимаго Сына. Истину съ радостнымъ кликомъ объемлетъ ликующій Умъ и сливается съ нею, восторгомъ пылая. Мощнымъ и буйнымъ порывомъ ревнуя подъемлется Вѣчная Сила Любви. И сберегаетъ для Сына Отца, и блюдетъ нерушимо любимаго Сына. Третье великое имя Отца называетъ Любовью трепещущій Сынъ. Имя то — Жизнь-Любовь, оно же имя любимой спасительной Силы, Отчей, въ Отцѣ обрѣтенной Пресвѣтлымъ Умомъ. Нѣжно Отца именуя, смѣется, сіяетъ огнями несчетными Сынъ. Вторятъ сіянью и смѣху его и Отецъ и Великая Сила. Такъ, когда ярое Солнце смѣясь и сіяя встаетъ надъ землею, всѣ отвѣчаетъ ему и сіяньемъ и смѣхомъ. — Радостно птицы щебечутъ, несяся навстрѣчу лучамъ. Радостно листья и травы дрожатъ, и ловятъ смѣяся лучи золотые. Свѣтлымъ весельемъ горятъ и играютъ холодныя капли росы. Каждая кажетъ другой всё въ ней отраженное милое Солнце. «Жизнь!» восклицаетъ Воскресшій. И, опьяненный ея полнотой, погружается онъ въ ея росное лоно; и забываетъ себя, умирая мгновенно въ пыланіи Жизни Предвѣчной. Но воскрешаетъ Умершаго трижды Безсмертная Отчая Сила. И возстаетъ онъ изъ Бездны для новыхъ сіяній и свѣтлыхъ рѣчей, и для новыхъ звучаній. Все только Мракъ и Безмолвіе, все лишь Отецъ Непостижный. Весь онъ становится Сыномъ, весь въ немъ сіяетъ, какъ въ свѣтѣ, какъ въ словѣ—звучитъ. Въ немъ исчезаетъ и свѣтитъ и звучитъ; и въ немъ погибаетъ, какъ свѣтъ безъ тьмы ужъ не зримый, какъ слово, неслышное, если исчезло молчанье. Весь онъ и въ Духѣ, сливаемъ его воедино съ отъятымъ рожденіемъ Сыномъ, сливающимъ съ собою, съ Духомъ, мечомъ рожденнаго Сына отъятымъ. Весь онъ въ Духѣ, хранящемъ цѣлость его и цѣлость Сына, и цѣлость себя, Духа, хранящемъ. Все только Свѣтъ, возсіявшій изъ Мрака и Мракъ до конца

пронизавшій. Все только Слово, изрекшее все, что молчало, и ставшее снова Молчаньемъ и Тьмою. Все оно изъ Отца и въ Отцѣ и Отецъ. Все оно—Духъ, ибо имъ дано имя Третьей Силѣ, имъ озарена и она, ибо безъ него не было бы Отчаго Духа.

Все только Духъ, изъ Отца изшедшій чрезъ имъ рожденнаго Сына, Духъ, воскрешающій Сына изъ лона его породившаго Мрака, изъ лона снова его пріявшаго Мрака, Духъ соблюдающій Мракъ въ самомъ озареньи его сіяющимъ Свѣтомъ. Весь онъ—Отецъ въ непостижномъ единствѣ его; весь и Сынъ, ибо имъ лишь Сынъ и живетъ и дышитъ, и свѣтитъ.

Дивная, дивная жизнь Полноты! — Вѣчно рождаетъ Отецъ, вѣчно дыханье изъ устъ его вмѣстѣ съ рождаемымъ Словомъ исходитъ. Вѣчно весь онъ въ Словѣ звучитъ и весь въ дыханіи дышитъ, весь и свѣтлое Слово и Духъ. Вѣчно и Сынъ произноситъ любимое имя Отца, имя Духа его именуя; вѣчно
77 Мракъ озаряетъ и все, что во Мракѣ: себя и Духа. Вѣчно и Духъ извергается, бурнымъ потокомъ изъ Бездны Бездонной, рождающей Сына; но, извергаясь, вѣчно въ Отцѣ онъ и въ Сынѣ, сливается съ ними, сливаетъ ихъ снова разъятыхъ и сохраняетъ въ единствѣ тройство.

Дивенъ таинственный путь Непостижнаго. Весь исходитъ Онъ въ Сына и Духа, въ ихъ единствѣ съ собой себя одного обрѣтаетъ. Дивенъ и путь Рожденнаго.—Весь погибаетъ въ Родившемъ онъ, снова сливаясь съ Духомъ, но обрѣтаетъ себя самого, содержащаго ихъ. Дивенъ путь Духа: всего онъ себя изливаетъ любовно въ Сына, всего и въ Отца изливаетъ, и, съединивъ, съединившись, въ себѣ ихъ находитъ. Какъ ты полна, какъ прекрасна, Плирома Божественной Жизни! Какъ ты прекрасна въ твоемъ совершенномъ движеньи, въ смѣнѣ безсмѣнной Жизни и Смерти, въ вѣчномъ единствѣ тройства и единства! Все кипитъ и несется въ тебѣ, все измѣняется переливаясь другъ въ друга;—все неизмѣнно, безмолвно и тихо. Мощь, не преставшая быть собой въ Свершеньи себя! Свершеніе, не престающее быть и Мощью своею! Движеніе совершенное, ибо—движенье покоя. Покой совершенный—движенья покой. Все въ тебѣ, все, Полнота: и этотъ шумъ дневной, и тишина ночи безмолвной, всякое слово и всякая мысль, юное тѣло нагое, и мое, восхотѣвшее тихой жизни земли сухое

и желтое тѣло. Ты и горькія слезы, рыданья кого-то тамъ, подъ окномъ, чьи-то глубокіе, жгучіе вздохи; ты и смѣхъ, что доносится съ улицы, смѣхъ молодой и веселый. Ты—моя свѣтлая тихая радость, мудрый покой тобой умиленнаго старца; мудрое счастье мое нерушимое, горе вмѣстившее жизни, и бурной и долгой.

Неисчислимы твои имена. Ты Бездна—Молчанье и Истина—Умъ. Ты Слово—Жизнь и Человѣкъ—Соборность. Ты Четверица совершенная; ты—Восьмерица; ты—вся Плирома. Много именъ твоихъ, раскрытыхъ намъ Валентиномъ, и Птолемеемъ, и Маркомъ. Но во всѣхъ ихъ и малой доли нѣтъ твоей полноты, совершенно единая въ трехъ совершенныхъ. Близокъ, близокъ конецъ моего блужданья вдали отъ тебя. Скоро уже упокоюсь навѣки въ тебѣ. Старѣютъ глаза мои, но все ярче Свѣтъ Истины ихъ озаряетъ. Немощно слабое тѣло мое, и невольно дрожатъ изсохшія руки; медленнѣй бьется усталое сердце, и стынетъ когда-то кипѣвшая кровь. Знаю—покой твой объемлетъ 78
меня; и молитвенно жду я покоя. Скоро ли, скоро-ль придетъ онъ, желанный? И отчего неизбывна тоска по тебѣ, отчего я такъ долго и слѣпо блуждалъ?

Въ ясномъ немеркнущемъ Свѣтѣ Плиромы предвѣчно мудрствовала Мудрость-Софія, въ четѣ съ Вожделѣннымъ своимъ. Въ Единеньи Любви обрѣтала Блаженство она, отъ Надежды подъемляся къ Вѣрѣ. Вѣрою въ Церкви она узрѣвала супруга ея—Человѣка: и въ Человѣкѣ и Церкви сіяли ей Слово и Жизнь, въ нихъ же Умъ Истиной Бездну Молчащую ей раскрывалъ. Но до конца непостижна была для нея Молчащая Бездна, и не могла, недвижима, услышать она, что̀ говоритъ Безмолвное Слово. И забывала она Вожделѣннаго, несказанной красою влекомая, прелестью Бездны безмолвной; Бездны забыть не могла въ страстныхъ объятьяхъ супруга. Жгучая страсть зародилася въ сердцѣ ея, ненасытная страсть, вожделѣніе Бездны, непзъяснимо зовущей Молчаньемъ своимъ, влекущей гибелью черной. Ринулась бурно Софія, помысливъ о Бездѣ. Страстью влекомая, въ Виѳосѣ смерти искала. Мчалася быстро она къ воссіявшему ей въ безпредѣльности Тьмы несказуемой Свѣту. Вся отдаваясь порыву Любви, неминучую гибель искала. Но преградилъ ей дорогу Предѣлъ, ограждавшій Бездонность, незыблемый Крестъ. Крестъ ее спасъ отъ гибели въ Бездѣ,

но духъ ея помутился. Жгучею темною страстью писпала она въ кромѣшную тьму, въ Пустоту и во Мракъ. Пала она, Ахамотъ, не въ таинственный Вибоса мракъ, не въ его всеединое лоно: пала во мракъ, котораго нѣтъ, въ небытіе. Этотъ небытный мракъ ничего не можетъ родить и не можетъ стать свѣтомъ. Эта зловѣщая тишь зазвучать не можетъ, ибо нѣтъ ея, ибо нѣтъ кромѣшнаго мрака. И за Предѣломъ Плиромы утратила все Ахамотъ, лишилася образа, жизни, всего, чѣмъ была и любила: вся она стала лишь чернымъ, слѣпымъ стремленіемъ въ Бездну, жалкимъ подобіемъ Бездны Великой.

Такъ тосковала она и томилась, и все стремилася къ дальнему горнему Свѣту. Словно птица ночная, въ отчаяньи билась о Крестъ. Но на Крестѣ распростерся Христосъ, и въ немъ на мигъ ей видимымъ стало Сіянье, на мигъ зазвучало Отчее Слово. И распростершись коснулся ея, Онъ, извелъ ее изъ небытности полной, образовалъ по сущности только. Вновь пробудилася
79 жизнь ея, и въ себѣ ощутила она плодъ любви къ ней Христа; опознала въ жгучей и темной страсти своей свое стремленье въ Плирому. Снова рвнулась Дѣва; и снова сталъ передъ нею незыблемый Крестъ. Только теперь яснѣе ей было стремленье ея и горше было сознанье, что цѣли своей она не можетъ достичь. И не видала пути она, Крестомъ прегражденнаго; черпымъ томилась невѣдѣньемъ, горькимъ, отчаялась. Чуя жизнь въ себѣ, Христомъ пробужденную, и не видя его, боялась она жизнь утратить; искала Христа и звала, но найти не могла. Лишь воспоминаньемъ о Немъ, о любимомъ, жила, теплила скудную жизнь. И плакала она горючими слезами, и, вспоминая о Христѣ, улыбалась сквозь слезы; и стремилась въ Плирому томясь, и тосковала, свое сознавая безсилье; и неутѣшно скорбѣла, и трепетала въ страхѣ за жизнь свою, въ умиранье ее превращая. И временами казалося ей, будто Свѣтъ мерцаетъ во тьмѣ кромѣшной и будто въ Свѣтѣ незыблемый Крестъ, а на немъ Любимый ея. Но бросалася къ свѣту она, и свѣтъ исчезалъ и тоскливѣй еще обстояла безмолвная тьма.

Не прекращалась тоска Софіи: неустанно стремилась она; и всегда и вездѣ встрѣчала Предѣлъ, его же не въ силахъ была превозмочь. И стремленье не завершаясь оставалось стремленьемъ, изъ себя изойти не могло и, какъ птица безумная, билось, о Крестъ стеная; коснѣло оно, холодѣло, становилось грубымъ

веществомъ этого міра—замкнутой въ себѣ напряженною, неподвижною жизнью. Нѣтъ, не жизнью: жизнь—движенье, свобода. Смертью оно становилось; мертвымъ камнемъ, тяжелымъ давило. Такъ становилась тоска Ахамотъ веществомъ. Слезы Софіи о Миломъ ея орошали нѣжною влагой. Улыбка ея при воспоминаньи о Немъ становилася свѣтомъ. Трепетъ душевный ея и страхъ — темныя, низшія силы. Стремленье въ Плирому — духовныя силы, движеніемъ ввысь создающія міръ. Въ вѣчномъ исканьи образуетъ себѣ Ахамотъ, пытаясь вспомнить Того, кто далъ ей бытіе, кто ей на Крестѣ явился. Безсильная, вѣдѣніемъ не одаренная, не можетъ вспомнить она—искажаетъ въ себѣ отраженье Плиромы, малыя части ея созидаетъ. Измѣнчивая, вѣчно стремится ввысь, неутомимо скорбя и трудясь. Не въ силахъ она всю Плирому постичь, узрѣть ее единымъ воззрѣньемъ. Длится воззрѣнье ея, но всего зримаго ею сразу не видитъ: сіяетъ ей то одинъ ликъ Полноты, то другой, мерцаетъ предъ нею Немеркнущій Свѣтъ. И словно новый ликъ 80
заступаетъ прежній, и словно прежній блѣдиѣетъ, уходитъ въ какую то даль, невозвратимый уже. И длится стремленье ея, и кажется ей, будто предъ нею и въ ней безконечный разстилается путь, а она вмѣстить его не можетъ въ себѣ. Мутится тоскующій умъ. — «Я ли это была», восклицаетъ она, «я ли, Софія? Я ли видѣла все, теперь позабытое мною? Я ли тамъ стояла въ тоскѣ неисточной, къ тебѣ вопіяла, Любимый? Мучаюсь я. Но я ли сама мука эта, словно въ мою проникшая душу? Или же злая то сила съ ликомъ свирѣпаго льва? Вотъ влекуся я ввысь. Но сама ли влекусь или Нѣкто влечетъ благоуханьемъ своимъ несказаннымъ? Какъ это горькая скорбь моя стала вдругъ чѣмъ то чужимъ мнѣ, тяжелымъ и грубымъ? Какъ незримыя слезы внезапно зримой рѣкой потекли? Я ли сама мой трепетъ и страхъ? Почему жъ трепеща, распростерши черныя длинныя крылья, въ ужасѣ дикомъ лицо закрывая свое и стеная, несутся, кружатъ предо мной, какъ осенніе листья, мысли, страшныя мысли мои? Я, улыбалась тебѣ, мой Любимый, сквозь слезы. Но отчего, отчего эта улыбка сіяетъ, изъ за темныхъ тучъ, проглянувъ, и огнями горитъ въ безконечныхъ капляхъ, надъ темной землею повисшихъ? Разъята я, разлагаюсь и тлѣю; забываю, теряю себя. И не я уже мысли и чувства, желанья мои. И они обстоятъ, утѣсняютъ меня».

Вѣщая мудрость говоритъ въ старой книгѣ о мукахъ Софіи, о мірѣ чудесномъ, ея порожденномъ тоской и неяснымъ стремленьемъ познать и любить:

«И отвѣчая, Іисусъ сказалъ ученикамъ своимъ: Когда пребывала Софія въ тринадцатомъ эонѣ, въ мѣстѣ всѣхъ братьевъ ея невидимыхъ, т. е. двадцати четырехъ верженій Великаго Невидимаго, по велѣнію Первой Тайны случилося это: и тогда воззрѣла Пистисъ Софія горѣ. Увидѣла свѣтъ она Завѣсы Сокровищницы Свѣта и восхотѣла достичь того мѣста, и не въ силахъ была достичь того мѣста. Но престала она выполнять тайну тринадцатаго эона, а воспѣсновила Свѣтъ Высоты, его же узрѣла въ свѣтѣ Завѣсы Сокровищницы Свѣта.

Случилось же, когда пѣснословила она мѣсто Высоты, что возненавидѣли ее всѣ въ двѣнадцати эонах бывшіе архонты,—они же внизу—ибо отошла она отъ ихъ тайнъ, ибо восхотѣла она
81 возойти къ Высотѣ и надъ ними всѣми быть. Посему гнѣвались они на нее и ненавидѣли ее. И гнѣвался великій Трехсильный Своевольный, т. е. третій Трехсильный. онъ же пребывалъ въ тринадцатомъ эонѣ и ослушникомъ былъ, ибо не извергъ всего очищеннаго его въ немъ пребывающей силы и не далъ очищеннаго изъ свѣта своего въ должное время, когда архонты давали очищенное свое, ибо хотѣлъ онъ владыкою быть надъ всѣмъ тринадцатымъ эономъ и надъ тѣми, что ниже его пребывали. Когда же архонты двѣнадцати эоновъ гнѣвались на Пистисъ Софію—она же превыше ихъ—и ее весьма ненавидѣли, случилось, что и великій Трехсильный Своевольный, о коемъ сейчасъ я разсказалъ вамъ, примкнулъ къ нимъ и гнѣвался на Пистисъ Софію и весьма ненавидѣлъ ее, ибо она къ Свѣту, высшему, чѣмъ онъ, помыслила течь. И извергъ изъ себя онъ Великую Силу съ ликомъ льва, и изъ своего въ немъ пребывавшаго вещества извергъ онъ много другихъ весьма могучихъ верженій, и послалъ ихъ къ мѣстамъ внизу, къ частямъ Хаоса, дабы они тамъ изгнали Пистисъ Софію и изъ нея взяли силу ея, ибо помыслила она течь превыше ихъ всѣхъ и еще—престала выполнять ея тайну, но скорбѣла все время и Свѣтъ, что узрѣла, искала. И ненавидѣли ее архонты, оставшіеся и упорствующіе тайну выполнить, и ненавидѣли ее всѣ стражи вратъ эоновъ.

Случилось же по велѣнію Перваго Велѣнія, что великій Трехсильный Своевольный, онъ же былъ одинъ изъ трехъ Трехсильныхъ, преслѣдовалъ Софію въ тринадцатомъ эонѣ, дабы воззрѣла долу она и увидѣла Силу Свѣта, Силу съ ликомъ льва, и восхотѣла ее, и къ мѣсту тому притекла, такъ, чтобы свѣтъ ея у нея отнять.

Случилось же послѣ сего—воззрѣла долу она и увидѣла его свѣтлую Силу внизу, и не познала она, что это Сила Трехсильнаго Своевольнаго, но помыслила, что она отъ Свѣта, его же изначала увидѣла она, изъ свѣта Завѣсы Сокровищницы Свѣта. И помыслила она въ себѣ: «Потеку я къ мѣсту тому безъ Супруга моего, возьму Свѣтъ и созижду себѣ изъ него свѣтлый эонъ, дабы въ силахъ быть къ Свѣту Свѣтовъ, что въ Высотѣ Высотъ, потечь». И когда помыслила она это, изошла она изъ мѣста ея, изъ тринадцатаго эона, и низошла къ двѣнадцати эонамъ. Преслѣдовали ее архонты эоновъ и гнѣвались на нее, ибо о величіи помыслила она. Но изошла она изъ двѣнадцати эоновъ и потекла къ мѣстамъ Хаоса, и приступила къ Силѣ Свѣта съ ликомъ льва, дабы поглотить ее. Но обступили ее всѣ вещныя вереженія Своевольнаго, и Великая Сила Свѣта съ ликомъ льва поглотила Силы Свѣта въ Софіи, и очистила Свѣтъ ея и поглотила его; а вещество ея низвергнуто было въ Хаосъ, и стало оно въ Хаосѣ архонтомъ съ ликомъ льва, одна половина коего огонь, а другая мракъ, т. е. Ялдаваоѳомъ, о немъ же часто я вамъ говорилъ. Когда же случилось это, стала Софія весьма слабой, и начала еще та Сила Свѣта съ ликомъ льва брать изъ Софіи всѣ Силы Свѣта, и всѣ вещныя Силы Своевольнаго обстояли Софію и утѣшяли ее. И возопіяла громко Истинъ Софія и воскричала къ Свѣту Свѣтовъ, его же изначала узрѣла, когда повѣрила въ него.»

Разумѣю, что въ повѣсти этой сокрыты отъ неосвященныхъ великія тайны. О нихъ говорить вѣрными умами и устами неложными хранимое ученіе Валентина.—Не было Хаоса въ Полноты, и не силы иныя боролись съ Истинъ Софіей. И не было злымъ Божество, и не былъ злымъ ни одинъ изъ эоновъ Его. Такъ и великій Василидъ не разъ повторялъ: «Все готовъ я признать; не признаю того лишь, что Божество жестокосердо». Но Хаосъ—ничто, пустота. То же, что обстоитъ Софію какъ вещныя силы, что угрожаетъ ей какъ сила съ ликомъ льва—

лишь разъятость ея, по сущности же — сама она. И сама она — всѣ архонты двѣнадцати эонов, сама Своевольный Трехсильный. Но, удержать не въ силах единство свое, видит она себя разъятой на части, и кажется ей, что все враждует другъ съ другомъ и съ нею. Подумай — вѣдь каждый изъ насъ въ глубинѣ своей есть Софія. И развѣ не обстоят насъ мысли наши и чувства, как что-то иное? Развѣ наша же страсть не влечет насъ, словно иная могучая сила? И кажется намъ, будто все не мы. Но какъ же тогда все рождается въ насъ и въ насъ погибаетъ? О подумай, подумай, старый младенецъ! — Развѣ ты не въ плѣну у своихъ же созданій? Развѣ не думаешь ты, что какая то злая и чуждая Сила въ тебя проникаетъ, влечетъ и губитъ тебя? Развѣ ты не измыслилъ себѣ Ялдаваоѳа, какого-то грознаго, злого и темнаго бога? Признай, наконецъ, свои страданья въ страданьях Софіи: пойми и ея великую тайну, въ словах этой повѣсти дивной отъ взглядовъ сокрытую всѣхъ!

83 Все, что угрожает Софіи и терзает ее, все, что ее разъединяет, отъемля частицы ея свѣта, — только образъ и символъ разъятости ея. Но и сама въ единствѣ своемъ, внѣ разъятости этой она — только символъ, ибо нѣтъ ея, внѣ того, что противостоит другъ другу, и не части ея отъ нея отъяты, но сама распалась она. Такъ и Валентинъ учитъ, говоря, что по самой сущности своей образована Софія-Ахамотъ Христомъ и отъ Его касанья чрезъ Крестъ, разсѣкающій мечу подобно и утверждающій, принесла плодъ свой. И въ плодѣ томъ, въ Софіи уже сущностной, — и она сама и Христосъ. И что же сама она безъ Христа, еще безсущастная, не-сущая? — Нѣтъ ея. — Она лишь возможность, Христомъ явленная. А поскольку есть она — Христомъ она образуема. И плачъ ея горькій лишь въ Немъ становится слышимымъ.

«Когда же Ничтисъ Софія окончила шесту свою умопремѣну покаянную о прощеньи проступовъ ея, случилось, что обратилась она опять къ Высотѣ, дабы видѣть, прощены ли грѣхи ея, и дабы видѣть, изведутъ ли изъ Хаоса ее. И по велѣнію Первой Тайны не услышала она еще, что грѣхи ея прощены и изведена она изъ Хаоса будетъ. Когда же обратилась она къ Высотѣ, дабы видѣть, пріята ли отъ нея умопремѣна ея, узрѣла она всѣхъ архонтовъ двѣнадцати эонов, какъ смѣялись они надъ ней и радовались, ибо умопремѣна ея не пріята отъ

*

нея. Но когда возопіяла она въ седьмой разъ, внялъ Іисусъ воплю ея. «Не было еще, говоритъ онъ, тогда велѣнія Первой Тайны ко мнѣ спасти ее и изъ Хаоса извести. Но безъ велѣнія, самъ я по милосердію моему возвелъ ее къ просторному болѣе мѣсту въ Хаосѣ. И когда вещныя верженія Своевольнаго замѣтили, что возведена она къ просторному болѣе мѣсту въ Хаосѣ, престали они немного ее утѣснять, ибо помыслили они, будто совсѣмъ она изъ Хаоса изведена. Когда же случилось это, не познала Пистисъ Софія, что я помогъ ей, не познала меня совсѣмъ, но продолжала она пѣснословить Сокровища Свѣта, его же видѣла прежде и ему же повѣрила, и помышляла, что онъ и былъ помощникомъ ея, коего пѣснословила она, помышляя, что истинный Свѣтъ то былъ. Но такъ какъ повѣрила она въ Свѣтъ, Сокровищу Истинному присущій, была возведена она изъ Хаоса и умопремѣна ея отъ нея принята. Но еще не исполнилось велѣніе Первой Тайны умопремѣну ея отъ нея принять. Когда же верженія Своевольнаго замѣтили, 84
что не возведена Пистисъ Софія изъ Хаоса, обратились они опять противъ нея, сильно ее утѣсняя. И въ восьмой разъ вопіяла она, и вопіяла въ девятый разъ.

Когда же возвѣстила Пистисъ Софія девятую умопремѣну свою, утѣснила ее опять Сила съ ликомъ льва, вожделѣя всѣ силы отнять у нея. И снова возопіяла она къ Свѣту, говоря:

«О свѣтъ, коему отъ начала повѣрила я, ради коего претерпѣла я эти великія муки, помоги мнѣ!»

И въ тотъ часъ была принята отъ нея умопремѣна ея. Вняла ей Первая Тайна: по велѣнію ея ниспосланъ былъ я. Я пришелъ помочь ей, и возвелъ ее изъ Хаоса, ибо почувствовала она умопремѣну и повѣрила въ Свѣтъ и эти великія муки и эти великія опасности претерпѣла. Была обманута она божественнымъ Своевольнымъ, и ничѣмъ инымъ не была обманута она, кромѣ какъ Силою Свѣта по подобію Свѣту, въ него же повѣрила. Ради сего по велѣнію Первой Тайны ниспосланъ былъ я, дабы тайно ей помочь. Но не изошелъ я къ мѣсту эоновъ, а изшелъ изъ средины всѣхъ ихъ такъ, что ни одна Сила не знала, ниже́ Силы Внутренняго Внутреннѣйшаго, ни Внѣшняго Внѣшняго, и только Первая Тайна знала о томъ.

Когда же низошелъ я къ Хаосу, дабы помочь ей, случилось, что увидѣла она, что у́менъ я и весьма сіяю и въ милосердіи

къ ней. Ибо не своеволенъ я былъ, какъ Сила съ ликомъ льва, она же взяла изъ Софіи Силу Свѣту и утѣсняла ее, дабы взять весь сущій въ ней Свѣтъ. Узрѣла тогда Софія меня, что свѣтилъ я въ десять тысячъ разъ болѣе, чѣмъ Сила съ ликомъ льва, и что въ великомъ милосердіи я къ ней; и познала она, что изъ Высоты Высотъ я, въ Свѣтъ коихъ изначала повѣрила она. Объяло тогда мужество Софію и сказала она десятую умопремѣну свою.

Случилось же, когда Сила съ ликомъ льва узрѣла меня: какъ приближался къ Софіи я весьма сіяя, что разъярилась она еще больше и извергла изъ себя новое множество весьма сильныхъ верженій. Когда же случилось это, сказала Пистисъ Софія одиннадцатую умопремѣну свою.

Случилось же послѣ сего, что приблизился къ Хаосу я, весьма сіяя, дабы взять свѣтъ той Силы съ ликомъ льва. И когда весьма сіялъ я, устрашилась она и возопила къ Своевольному — Богу ея,
85 дабы онъ помогъ ей. И тотчасъ же воззрѣлъ Своевольный Богъ изъ тринадцатаго эона; и воззрѣлъ долу на Хаосъ, будучи гнѣвнымъ весьма и желая своей Силѣ съ ликомъ льва помочь. И окружила Сила съ ликомъ льва, она и всѣ прочія верженія, Пистисъ Софію, желая взять весь въ Софіи пребывающій Свѣтъ. Случилось же, что, когда утѣснили они Софію, возопіяла она къ Высотѣ ко мнѣ вопія, дабы я помогъ ей. Случилось же, что, когда воззрѣла она къ Высотѣ, увидѣла она Своевольнаго весьма гнѣвнымъ; и убоялась она, и сказала двѣнадцатую умопремѣну свою о Своевольномъ и о верженіяхъ его.

Послѣ же сего возопіяла Пистисъ Софія ко мнѣ говоря: «О Свѣтъ Свѣтовъ, преступила я въ двѣнадцати эонахъ и отъ нихъ низошла, чего ради свершила я двѣнадцать умопремѣнъ покаянныхъ по числу эоновъ. Нынѣ же, Свѣтъ Свѣтовъ, прости мнѣ преступленье мое, ибо весьма велико оно, такъ какъ оставила я мѣста Высоты и низошла обитать въ мѣстахъ Хаоса».

И тринадцатую умопремѣну свою сказала Пистисъ Софія.

И тогда исполнилось время тому, чтобы изведена она была изъ Хаоса. И чрезъ себя самого, кромѣ Первой Тайны, извелъ изъ себя я Силу Свѣта и ниспославъ ее долу къ Хаосу, дабы извела она Пистисъ Софію изъ глубокихъ мѣстъ Хаоса и возвела къ высшимъ мѣстамъ Хаоса, доколѣ не будетъ велѣнія Первой Тайны совсѣмъ изъ Хаоса ее извести. И моя Сила Свѣта воз-

вела Пистисъ Софію къ высшимъ мѣстамъ Хаоса. Когда же верженія Своевольнаго замѣтили, что возведена Пистисъ Софія къ высшимъ мѣстамъ Хаоса, преслѣдовали они ее горѣ, въ то время какъ хотѣли они снова увлечь ее къ низшимъ мѣстамъ Хаоса. И моя Сила Свѣта, ее же послалъ я возвести Софію изъ Хаоса, сіяла весьма. Случилось же, что, когда верженія Своевольнаго преслѣдовали Софію, ибо къ высшимъ мѣстамъ Хаоса ведена была она, воспѣсповила она снова и вопіяла ко мнѣ.
И повелѣлъ я Силѣ Свѣта, ее же послалъ спасти Софію, стать Вѣнцомъ Свѣта на главѣ ея, дабы верженія Своевольнаго отнынѣ не могли осилить ее. И когда стала Сила Свѣта Вѣнцомъ Свѣта вокругъ главы ея, подвигнуты были всѣ пребывавшія въ ней злыя вещества и всѣ были очищены въ ней; уничтожены были они и остались въ Хаосѣ, а верженія Своевольнаго взирали на нихъ и радовались; и очищенное чистаго Свѣта, что въ Пистисъ Софіи, дало Силу моей Силѣ Свѣта, она же стала Вѣнцомъ вокругъ главы ея. Случилось же далѣе, что, когда она объяла чистый Свѣтъ въ Пистисъ Софіи, ея чистый Свѣтъ не исходилъ изъ Вѣнца Пламени Свѣта, дабы верженія Своевольнаго его у нея не похитили. 86
Въ часъ тотъ исполнилось велѣніе обо всѣхъ утѣсненіяхъ, Пистисъ Софіи опредѣленныхъ, ради исполненія Первой Тайны, что отъ начала существовала, и пришло время спасти ее изъ Хаоса и извести ее изо всѣхъ мраковъ. Ибо пріята была умопремѣна ея Первою Тайной. И тайна эта ниспослала мнѣ съ Высоты Великую Силу Свѣта, дабы помогъ я Пистисъ Софіи и возвелъ ее изъ Хаоса. Возрѣлъ я къ зонамъ въ Высоту и увидѣлъ Силу Свѣта, ее же ниспослала мнѣ Первая Тайна, дабы изъ Хаоса спасти Софію. Случилось же, когда изъ зонов. изошелъ я и узрѣлъ сѣвшимъ себя — самъ же былъ я надъ Хаосомъ — что изошла изъ меня другая Сила Свѣта, дабы помочь Пистисъ Софіи. И Сила Свѣта, что Первою Тайною изошла изъ Высоты, низошла на Силу Свѣта, изъ меня исшедшую, и встрѣтились они и стали Великимъ Истеченіемъ Свѣта.
Когда же сказалъ это Іисусъ ученикамъ своимъ, сказалъ онъ: «Понимаете ли, образомъ какимъ съ Вами говорю?»
Снова пала ницъ передъ нимъ Марія и сказала: «Господи, понимаю, что говоришь. Въ разрѣшеніе слова этого Твоя Сила Свѣта пророчествовала нѣкогда чрезъ Давида въ 81 псалмѣ, говоря:

— Милость и Истина встрѣтились, Правда и Миръ облобызались.

Истина изъ земли подъялась и Правда призрѣла съ небесъ. — Милость же есть Сила Свѣта, Первою Тайною исшедшая, ибо Первая Тайна услышала Истись Софію и возжалѣла ее во всѣхъ утѣсненіяхъ ея. Истина же—Сила, изъ Тебя исшедшая, ибо Ты исполнилъ Истину, дабы спасти ее изъ Хаоса. И Правда есть Сила, исшедшая Первою Тайною, и направитъ она Истись Софію. И Миръ — Сила, изъ тебя исшедшая, дабы войти въ верженія Своевольнаго и взять отъ нихъ Свѣты, что отъ Истись Софіи взяли они, т. е.: дабы Ты собралъ ихъ въ Истись Софіи и въ миръ содѣлалъ ихъ съ Силою ихъ. Истина же, напротивъ, есть Сила, что изъ Тебя изошла, когда Ты въ низшихъ мѣстахъ Хаоса былъ. Посему чрезъ Давида сказала Сила Твоя: «Истина изъ земли подъялась», ибо Ты въ низшихъ мѣстахъ Хаоса былъ. Правда же, съ небесъ призрѣвшая, —
87 Сила исшедшая Первою Тайною изъ Высоты и вошедшая въ Истись Софію».

Такъ всё Христомъ собирается, весь Свѣтъ въ Хаосѣ, т. е. въ Тьмѣ Кромѣшной или въ Пустотѣ, Кеномѣ. разсѣянный; и остается во Тьмѣ лишь несвѣтлое, т. е. небытное и не-сущее; и образуется и созидается Истись Софія, изъ не-сущей сущею становясь. Въ каждомъ изъ насъ, братья, она созидается: не внѣ, не кромѣ насъ. И усовершится для насъ она въ тринадцатой умопремѣнѣ своей, когда всѣ мы единымъ стадомъ, а вѣрнѣе — тѣломъ единымъ станемъ. Будетъ въ Плиромѣ Софія, когда вся она будетъ. Будетъ же вся она, когда станетъ всѣмъ во всёмъ, т. е. въ каждомъ изъ насъ, и вся въ каждомъ будетъ, а каждый будетъ всею Софіей. И свершается это въ двѣнадцати умопремѣнахъ ея — въ земной и временной жизни нашей, для насъ — только временной и земной. Какъ золотистый фениксъ пустыни аравійской тонетъ въ золотѣ Солнца и, трепеща неприметно, дивно поютъ его пронизаемые вѣтромъ невидимыми крылья, такъ поетъ, и трепещетъ и таетъ въ сіяніи Вѣчнаго Свѣта мой духъ при мысли одной о Истись Софіи, о Дѣвѣ прекрасной. Дѣва, съ тобой я и ты, свѣтоносная въ золотѣ юнаго тѣла и въ пламени плечи покрывшихъ кудрей! Вѣчно съ тобою рождаюсь въ безчисленныхъ радостныхъ жизняхъ — въ пальмѣ зеленой впиваю холодную влагу и свѣтлый

огонь, ліющійся съ неба, первымъ крикомъ младенца привѣтствую братьевъ моихъ, въ жгучемъ, какъ солнце пустыни, лобзаньи лижую и таю. Вѣчно съ тобой умираю, свое и себя отдавая, какъ нынѣ, чтобы воскреснуть въ другихъ и съ другими единo, для міра слѣпого незнаемо жить. Близокъ послѣдній мой часъ — затихаетъ біеніе сердца и въ жилахъ кровь застываетъ. Близокъ во мнѣ и послѣдній твой часъ, золотая Софія. Первая Тайна уже посылаетъ свою Великую Силу. Льется сливаясь она съ Свѣтоносною Силой его несказанной. Съ Истиной Милость и съ Правдою Миръ союзъ свой свершаютъ.

Я, Софія, живу, но живу не собою, небытной, не-сущей. Имъ создана, образована я, и въ дѣвственномъ чревѣ моемъ ношу Его сѣмя, Его самого — плодъ, рождаемый въ мукахъ. Я рождаю Его, Человѣка; сущая Имъ, я въ Немъ исчезаю. Всё отъ Супруга во мнѣ и всё для Сына земного. Первымъ я создана, во Второмъ живу и являю Его многовидность. Въ Хаосѣ черномъ, небытная я, оставляю небытную мнимость. Нынѣ же, Дѣва, въ полуденный часъ выхожу я къ Великому Духу, къ юному въ дѣствѣ своемъ, восхожу, непорочная дѣва. Нынѣ, въ полуденный часъ выхожу я къ Незримому Богу. Тайну послѣднюю я отверзаю послѣдней печатью. Имя ея изрекаю — Дзоо́э-Дзоц-Дзано́о. Имя ея изрекая, десницею тьмы я четыре беру и пять десницею тою же сотень, шуйцею — пять на десять и ею же снова четыре. Я призываю васъ Дзоэдзина́дзеноэдзоои Оэдзина́дз Іодзпаоо́ Дзадзно́ Дзадзина́дзо [7].

Неправильно понимаютъ ученіе твое, Валентинъ, думая, будто говорилъ ты о паденіи самого Божества. Кто же не знаетъ, что Маркъ разъяснилъ истинный смыслъ словъ твоихъ и что еще великій Василидъ открылъ намъ совершенство Божественной Полноты? Сотворилъ всё Не-сущій Богъ, не разъ повторялъ Василидъ, Словомъ безсловно; восхотѣлъ сотворить не-хотѣніемъ. «Не-сущій Богъ содѣлалъ міръ не-сущій изъ не-сущаго, извергнувъ и основоуставивъ нѣкое единое сѣмя, въ немъ же — всю всесѣмянность міра, міра многообразнаго и многосущнаго». Какъ же послѣ этихъ словъ возможно учить о томъ, будто міръ и есть само Божество? Но ты зналъ, Валентинъ, что Плирома превыше, совершеннѣе совершенства, зналъ, что въ ней и несовершенство есть, почему не только его, а и совершенство само она превозмогаетъ. И вѣдалъ ты, что не было бы Софіи

земной, не будь въ Плиромѣ Софіи небесной, т. е.—не будь сама Плирома Софіей. И если есть волненье и муки въ Софіи, какъ же не быть имъ въ самой Полнотѣ? Вотъ почему говорилъ ты, что Пистисъ Софія, иначе именуемая Ахамотъ, не сама Софія Небесная, ибо Софіи Небесной нельзя извергнуть изъ лона Плиромы: сама Плирома она.—Пистисъ Софія лишь Помышленье Софіи, Эннойпсисъ. Она — отраженье свѣтлаго лика въ небытности Тьмы. Она возникаетъ по зову Христа изъ ничто и причастіемъ чрезъ Него становится Горней Софіей. Не полна Полнота, доколѣ Она не пріяла въ себя Ахамоть. Но Она искони пріяла ее въ Горней Софіи. Томится и страдаетъ Софія земная къ Плиромѣ стремясь и достигнетъ ее ставъ собою, уже достигаетъ, достигла. Но томится сама Полнота въ Горней Софіи стремленьемъ постичь себя самое, въ непостижности Бездны своей обрѣтая свой нерушимый Предѣлъ и Крестъ. И открывается ей самой ея непостижность, какъ нѣкій Свѣтъ, какъ Слово и Умъ, какъ Христосъ Іисусъ. И нисходитъ покой, и ликуетъ вся Полнота, себя самое постигая. Но не отличны въ ней постиженье и радость отъ исканій и горя. Всё непостижно едино въ Ея полнотѣ непостижной. Выше еще Ея непостижность. — Въ самой себѣ Она неполна, полная лишь въ единеньи любовномъ съ твореньемъ своимъ. Ждетъ и тоскуетъ Она, доколѣ, всецѣло Ее воспріявъ, не сольется съ Ней и не станетъ Ею твореньe. Но не тоскуетъ уже Она и не ждетъ, ибо въ Ней, въ Полнотѣ, всё искони совершилось. Выше совершенства Совершенная. Но выше Она его потому, что будучи совершенной *и* несовершенна. Выше божественности Божественная: — потому, что божественной будучи *и* не божественна. Несовершенна же и небожественна Она въ томъ, что сама становится и твореньемъ своимъ, дабы твореніе стало Ею. Такъ познается Она въ полнотѣ своей полноты. Кто же Она какъ творенье свое? — Конечно, Слово и Умъ, Ея самопостиженье. Слово же есть Человѣкъ, Человѣкъ — Соборность, Соборность—Софія [8].

Славьте Софію Предвѣчную,
Пламенемъ краснымъ горящую,
Свѣтомъ несчетныхъ огней!
Славьте Ее, Безконечную,
Зракъ земнородныхъ разящую!
— Видимъ Невидимый въ Ней.

Солнце Любви Безпримѣрное,
Тьмы Безпросвѣтной Сіяніе,
Бездны Незнаемой Знаніе,
Крестъ, разсѣкающій Мечъ,
Славься, Софія Небесная,
Славься Безстрастья Страданіе,
Неизреченная Рѣчь!

Вѣчно Тобой изрекаема
Вѣчно въ Молчаньи сокрытая
Тайна твоей Полноты.
Въ дивныхъ мірахъ созидаема,
Въ нихъ неизмѣнно изліяя,
Слово Предвѣчное — Ты.

Долу блуждаю, холодная;
Хаоса душными тучами
Горнихъ отъята я мѣста.
Плачу слезами горючими;
Въ мукахъ Божественно плодная,
Чаю сіяющій Крестъ.

Тѣло мое пригвожденное
Молча поникло безсильное;
Мной, земнородной, рожденное,
Никнетъ въ пучину могильную.

Сила померкла въ безсиліи.
Руки, недвижно разъятыя,
Сронутъ и острые терніи
Нѣжное ранятъ чело.
Трепетно бѣлыя крыліи
Рвутъ, сіяньемъ объятыя,
Розы — огни невечерніе.
Ликъ въ нихъ сіяетъ свѣтло.

Кровь загорается красная.
Слезы горятъ самоцвѣтныя.
Лётъ мой свободенъ и тихъ.
Ближе сіянья привѣтныя...
Здѣсь я, Софія Прекрасная.
Здравствуй, Небесный Женихъ!

ПРИМѢЧАНІЯ ИЗДАТЕЛЯ

1. Печатаемое разсужденіе было пріобрѣтено издателемъ вмѣстѣ съ партіей книгъ теософическаго и оккультнаго содержанія въ началѣ марта мѣсяца сего года въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ Государственнаго Издательства за цѣну 5 коп. (въ золотой валютѣ). Рукопись написана четкимъ, но очень мелкимъ почеркомъ на 23 страницахъ (recto и verso) съ полями, на почтовой бумагѣ большого формата съ водяными знаками — круглая печать, въ серединѣ которой крылатый левъ съ лапою, положенной
91 на пачку бумаги съ надписью «1860», а по ободку легенда: «Писчебумъ». Въ правописаніи послѣдовательно выдержана мануйлица, что позволяетъ признать за terminus post quem написанія трактата 1918—1919 г. Несравненно труднѣе опредѣлить, имѣемъ ли мы дѣло съ оригинальнымъ произведеніемъ, переводомъ или переработкою какого-нибудь подлиннаго гностическаго сочиненія. Первое предположеніе кажется намъ исключеннымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: — 1) Трактатъ отличается извѣстною цѣльностью основной мысли и ея развитія, несмотря на цитаты и длинные экскурсы изъ гностическихъ произведеній. Второе въ такой формѣ для современныхъ писателей необычно, а первое и вовсе имъ несвойственно. Съ помощью формальнаго метода, разработаннаго въ выдающихся трудахъ Ю. Тынянова, В. Шкловскаго *, В. Жирмунскаго, Эйхенбаума и другихъ, намъ удалось установить, что отличительная черта современной поэтики заключается въ отсутствіи цѣльности замысла и выполненія. 2) Незамѣтно никакихъ отголосковъ пережитыхъ нами событій — міровой войны и революціи. Но невозможно представить себѣ современнаго писателя, на которомъ бы они такъ или иначе не отразились. 3) Точно такъ же намъ не удалось установить какое-либо вліяніе оккультныхъ и теософическихъ идей, за исключеніемъ, можетъ быть, очень темнаго намека на символическій смыслъ креста и упоминанія въ послѣднемъ стихотвореніи о розахъ. Самый тщательный анализъ не вскрываетъ и малѣйшаго соприкосновенія съ трудами Элифаса Леви, Фабра д'Оливе, Станислава де Гюайта, Сентъ-Ивъ д'Альвейдра, Блаватской, доктора Штейнера и другихъ, хотя въ купленной вмѣстѣ съ рукописью и, видимо, принадлежавшей къ той же библіотекѣ партіи книгъ находились произведенія Леви, Гюайта, Штейнера, Энциклопедія Г. О. М. и брошюры Гухолки. Допустить, что современный авторъ, написавшій подобное публикуемому разсужденіе, могъ остаться не затронутымъ всею этой литературой и ея не отразить, невозможно. Конечно, это — argumentum e silentio. Но онъ вполнѣ убѣдителенъ, такъ какъ нами соблюдены всѣ установленныя Э. Бернгеймомъ (см. посл. изданіе его Lehrbuch der historischen Methode) правила, требуемыя для того, чтобы argumentum e silentio имѣлъ силу. 4) Внутреннія основанія подтверждаютъ наши вы

* Особенно проникновенный мыслитель, прославившійся созданіемъ русской школы такъ называемыхъ «братьевъ-шкловитянъ».

Редакторъ Стрѣльцовъ

воды. — Тонъ автора трактата производитъ впечатлѣніе полной серьезности и убѣжденности, а ни того, ни другого при трактовкѣ подобныхъ сюжетовъ нельзя ожидать въ нынѣшнее просвѣщенное и позитивно-научное время отъ писателя, несомнѣнно исторически образованнаго. 5) Наконецъ, въ пользу древности трактата говорятъ конкретныя подробности, которыя едва ли могли быть измышлены нашимъ современникомъ (описаніе наружности Василида и Валентина, случайныя, но конкретныя указанія на время и мѣсто, наивная вѣра въ легендарнаго феникса и т. д.). Однако рядъ серьезныхъ соображеній препятствуетъ, на нашъ взглядъ, и тому, чтобы видѣть въ данномъ трактатѣ точный переводъ какого-нибудь утраченнаго гностическаго произведенія. — 1) Общій тонъ и характеръ изложенія совершенно несвойственны писателямъ начала нашей эры. 2) Сама форма, по отзыву знатоковъ античной литературы, къ которымъ мы обращались за разъясненіями и компетентность которыхъ достаточно засвидѣтельствована преподаваніемъ въ ВУЗ'ахъ и НУЗ'ахъ Петербурга, не встрѣчаетъ себѣ аналогій въ античности. 3) Несомнѣнное знакомство автора съ трехмѣрнымъ пространствомъ (пониманіе имъ «глубины») тоже, какъ это доказано Шпенглеромъ, не свойственно древнимъ. 4) Вызываютъ сомнѣнія и нѣкоторыя частности, напримѣръ, упоминаніе объ «осеннихъ листьяхъ». Въ виду всѣхъ этихъ соображеній мы рѣшаемся выставить слѣдующую гипотезу. — Современный намъ авторъ ретушировалъ и слегка переработалъ какой-то не дошедшій до насъ подлинный гностическій текстъ. Слѣды переработки безъ труда обнаруживаются въ недостаточной согласованности «плача Софіи» и повѣствованія о ея судьбахъ съ предшествующимъ и послѣдующимъ изложеніемъ. Очевидно, второй авторъ упустилъ цѣлый рядъ соображеній перваго, подвергнувъ первоначальный текстъ нѣкоторому сокращенію. Издатель пока не рѣшается еще реконструировать этотъ Urtext, но позволяетъ себѣ, не входя въ подробную аргументацію, кратко формулировать тѣ заключенія, къ которымъ онъ пришелъ. — Предполагаемый нами оригиналъ относится, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ эпохѣ синкретизирующаго разныя системы гносиса. Авторъ ссылается на Василида, Валентина и Марка, на первыхъ двухъ — какъ на лично ему извѣстныхъ. Василидъ процвѣталъ ок. 125–130 г., Валентинъ умеръ ок. 160 г. Слѣдовательно, авторъ, по его собственному свидѣтельству, уже глубокій старикъ, писалъ свой трактатъ никакъ не позже перваго десятилѣтія III вѣка. Такому предположенію, на первый взглядъ, противорѣчатъ заимствованія изъ книгъ «Pistis Sophia» и «Jeû», которыя Ад. Гарнакъ и переводчикъ ихъ К. Шмидтъ (Carl Schmidt Koptisch-gnostische Schriften I. Berlin, 1905) относятъ къ половинѣ III в. Но весьма вѣроятно, что первоначальная редакція этихъ произведеній восходитъ къ самому началу III в., и что авторъ ею и пользовался. Не лишено значенія, что авторъ называетъ ее «старой книгой». — Онъ отдѣльно даетъ «плачъ Софіи» и описаніе ея судьбы, и, какъ принято въ исторической критикѣ, его болѣе простую версію слѣдуетъ датировать раньше, чемъ болѣе сложную версію, приведенную въ коптскомъ оригиналѣ. Далѣе, коптскій оригиналъ оставляетъ греческія слова безъ перевода. Авторъ же не обнаруживаетъ слѣдовъ вліянія со стороны коптскаго языка или знакомства съ нимъ. Съ другой стороны, трактатъ не можетъ быть отнесенъ къ болѣе позднему времени. — Въ немъ ученіе Валентина упрощено: Плирома сводится къ Тетрадѣ и даже къ Тріадѣ, а Умъ (nous) отождествляется съ Разумомъ, Рѣчью или Словомъ (lógos). Это сближаетъ систему автора съ христіанскимъ ученіемъ, равно какъ и рѣзкое выдѣленіе идеи Василида о твореніи изъ ничего (замѣтимъ, что у автора нѣтъ слѣдовъ знакомства съ ученіемъ Василида въ томъ видѣ, въ какомъ излагаетъ его Ириней, благодаря чему подтверждается предположеніе В. В. Болотова и другихъ о большей достовѣрности версіи Философуменъ Ипполита), и, правда, не развитая, теорія причастія. Если бы авторъ зналъ труды Оригена, а тѣмъ болѣе — христіанскую философію III—IV вѣковъ, онъ, разумѣется, или ссылался бы на нее или, по крайней мѣрѣ, такъ либо иначе ее на себѣ отразилъ. Тѣмъ, на нашъ взглядъ, и интересенъ публикуемый нами трактатъ, что онъ показываетъ, насколько гностическая мысль II — III в. приближалась къ христіанской и какъ она въ нее перерождалась. Мы надѣемся, что внимательное изученіе публикуемаго источника заставитъ съ новой точки зрѣнія пересмотрѣть исторію гностицизма.

2. Довольно близкій къ подлиннику переводъ извѣстнаго по Философуменамъ Ипполита гимна нахашеновъ. Интересно, что въ переводѣ стоитъ «нахашъ» (nahash или, по другому чтенію, naas — змій), чѣмъ подтверждается эмендація Гильгенфельса, замѣнявшаго этимъ словомъ даваемое текстомъ Ипполита «Умъ» (nous). Нахашены или наассены — одна изъ гностическихъ сектъ, принадлежавшая къ группѣ офитовъ или братьевъ змія и, повидимому, повліявшая на міровоззрѣніе автора.

3. Слѣдующій отрывокъ — плачъ Софіи — частью дословно совпадаетъ съ текстомъ гл. 32—59 первой книги «Pistis Sophia», гдѣ плачъ разбитъ на тринадцать покаяній и вкрапленъ въ разсказъ Христа о судьбахъ Софіи. Нашъ текстъ значительно короче, что говоритъ въ пользу его большей древности. Терминологія автора нуждается въ поясненіяхъ. — «Верженья», очевидно, — греч. probolai, что переводится обычно латинскимъ словомъ эманаціи, т.-е. истеченія. — «Своевольный» — переводъ греч. «authades», «Вещество» — конечно, «hyle», т.-е. матерія.

4. Предшествующее изложеніе (послѣ плача Софіи) является переработкою и упрощеніемъ системы Валентина. По Валентину (Птолемею), Плирома состоитъ изъ 30 эоновъ («тріаконтады») или 15 сизигій (супружествъ). Высшіе четыре эона Виѳосъ — Сиге, т.-е. Бездна — Молчаніе, и Умъ — Истина составляютъ тетраду, а вмѣстѣ со Словомъ (Логосомъ) — Жизнью и Человѣкомъ — Церковью — первородную огдоаду или восьмерицу. Остальные эоны эманируютъ изъ Слова — Жизни и Человѣка — Церкви, за исключеніемъ рожденнаго всею Плиромой чрезъ Ума — Истину Христа, вступающаго въ сизигію съ Софіей. Авторъ отбрасываетъ въ общемъ идею сизигіи, отождествляетъ Бездну съ Молчаніемъ, Умъ со Словомъ (вѣроятно, потому, что само познаніе уже предполагаетъ разъединеніе или «счетъ», т.-е. логосъ — таково первоначальное значеніе глагола logizein) и Человѣкомъ. Неясно, какую роль играетъ въ его теоріи Истина (если она не тождественна частью Логосу — Уму, частью Виѳосу), но несомнѣнно, что подъ Жизнью и надо разумѣть «Отчую Силу» или «Духа». — Попытка, не лишенная интереса, такъ какъ у Валентина діалектически различеніе Виѳоса отъ Молчанія и Ума отъ Разума (или Логоса), дѣйствительно, не обосновано, при достаточномъ, однако, обоснованіи отличности Ума отъ Виѳоса. Идея сверхвременнаго единства Плиромы, несомнѣнно, заимствована у Марка.

93

5. Въ изображеніи судебъ Софіи опущено различеніе между Софіей Небесной и ея Эпѳимисисъ или Помышленіемъ, т.-е. Софіей Ахамотъ. Въ дальнѣйшемъ авторъ возвращается къ болѣе полному ученію Валентина.

6. Слѣдуютъ новыя извлеченія изъ книги «Пистисъ Софія» (1 кн. гл. 30—60), опять таки болѣе краткія, съ опущеніемъ плача (тринадцати покаяній) Софіи. «Умопремѣна» — неудачный переводъ греч. metanoia, обычно переводимаго какъ «покаяніе».

7. Послѣдній отрывокъ близокъ къ концу (въ изданіи Шмидта) кн. «Jeû». Въ загадочныхъ словахъ, не имѣющихъ никакого, повидимому, смысла, обращаетъ на себя вниманіе удлиненіе нѣкоторыхъ гласныхъ: «дзаноо» вмѣсто «дзано», «дзоои» вм. «дзои», «іодзнаоо» вм. «іодзнао».

8. Оригинала стихотворенія, заключающаго трактатъ, найти намъ не удалось. Предпослѣдній куплетъ, можетъ быть, отражаетъ нѣкоторое смѣшеніе идей Василида (Духъ Святой, какъ птица, возносящая «Второе Сыновство» къ Богу) съ ученіемъ Валентина о Крестѣ — Предѣлѣ. Вѣроятно, стихотвореніе принадлежитъ «второму», русскому автору. Можетъ быть, къ включенію въ тотъ же печатаемый нами трактатъ

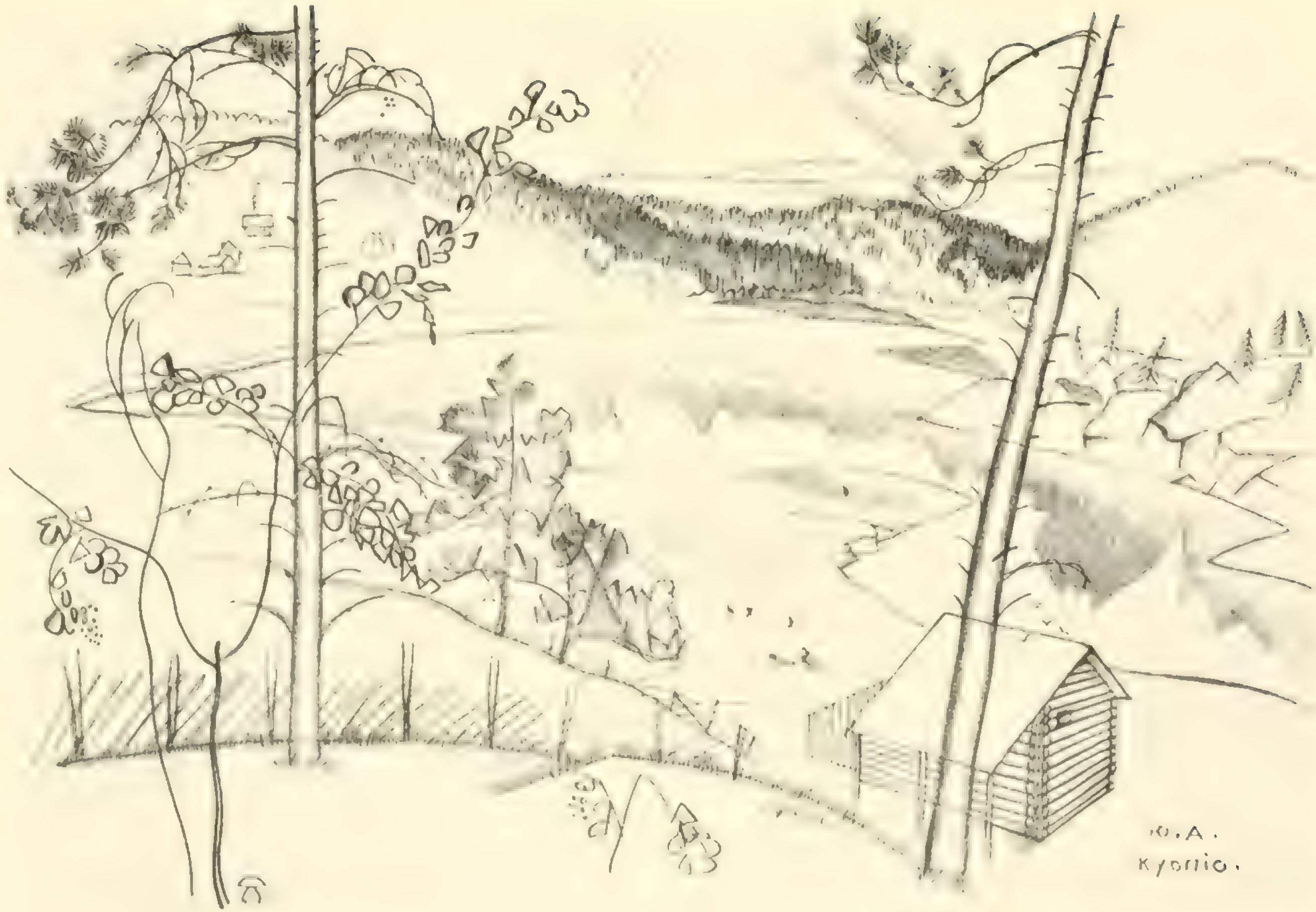
предназначалось и другое, найденное нами на отдѣльномъ листкѣ почтовой бумаги (безъ водяныхъ знаковъ), вложенномъ въ рукопись. Приводимъ въ примѣчаніи и его:

Маріамъ, Маріамъ, Звѣзда Морская,
Я тебя полюбилъ, люблю навсегда!
Я твержу, сѣдыми волнами играя:
«Маріамъ, Морская Звѣзда!»

Маріамъ, Маріамъ, я тебя всю объемлю,
Я люблю тебя, земля, я, Океанъ,
Омываю, ласкаю родимую Землю,
Обнимаю стократъ горячій станъ.

Маріамъ, Маріамъ, Звѣзда Морская,
Не тобою ли я, Маріамъ, рожденъ?
Не твое ли имя во снѣ изрекая,
Я нарушилъ моей небытности сонъ?

Маріамъ, Маріамъ, Звѣзда Морская,
Я Отецъ твой, и Сынъ, и Супругъ навсегда!
Въ шумѣ волнъ лишь имя твое повторяю,
Маріамъ, Морская Звѣзда!



Юрій Анненковъ

М. КУЗМИНЪ

ЧЕШУЯ ВЪ НЕВОДѢ (Только для себя

Обладая слабою памятью, я принуждень не только работы, но и простыя ежедневныя чтенія сопровождать выписками. Книги, встрѣчи и разговоры вызываютъ случайныя мысли: это не спеціальные домыслы и соображенія относительно наиболѣе интереснымъ для меня предметовъ, а органическая внимательность: гадаешь и думаешь, какъ дышишь. Ни на какую руководящую идею, исчерпывающія характеристики, окончательные приговоры эти строчки (исключительнѣйше для себя) не притязаютъ. Возможны и полныя противорѣчія, такъ какъ извлекъ я ихъ изъ выписокъ за шесть лѣтъ 1916—1921 года. 96

М. Кузминъ

Недостатокъ Маро въ томъ, что онъ былъ кальвинистомъ.

Heptameron — изъ добродѣтельныхъ книгъ. Cent nouvelles nouvelles — куда вольнѣе и менѣе fade.

Все время Шекспира — невиданной больше нигдѣ экзальтаціи, отражавшей вѣроятно нѣсколько и общество. Въ эвфуизмѣ больше механическаго подражанія экзальтаціи, чѣмъ précieusité. Этотъ восторгъ отличается отъ экзальтаціи романтиковъ тѣмъ, что онъ — мужской, отъ избытка и здоровый, тотъ же — женскій, визіонерный и отъ какой-то скудости крови. Вся эпоха будто съ темпераментомъ

Реми де Гурмонъ остроумничаетъ фальшиво о разныхъ пустякахъ Какъ у присяжнаго остряка: разъ хорошо, восемь разъ плохо.

97 Гептамеронъ, можетъ быть, наименѣе острый и пикантный сборникъ новеллистовъ. Добродѣтельность, мѣстами растянутость и диспропорціональность — показываютъ женскую руку. Но все гораздо кровавѣе, чѣмъ у итальянцевъ.

Какъ утратилось, или перешло на задворки въ концѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ, не говоря о началѣ XIX, все острословіе, реализмъ, натянутыя сравненія, блестящіе парадоксы стиховъ того же Marot или прозы Рабле.

Ренессансъ — горячъ, тѣлесенъ и восторженъ, XVIII вѣкъ — холоденъ, сухоразвратенъ и чопоренъ, хотя авантюристы и тамъ восхитительны, но безъ того блеска, размаха, захватывающаго дыханія.

100 nouvelles nouvelles — чудно хорошо, сжато, остро, реальио; вездѣ діалоги, а не тирады, какъ у Маргариты Наварской.

Marot несказанно вредитъ его лютеранство, въ непредполагаемой степени, какъ Мильтону, Шуману и др. Думаю, что настоящій протестантъ не можетъ быть настоящимъ поэтомъ, отказываясь отъ конкретности, чувственности и традиціи.

Marot — очень милъ, непринужденъ, живъ, неожиданъ, но какая то насильственность и рифмачество дѣлаетъ его похожимъ мѣстами на Потемкина.

Шуманъ очень непріятенъ и ритмически, и гармонически, и мелодически, хотя и своеобразенъ. Вліяніе самое пагубное.

Мей несправедливо заброшенъ и былъ, и есть. Конечно, онъ соотвѣтствуетъ Римскому-Корсакову, а не Пушкинъ.

«Дѣти Прометея» Вячеслава Иванова напоминаютъ «Нибелунговъ» особенно въ разсказѣ Пандоры. Лучше «Тантала», но поверхностнѣе, чуть слащаво, затемнено психологическими аллегоріями. Нѣтъ ни глыбъ, ни настоящей нѣжности.

«Туманный городъ» Юркуна — вещь, о которой мечталъ бы Брюсовъ, но на которую у него никогда не хватило бы пороху. 98

Книга Вакенродера къ несчастью имѣла историческое значеніе. Интереснаго въ ней только анекдоты изъ Вазари. Вообще безпомощная и дѣтская книга.

Сѣверянина уже сравнили съ Бенедиктовымъ.

Чѣмъ болѣе вѣкъ и искусство стремятся къ grand art, тѣмъ безжизненнѣе дѣлаются.

Въ новеллахъ Straparola уже чувствуются Гоцци и нѣмецкіе романтики.

10 Марта, преподобная Анастасія. Спасалась подъ видомъ свинуха. Обычное житіе. Когда передъ смертью бесѣдуетъ со старцемъ, его служка, очевидно, стоитъ болваномъ, такъ что старецъ принужденъ былъ взять его и повергнуть къ ногамъ умиравшей. Та благословила его, какъ слѣдуетъ. Но когда старецъ ему же поручилъ переодѣть ту для погребенія, онъ подглядѣлъ ея груди «какъ листіе сухо». Тутъ промолчалъ, но на возвратномъ пути говоритъ старцу: «а вѣдь сконецъ то

была баба». — Молчи, сынъ, и безъ тебя знаю! — И все ему «по-тонку» разсказалъ.

Некрасовъ издалъ вродѣ «посредственныхъ» книжекъ рядъ, гдѣ въ пріятно лубочныхъ обложкахъ новеллы, Мериме, Гребенка, Пушкинъ, Толстой вмѣстѣ съ какимъ то хламомъ. Сначала я пришелъ въ восторгъ, но потомъ охладѣлъ.

Оффенбахъ «Le pont des soupirs» — все-таки скучный вздоръ. Лекокъ никогда не падалъ такъ низко, какъ это случалось съ Оффенбахомъ. Будто композиторъ спитъ и на память мурлычетъ общія мѣста побанальнѣе. Посмертныя оцѣнки въ концѣ концовъ справедливы и гальванизаціи рѣдко и ненадолго удаются. Avis aux snobs.

99 Нѣкоторое однообразіе отступленій Юркуна и его описаній (улицы, тумана, солнца) не есть повторенія, а такъ сказать навязчивыя идеи, для цѣлаго періода характерныя. И потомъ онъ ихъ виртуозно разнообразитъ. Но о сюжетѣ иногда судитъ странно. Удачную деталь считаетъ уже сюжетомъ. Къ счастью не сейчасъ же осуществляетъ. Напримѣръ: «Человѣкъ досталъ звѣзду съ неба: она мокрая и маленькая, вродѣ устрицы». Отлично, а онъ считаетъ это уже сюжетомъ.

З... сказалъ, что неграмотные люди, не соединяя со словомъ его начертанія, сохраняютъ свѣжесть звукового впечатлѣнія. По моему и она притупляется. Для этого нуженъ особый даръ.

Ю. П. у всѣхъ спрашиваетъ, кто у насъ первый поэтъ, думая, что назовутъ меня, но никто этого не дѣлаетъ.

Смерть Скрябина, наканунѣ его мистерій, отъ прыщика — очень знаменательна. Демонизмъ. Наполеонъ. Вагнеръ. Ницше. Черное. Пафосъ и созерцательность. Борьба или со свѣтомъ, или съ собою (Бетховенъ, Достоевскій). Розановъ — всегда отъ Бога. Ремизовъ привязанъ къ чертенятамъ и гадостямъ; это ему вредитъ. Своя воля — какъ лучъ Воли Божіей. Цѣль —

осуществленіе въ полнотѣ произведенія художественнаго Творца.

Счастье, веселье, легкость.

Крушенье, внѣшній успѣхъ, расколотость

Протестантство не можетъ родить настоящаго искусства,— лишенное благодати.

Кульбинъ, самъ того не зная, обмолвился, что вкусъ это— благодать, ангелъ — хранитель.

«Аще прельститъ тебя тщеславіемъ, сотвори дѣло, или образъ предъ людьми, да обезчестятъ тебя» (Прологъ на 25 Марта) Теорія, могущая повести къ соблазну.

У Гофмана «Крейслеріана» № 5. Безсвязныя мысли, абзацъ 3-ій. Мысль о соотвѣтствіи красокъ, звуковъ и запаха за 50 лѣтъ до Бодлера и декадентовъ. «Запахъ темно-красной гвоздики имѣетъ надо мною какую-то волшебную власть; я невольно впадаю въ мечтательное состояніе и слышу, точно будто издалека набѣгающіе и отливающіе волнами глубокіе звуки англійскаго рожка». 100

Когда Лурье касается голоса, онъ дѣлается проще и даже совпадаетъ иногда съ Корсаковымъ. Это вродѣ футуристическаго костюма. Какъ ни будь рисунокъ страненъ, будучи выполненъ и надѣтъ на живого человѣка, онъ дѣлается проще и естественнѣе.

«Слова понимаемъ, мнѣніе же о нихъ производимъ сами» (Слово Амвросія Медіоланскаго о надеждѣ воскресенія) Вообще-то плосковато и раціоналистично. Очень западное, почти XVIII вѣкъ.

Москвичи съ давнихъ поръ любили словопрѣть. Понятенъ расколъ, славянофильство. Теперь футуризмъ и Бѣлый все время теоретизируютъ. У насъ Кульбинъ и Евреиновъ, но это pro domo sua, а не изъ любви къ искусству. Акмеизмъ такъ тушь и нелѣпъ, что этотъ миражъ скоро пройдетъ. Въ Москвѣ

серьезиѣе, но, Боже, какіе болтуны и совопросники, топущіе въ собственной болтовиѣ! Я позабылъ про трощу Мережковскихъ, но какіе же это теоретики? Ворчливые дворцовые швейцары не у дѣлъ.

Подъ созвѣздіями
конецъ XVIII вѣка — Вольтеръ
XIX — 1810 — Руссо.
1810 — 1820 — Гофманъ
1820 — 1830 — Пушкинъ
1830 — 1850 — Бальзакъ
1850 — 1870 — Диккенсъ
1870 — 1880 — Достоевскій
Чеховъ — очень мѣстно, хотя и нагадилъ. Для начала XX в. — Франсъ? хотѣлось бы.

101 Лично для Юркуна жалко, что онъ — полякъ. Впрочемъ, онъ — литовецъ, хотя я не знаю, что это значитъ. Вродѣ черногорцевъ. Не характерная вселенская нація.

Сказки Казотта растянуты, но новы для XVIII вѣка и очаровательно романтичны. Снобы его замалчиваютъ — недостаточно галантенъ, — но въ немъ есть Гофманъ и порою Франсъ.

Пруссія и Германія XVIII и начала XIX вѣка имѣютъ больную прелесть провинціализма. Ходовецкій — отличный поэтъ и тѣмъ еще мнѣ милъ, что онъ — спеціальный иллюстраторъ милыхъ вещей.

Скарронъ не постѣснялся въ своемъ романѣ не только изобразить представленіе своей комедіи «Iodelet», но даже хвалить ее.

Сомовъ. Послѣ реалистическихъ исканій вродѣ Сѣрова и легкаго налета нѣмецкихъ декадентовъ, какъ скоро свое и огромное. Изъ полотенъ «Въ былые годы» и «Людмила» — почти весь Судейкинъ. Наше время было очень культурное и начитанное. Заслуга эстетизма—новый гуманизмъ. Теперь наиболѣе начитанный — Судейкинъ, но неучъ даже по сравненію съ Бакстомъ.

Въ XVII вѣкѣ такъ же безобразно декламировали стихи со сцены. «Il faut observer la ponctuation des périodes et ne pas faire paraître que c'est de la poésie, mais les prononcer comme si c'était de la prose. Il ne faut pas les chanter, ni s'arrêter à la moitié, ni à la fin des vers, comme fait le vulgaire, ce qui a très mauvaise grâce» (Roman Comique ch. LII).

Лафонтенъ въ концѣ концовъ — очень второстепенъ. Добродушіе вродѣ Беранже. Тѣ же темы куда остре въ источникахъ, чѣмъ у него.

«Опавшіе листья» Розанова — масса блестящихъ мыслей, писатель первый сортъ, но страшно далекій и чужой. Даже не чуткій ко многому человѣкъ. Иногда изъ-за фетишизма не понимаетъ самаго пола.

Брата осудили на смертную казнь. Монахъ все ходилъ за нимъ. «Что, у тебя нѣтъ работы и кельи?» — Есть, но во-первыхъ я очень лѣпивъ, а во-вторыхъ никакъ не могу привести себя въ умиленіе. Вотъ, можетъ быть, увижу твою казнь и умилюсь» (Лугъ Духовный).

Chaque terme à l'esprit ne portait qu'une image;
Un oiseau voulait dire un oiseau, rien de plus;
Et cage voulait dire cage.
La basse allusion de son impureté
N'avait rien encore infecté.

(Pirron. Epître pour «les courses de Tempée»)
Вотъ когда ужъ былъ акмеизмъ. Забавно, что символизація понимается только какъ скрытая похабщина.

Наше время — горнило будущаго. Позитивизмъ и натурализмъ лопнули, перекинувъ насъ не въ третью четверть XVIII вѣка, когда они начинались, а въ гораздо далѣе примитивную эпоху. Примитивизмъ. Живопись, Дебюсси, реакція противъ Вагнера. Всякое начало, желая самодовлѣть, упирается въ тупикъ, остав-

лая то цѣнное (на что не обращалось вниманія), что несло съ собою. Похоже на 2-ой вѣкъ, можетъ быть еще какіе-нибудь. Хлѣбниковъ высчиталъ бы.

«Les illusions perdues» въ сущности какъ примитивно и смѣшно. Только геній Бальзака дѣлаетъ это великимъ и огромнымъ.

Идѣже *печаль* и тщеславіе, тамо ни единоже благо обрѣтается.
(Лимонарь)

Чѣмъ больше читаю Казанову, тѣмъ меньше онъ мнѣ нравится. Ничтожный и наглый человѣчишко. Приключенія однообразны и по-хамски разсказаны.

Саллюстій меньше даетъ, чѣмъ Светоній въ своей простотѣ и, можетъ быть, неталантливости. У перваго все подтасовано
103 съ ораторскимъ пафосомъ. Это — поэма, и конецъ отличенъ. Рѣчь Цезаря въ сенатѣ — уклончива и лицемѣрна. Катилина самъ — отличенъ, хотя въ немъ сидитъ уже Лорензаччіо, Адольфъ и Печоринъ. Цицеронъ конечно — старый колпакъ и бездарный интриганъ. Противная, очень современная, личность, немного французскаго академика.

Какъ въ былинѣ о Чуриłѣ подобраны цвѣта: бѣлый снѣгъ, горностай, серебряныя гвоздики, серебряные шахматы, хрустальная доска. И тепло, и постель, и сладострастіе, и кровь (какъ бѣлый горохъ) — чисто русскія.

Л. Бруни говорилъ о христіанскомъ искусствѣ, о критикѣ, талантѣ, о всемъ, о чемъ мы говоримъ — сбивчиво и неясно. Б... возражалъ формально, терпимо и доказательно, но правъ былъ первый.

Класическое и гармоническое вдохновеніе у китайцевъ называется «прѣснымъ».

К. Н. Рихтеръ тяжелъ и однообразенъ. Это не первый сортъ, но лучше Стерна. Во многихъ парадоксахъ имѣетъ общее съ Уайльдомъ.

Описательныя части діалоговъ Аретино такъ причудливы, парочиты и юмористичны, что напоминаютъ Гоцци и романтиковъ. Вообще же мастеръ высокаго достоинства.

«Исторія масонства» Пыпина безъ малѣйшаго пониманія предмета, вродѣ какъ если бы М. П. Семеновъ писалъ о m-me Guyon. Даже не знаю, почтенно ли. Въ несоотвѣтствіи темы съ характеромъ изслѣдованія есть не занятная причудливость, а какая-то бездарность.

Въ концѣ «Карамазовыхъ» есть извѣстное психологическое франтовство съ рѣчами адвоката и прокурора; безпристрастіе, котораго въ сущности у Достоевскаго не было и которое не удалось. Или онъ хотѣлъ заставить пережить читателя angoisse публики въ судѣ? Этого тоже не достигнуто. Великолѣпный романъ слегка dégringole къ концу. Съ мальчиками же— совсѣмъ только для будущаго и часто совершенно невразумительно. 104

Предисловія Бомарше уже романтичны и демагогичны. Причуды Гофмана, но и развязность Гейне, разжиженная фельетонизмомъ Жюля Жанена. Отчасти Казотъ, отчасти газетчикъ. Остро, причудливо, растрепанно и довольно дурного тона. Предчувствуются уже «гидры» и «сатрапы». Самохвальство необычайное. Иногда Бальзакъ, но болѣе развязный.

Я очень охладѣлъ къ Ренье. Въ немъ положительно есть Ауслендеръ, слабость руки и очень обыкновенно. Замыселъ, подробности занятны, развитіе и психологія вялы и ординарно, написано иногда прелестно, часто сухо и плоско, всегда вяло. Эстетическій Чеховъ. Смѣшно сравнивать съ Франсомъ.

Послѣ «1001 ночи» прѣсенъ не только Дефо, но и Диккенсъ, и Бальзакъ. Можетъ-быть Шекспиръ, Гете, Достоевскій могутъ выдерживать сравненіе.

Всѣ искусства дѣйствуютъ на воображеніе черезъ чувственныя внѣшнія чувства. Одна поэзія—непосредственно лицомъ къ лицу. Музыка наиболѣе аформный элементъ, какъ хаосъ,

женское начало, астральный и неопредѣленный. Потому стремится къ формамъ, наиболѣе точнымъ, почти математическимъ. Наиболѣе соблазнительна. Всякій элементъ алкаетъ недостающаго (противоположности сходятся). Германія—страна музыки и философіи (связь ихъ въ нереальности и метафизичности этихъ искусствъ). Германія—идеалъ музыки, а не ея свойства. Музыка сферъ какъ чудо, а не врожденное качество. Творитъ изъ наименѣе существующаго во внѣшнемъ мірѣ. Искусства равноправны и автономны, но живопись и особенно скульптура, конечно, земнѣе и проще, оперируя съ уже созданными природою формами.

«Важнѣйшіе іероглифы для человѣческаго сердца» стр. 6. «Все видимое есть изображеніе невидимаго, есть гласъ, зовущій насъ отъ истинъ Натуры къ великимъ истинамъ Вѣчности». Изображеніе, поскольку оно—творчество, не болѣе. «Истина Натуры»—не ясно. Опасно, слѣдуя увлеченію XVIII вѣка, слишкомъ полагаться на природу и естественные законы.

«Натура есть органъ силъ, истекающихъ изъ единственной Силы», не есть ли это уклоненіе въ Деизмъ? Природа—твореніе Бога, созданіе, а не проводникъ Его силъ. Проводникъ же только въ той мѣрѣ, насколько обладаетъ «образомъ Божіимъ», т. е. творчествомъ, каковымъ обладаетъ и человѣкъ, и искусство. Божественно все творческое, спеціальное обоготвореніе природы—заблужденіе, опять таки свойственное XVIII вѣку *.

«Истина прежде заблужденія, спокойствіе раньше безпокойства». Неясно, или невѣрно во второй половинѣ. Единство раньше множественности, конечно, но покой и безпокойство суть обозначенія состоянія, а не свойствъ, и хаосъ—раньше

105

* Эккартсгаузенъ, повторяющій такъ часто о Натурѣ матеріальной, главной, внѣшней, поврежденной, повиненъ ли въ «спеціальномъ обоготвореніи природы»?
Что касается заблужденій, свойственныхъ XVIII вѣку, вѣку «Просвѣщенія» по преимуществу, то не онъ ли называетъ его «вѣкомъ мерцанія»?
...«Бѣдные человѣки! Далеко ли же распространили вы блаженство человѣческое? Бывалъ ли полно какой вѣкъ, который бы стоилъ человѣчеству столькихъ жертвъ, какъ нынѣшній?» (Эккартсгаузенъ)
Это—не о насъ, это все о томъ же XVIII вѣкѣ... Редакторъ

окончательной гармоніи. Впрочемъ, чтобы двигаться, конечно, нужно выйти изъ положенія недвижности. И первоначальнаго движенія представить нельзя *.

Св. Ефремъ

Сердце чисто отъ любви Божіей
Любовь Божія отъ радости
радость отъ кротости
кротость отъ смиренія
смиреніе отъ службы
служба отъ упованія
упованіе отъ вѣры
вѣра отъ послушанія
послушаніе отъ беззлобія
Корень — беззлобіе
Ненависть отъ ярости
ярость отъ невѣрія
невѣріе отъ жестокосердія
жестокосердіе отъ слабости
слабость отъ чревоугодія
лѣность отъ нетерѣнія
нетерѣніе отъ велерѣчія
Корень — зависть.

Любовь соединяетъ. Богъ есть источникъ Любви, а твореніе — произведеніе Его любви. Первый законъ — любовь. Явленіе этого закона — истина. Истина и любовь — Премудрость.

Одушевленные управляются внутренними силами.
Неодушевленные — внѣшними, но силы происходятъ отъ любви.
Любовь къ себѣ — первая склонность, способность къ совер-

* Какъ равно — и неподвижности первоначальной. Вообще для точности — въ подобномъ размышленіи логическое ударение падаетъ отнюдь не на движеніе или неподвижность, а на первоначальное, о которомъ конечно можетъ высказывать любыя «мнѣнія», но о которомъ ничего не можетъ знать разсуждающій, чувственный, «внѣшній человѣкъ».

Редакторъ

шествованію, цѣль — любовь къ цѣлому, уклоненіе — безпорядокъ.
Добродѣтель — готовность учреждать дѣйствія свои по отношеніямъ всеобщей любви.
Религія — цѣль — соединить чувственную нашу натуру съ умною и любовь къ себѣ съ любовью къ Богу.
Христіанство дѣйствуетъ непосредственно на сердце, или волю, а философія только на разумъ и небрежетъ объ образованіи воли.
Воля управляется познаніемъ, но нужны охота и упражненіе.
Развратная воля можетъ познавать, но не исполнять.
Блаженство — не цѣль, но слѣдствіе любви или добра. Любовь — сила, Благо — дѣйствіе этой силы, слѣдствіе — блаженство.
Истина съ любовью — Премудрость — достигается соединеніемъ познанія съ волею.
Мудрость міра — познаніе безъ воли — буйство.
Наука не имѣетъ основанія, такъ какъ основаніе — человѣче-
107 ское сердце.
Знаніе безъ сердца и доброй воли — укрѣпленіе страстей, безпорядочная любовь.

Не тайна ли Троицы? Богъ - Полнота, Творчество, Единство. Какъ только творчество — сейчасъ же два: Творецъ и творимое. Раздѣленіе. Сейчасъ же — любовь какъ соединеніе и дѣятельная полнота. Вотъ почему не Нирвана, не бездѣйствіе.

Актъ напряженія Божественной любви — страсти Христовы. Не половой ли? Каналъ любви — крестъ. Фаллосъ. Только въ плотской жизни — соединеніе творчества съ единствомъ.

Чудо о разслабленномъ священникѣ, гдѣ подъ дождемъ его носятъ изъ бани въ баню и святой является въ видѣ банщика, изобилуетъ интереснѣйшими подробностями (М. Ч. М. 1 Ноября)

Самодѣятельность перваго начала вложила въ мертвую глыбу
1. движеніе,
2. чувствованіе,
3. огонь, или жизнь.

Тогда свѣтъ и любовь, умъ и познаніе, единство и премудрость стали паки находиться тамъ потенціально.
Суббота — возвращеніе всего къ единству.

Благовѣщенье (зачатіе) въ древности праздновалось въ одинъ день со страстями или Воскресеніемъ. Не подтверждаетъ ли это моихъ мыслей относительно эротическаго значенія страстей?

Гетперъ очень сурово относится къ штурмдранглистамъ и романтикамъ, но яснѣе и привлекательнѣе они изъ нарекапій талантливаго человѣка, чѣмъ изъ похвалъ глупца.

Романъ Юркуна больше всего имѣетъ общаго, конечно, съ произведеніями Клингера. Это ново и замѣчательно. Я говорю о «Туманѣ за рѣшеткой».

Нужно бы открыть походъ противъ формалистики. Или она безвредна и падетъ сама собою? Можетъ быть, лѣнь и косность удерживаютъ меня. Литературныя распри, конечно, смѣшны, но въ этой маленькой жизни и необходимы.

Св. Мина въ видѣніи велѣлъ хромому лечь съ нѣмой. Тотъ противился, но подчинился. Она отъ страха закричала, а паралитикъ убѣжалъ. Такъ оба исцѣлились. Исцѣленія черезъ инкубацію. Сны въ храмѣ. Полное и подробное тождество съ практикой культа эскулапа.

Старецъ принималъ посѣтителей лѣтомъ почти голымъ и клобукъ носилъ задомъ напередъ. Соблазнялись. На упрекъ отвѣчалъ: «мы не людямъ работаемъ; кто хочетъ поучаться, пусть поучается, кто хочетъ соблазняться, пусть соблазняется. Я дѣлаю свое дѣло — прочее же мимо идетъ». И ученику велѣлъ говорить грубую правду, «если ѣмъ, — говори: ѣсть, если сплю, говори «спитъ». (Прологъ 17 Мая)

Выписка — чаще вода на свою мельницу, а не убѣжденіе въ противномъ.

Слово Ефрема Сирина о любви (24 Декабря) сравни съ Эккартсгаузеномъ. Любовь — соль.
Тамъ же «Богъ бо *именуемъ* прогонитъ бѣсы» (Имясловцы).
Безъ нѣкотораго аскетизма было бы великолѣпнымъ образчикомъ платоническаго полета съ сирійскою пылкостью. Любовь — начало, соль всякаго творчества, Сына Божія сводитъ на землю

Во времена Шекспира всѣ помѣшаны на стихахъ и не хотятъ прозы. Есть стихи на Утопическомъ языкѣ (заумные).

Уайльдъ, человѣкъ почти геніальный, стремится изо всѣхъ силъ быть свѣтскимъ пустымъ болтуномъ. Д'Аннунціо почти свѣтскій болтунъ, имѣетъ геніальные замыслы и позы. Первому его несчастное намѣреніе почти удалось.

Что значитъ «Тьма внѣшняя»?

Заглавіе: «Чтенія къ назиданію свѣтскимъ, благочестивымъ же къ развлеченію людямъ».

АЛЕКСАНДРЪ БѢЛЕНСОНЪ

НИЦШЕ - ШПЕНГЛЕРЪ - ѲЕДОРОВЪ

Какъ прогоняемый сквозь строй
Метафизическихъ фрагментовъ
И посвященный Заратустрой
Непонятый, но дѣльный менторъ!

Всечеловѣческая боль
Пронизываетъ тонкій скепсисъ,
А духъ, блуждающій въ неволѣ,
Волитъ любить, незримо теплясь.

Байрейтъ и Альпы и Шпропъ
И вѣчный кругъ міровъ за ними,
Но всѣхъ обиженныхъ не тронетъ
Онъ, возвращающійся мимо.

- Закатъ Европъ! Европъ закатъ!..
Всерадіо разноситъ зычно.
Да, Ницше зналъ пути возврата,
- Послѣдній еллинъ и язычникъ!

Релятивизмъ пустыхъ шеренгъ
Въ побѣдоносныхъ прусскихъ каскахъ.
Сумбурный предзакатный Шпенглеръ,
Распоряжающійся наспѣхъ.

Вовѣки не Святой Русп-ль
Неподражаемо смиренье?
Не тамъ-ли первое усилье
Для дѣла братства - воскрешенья?

Не надо слугамъ Феба крылъ,
Вожди - политики виновнѣй
Съ тѣхъ поръ, какъ Ѳедоровъ открылъ
Цѣль христіанства, долгъ сыновній!

Мартъ — Апрѣль 1922

НИЦШЕ, ШПЕНГЛЕРЪ, [illegible]

Какъ прогоняемый сквозь строй
[illegible]
И посвященный Заратустрой
[illegible]тый, но дѣльный [illegible]

Всечеловѣческая боль
Пронизываетъ тонкій [illegible]
А духъ, блуждающій въ [illegible]
Волитъ любить, незримо [illegible]

Байрейтъ и Альпы и [illegible]
И вѣчный кругъ міровъ [illegible]
Но всѣхъ обиженныхъ [illegible]
Онъ, возвращающійся [illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible] шеренгъ
Въ [illegible] прусскихъ каскахъ
Сумрачный [illegible] Шпенглеръ
[illegible]

Вовѣки не Святой Руси-ль
Неподражаемо смиренье?
Не тамъ-ли первое усилье
Для дѣла братства - воскрешенья?

Не надо слугамъ Феба зрѣть
Вожди - политики [illegible]
Съ тѣхъ поръ, какъ Өедоровъ [illegible]
Цѣль христіанства, долгъ сыновній.

Мартъ — Апрѣль 1922

Юрій Анненковъ

ЗАПИСКИ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА 1814 г.

9-го Апрѣля. Парижъ. Сегодня я былъ въ театрѣ aux français, давали «Манліуса», трагедію Г. Лафосса: надобно признаться, отдавая полную справедливость Г. Тальма, что онъ играетъ роль Манліуса въ совершенствѣ, это верхъ искусства, лучше невозможно; все въ немъ показываетъ великаго актера, онъ заставляетъ васъ забываться, вамъ кажется, что вы точно видите передъ собою римлянина и заговорщика. 114

Сцена, когда онъ, узнавъ, что другъ измѣнилъ ему, укоряетъ его и бросается, чтобы заколоть, безподобна,—одна дама не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть, я также содрогнулся.

Дама и St. Prix также играли прекрасно, жаль, что ролью Валеріи играла не Дюшнуа или Жоржъ.

Дюшнуа и Рокуръ предпочитаемы здѣсь Жоржъ, хотя обѣ не имѣютъ красоты послѣдней, но игрой все затмеваютъ, онѣ заставляютъ забывать этотъ недостатокъ.

Къ сожалѣнію не случилось мнѣ видѣть игры Лафона, я слышалъ его, какъ онъ репетировалъ стихи своего сочиненія; кажется, что публика не ошибается, отдавая справедливость великимъ его талантамъ.

Въ Большой Операѣ я былъ, когда давали «Eudipe à Cologne». музыка удивительная, играли прекрасно, но я не охотникъ и не знатокъ музыки, и потому не люблю большихъ оперъ.

Балетъ прекрасный, Вестрись безподобна, жаль, что Дюпори теперь нѣтъ здѣсь, декораціи удивительны, я былъ, когда давали «Ахиллеса».

«Опера-комикъ» театръ прекрасный, артисты также очень хороши, но изъ актрисъ ни одна не можетъ сравниться съ нашей Фелисъ. Рено поетъ хорошо и голосъ лучше, нежели у Фелисъ,

но нѣтъ той манеры, нѣтъ той пріятности,—Фелисъ единственна.

Въ театрѣ Водевиль даютъ обыкновенно маленькія пьесы, труппа актеровъ довольно хороша.

Въ театрѣ Варьете даютъ разныя фарсы, онъ заслуживаетъ, чтобъ видѣть его раза два, не болѣе, а иначе наскучитъ смотрѣть глупыя пьесы безъ плана и сюжета. Впрочемъ, онъ всегда полонъ.

Сиркъ-олимпикъ это также вещь достойная примѣчанія, тамъ скачки на лошадяхъ, вы увидите, до чего дерзость и искусство дойти можетъ,—человѣкъ дѣлаетъ на лошади такія штуки, какія не всякій можетъ сдѣлать, стоя твердо на землѣ, и, наконецъ, вы увидите робкую серну, которая терпѣніемъ доведена до того, что сдѣлалась ручной, не боится ни огня, ни пистолетнаго выстрѣла, ее запрягаютъ въ коляску и ѣздятъ по театру; наконецъ, она прыгаетъ среди людей и лошадей. Послѣ чего
115 бываетъ обыкновенно пантомимный театръ, что также заслуживаетъ вниманія.

21-го Апрѣля. Парижъ. Завтра оставлю я Парижъ, итакъ надобно сказать нѣсколько словъ о городѣ; не стану описывать всѣхъ великолѣпныхъ зданій городскихъ, какъ-то Луврскую колонаду, Пантеонъ, Hôtel des invalides, l'Eglise de Notre Dame, le corps legislatif и прочихъ, это отниметъ много времени, но скажу тебѣ кой-что о Палэ-Роялѣ, это зданіе есть единственное въ своемъ родѣ, не сыщете подобнаго нигдѣ. Тутъ вы найдете все; внизу всякаго рода лавки (хотя все продается дороже, нежели въ другихъ магазинахъ).

Зданіе составляетъ довольно обширный прямоугольный параллелограмъ, внутри посаженъ садъ, гдѣ прогуливаются, кругомъ галлереи и лавки, трактиры, кондитерскіе и кофейные дома. Зданіе въ четыре этажа, въ остальныхъ трехъ также залы, трактиры и кофейные дома, тутъ живутъ всякаго рода люди—мастеровые, живописцы и непотребныя дѣвки, послѣднихъ считаютъ въ одномъ Палэ-Роялѣ до восьми тысячъ. Здѣсь найдете вы все, что нужда, роскошь, капризъ и самый развратъ выдумать могли, нужно только имѣть золото, и вы найдете тутъ все, все, чего только пожелать можете.

Дворецъ Тюльерійскій не заслуживаетъ особеннаго вниманія, въ немъ нѣтъ ничего чрезвычайнаго, ни снаружи, ни внутри, но садъ прекрасенъ, большія аллеи, террасы и фонтаны прекрасны.

Картинная галлерея чрезвычайна, впрочемъ—какъ и не быть ей такой,—Бонапарте, ограбивъ всѣ столицы Европы, лучшія произведенія искусства собралъ сюда. Она составляетъ ту часть зданія, которая къ Сенѣ соединяетъ Тюльери съ Лувромъ. Но картины Рафаэля отличаются отъ прочихъ, какъ луна отъ звѣздъ, здѣсь его лучшая картина – «Преображеніе Господне»; чтобы описать вамъ эту галлерею, надобно два мѣсяца каждый день ходить туда и удивляться. Сверхъ того, надо быть живописцемъ.

Внизу зала скульптуры, тутъ вы найдете Аполлона Бельведерскаго, сіе чудо искусства, Венеру Медицейскую и Лаокоона съ дѣтьми, я не говорю уже о прочемъ. Каждая статуя есть рѣдкость въ своемъ родѣ. 116

Если хотите видѣть картины Рубенса, Вернета и Давида, сверхъ того прекраснѣйшій садъ и огромную залу, гдѣ бываетъ присутствіе Сената, то надобно побывать вамъ во дворцѣ Люксембургскомъ.

Ежели хотите вы видѣть великолѣпнѣйшій садъ и остатки слѣдовъ Революціи, то поѣзжайте въ Версаль, сіе мѣстопребываніе королей, тамъ въ комнатахъ не найдете вы ни одного стула, всѣ дѣянія Людовика XIV, писанныя лучшими живописцами на потолкѣ, въ лоскутьяхъ висятъ; тамъ покажутъ вамъ и комнату, гдѣ умеръ сей великій государь, но онъ былъ первый, который положилъ основаніе революціи. Нашъ Петергофскій садъ есть деревня передъ Версальскимъ; какая во всемъ огромность, какой великолѣпный фасадъ со стороны сада, какая оранжерея, словомъ все удивительно. Наполеонъ никогда не хотѣлъ возстановить Версаль, а время, которое проводилъ въ Версали, жилъ въ Тріанонѣ, это—довольно пространное строеніе съ собственнымъ своимъ садомъ, который также довольно хорошъ. Одинъ этажъ онъ раздѣлилъ галлереей на двѣ половины—одну занималъ онъ самъ, а другую императрица; все убрано съ большимъ вкусомъ, много прекрасныхъ картинъ, портреты Монтеноръ и Лавальеръ заслуживаютъ вниманія. Здѣсь, какъ разсказываютъ, случилось съ нимъ, что, когда онъ объявилъ сестру свою, жену Марата,

королевой неаполитанской, о Маратѣ не упомянулъ ни слова; сей пришелъ съ нимъ переговорить и по неосторожности Наполеона нашелъ его съ сестрой его въ неприличномъ положеніи. Бонапарте, чтобы усмирить его, объявилъ и его королемъ неаполитанскимъ. Всѣ разсказы о сей корсиканской фамиліи приводятъ въ ужасъ: Наполеонъ жилъ со всѣми своими сестрами, съ женами братьевъ своихъ, съ дочерью жены своей, и, наконецъ, ни одна изъ придворныхъ дамъ, хотя мало недурна собой, не ускользнула отъ него; сверхъ того онъ имѣлъ обѣихъ сестеръ актрисъ Жоржъ и многихъ другихъ городскихъ дамъ.—Каковъ молодецъ?

По дорогѣ отсюда къ Парижу совѣтую зайти вамъ въ St. Cloud, онъ заслуживаетъ вниманія, здѣсь половину года проводилъ Наполеонъ, садъ и каскады прекрасны, дворецъ также отдѣланъ съ большимъ вкусомъ.

Терраса въ St. Germain и огромный паркъ заслуживаютъ при-
117 мѣчанія, видъ съ террасы чрезвычайный, огромная равнина, покрытая рощами и городками, по которой извивается Сена.—Возвращаясь изъ St. Germain въ Парижъ, остановитесь и взгляните, до чего человѣческій умъ достигнуть можетъ, я говорю о машинѣ, помощью которой доставляется вода въ Версаль. Вообразите Вы, что силою водяной мельницы, составленной изъ нѣсколькихъ колесъ, подымается вода на пятьсотъ футовъ вышины, по горкѣ слишкомъ въ 2 версты длины, посредствомъ насосовъ и оттуда-то уже она течетъ по склоненію въ Версаль верстъ за 15 отсюда. Уже сто двадцать лѣтъ, какъ она построена. Бонапарте предпринималъ было сдѣлать паровую, но почему, не знаю—не успѣлъ, и труды и издержки пропали безъ всякой пользы.

Рука моя устала, прощайте! до завтра.

10-го Апрѣля. Сегодня ходилъ я осмотрѣть кабинетъ моделей артиллерійскихъ. Онъ бѣденъ въ сравненіи нашего петербургскаго, впрочемъ есть много достойнаго примѣчанія: рыцарское одѣяніе Франциска I-го и другія одежды разныхъ вѣковъ, сверхъ того модель адской машины, которая, какъ извѣстно вамъ, была выдумана къ погибели Наполеона, но тогда не присталъ его часъ. Богъ сохранилъ его для наказанія нашего,

судьбы его неисповѣдимы, ежели бы онъ погибъ тогда, то остался бы въ числѣ великихъ людей, но теперь, когда спала личина, всякій увидѣлъ, что Бонапартъ есть подлецъ, который, боясь умереть, переноситъ всякаго рода униженія, — вотъ доказательство, что злодѣянія и въ семъ мірѣ не остаются безъ наказанія. —

Машину эту составляетъ засмоленный боченокъ, къ коему придѣлано ружейное дуло. — Тамъ же видѣлъ я ножъ, которымъ Равальякъ закололъ добраго, великаго Генриха IV, я глядѣлъ на него съ негодованіемъ и ужасомъ, — до чего доводитъ фанатизмъ! — Онъ былъ найденъ въ кабинетѣ герцога Орлеанскаго, достойнаго почитателя равальяковъ, человѣка безъ чести и безъ правилъ, онъ много работалъ, чтобы взвести на эшафотъ короля, несчастнаго Людовика XVI и Марію Антуанетту; думалъ заступить его мѣсто и самъ погибъ на эшафотѣ.

11-го Апрѣля. Сегодня видѣлъ я французскій музеумъ, гдѣ собраны всѣ монументы національные разныхъ вѣковъ, тутъ показывали намъ образъ Божіей Матери, писанный на деревѣ будто бы въ Смоленскѣ и привезенный во Францію россійской принцессой Анной Ярославной.

Гробница кардинала Ришелье изваяна прекрасно, онъ представленъ умирающимъ и поддерживаемымъ женщиной, и многіе другіе достойны вниманія по своей древности: тамъ вы найдете гробницы Клодвига, Шильдерика и всѣхъ королей французскихъ. —

Въ саду поставлена гробница Абелярда и Элоизы. — Имена двухъ нѣжныхъ и благочестивыхъ любовниковъ, напоминающія прекрасныя ихъ письма и несчастіе. — Всѣ памятники раздѣлены по комнатамъ разныхъ вѣковъ.

21-го Апрѣля. Король по-утру въ три часа въѣхалъ въ городъ, прямо въ каѳедральную церковь Notre Dame, откуда по улицѣ St. Honoré въ Тюльерійскій дворецъ; впереди шла гвардія (императорская) королевская въ глубокомъ молчаніи, по обѣимъ сторонамъ улицы стояла національная гвардія въ одну шеренгу: vive le roi, vive les Bourbons, vive Louis XVIII раздавались въ воздухѣ и сопровождали короля: онъ человѣкъ лѣтъ за шестьдесятъ, физіономія его показываетъ человѣка

предобрѣйшаго, онъ и герцогиня Ангулемская были въ слезахъ: сколько горестныхъ воспоминаній для бѣдной королевской фамиліи; уже Людовикъ потерялъ всю надежду быть когда-либо на престолѣ предковъ своихъ, но премудрому промыслу угодно было воззвать его, и рукою благочестиваго Александра онъ возвращенъ Франціи; она пострадала довольно, и если какія нибудь буйныя головы не нарушатъ снова спокойствія ея, то подъ правленіемъ государя, испытавшаго бѣдствія, она будетъ цвѣтущею и сильнѣйшею изъ всѣхъ государствъ Европы, но сомнительно, чтобы французы пришли въ разсудокъ, — бѣдствія революціи не научили ихъ, Вольтеръ, Руссо, Дидеротъ развратили ихъ совершенно, они не имѣютъ религіи, слѣдовательно, и нравственности.

22-го Апрѣля 1814. Наконецъ, въ первомъ часу ночи сего дня я оставилъ Парижъ и — безъ сожалѣнія! не удивляйтесь этому: тотъ, кто два года оставилъ милое отечество, родныхъ
119 и друзей, тотъ, конечно, радъ летѣть къ нимъ; на первой станціи отъ Meaux я съѣхался съ австрійскимъ полковникомъ Шликомъ 15-го полку и ѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ, а Ванюшка мой съ его адъютантомъ; онъ вездѣ выдавалъ себя за генерала, и какъ здѣсь на почтахъ подорожныхъ никто не испрашиваетъ, то вездѣ и принимали его, чѣмъ выдавалъ онъ себя. Остановки въ лошадяхъ здѣсь случаются весьма, весьма рѣдко, болѣе часу васъ нигдѣ не заставятъ дожидать, хотя всѣ станціонные смотрители — женщины, но порядокъ во всемъ удивительный и везутъ васъ довольно скоро, нигдѣ не останавливаясь. Поздно въ вечеру пріѣхали мы въ Epernay, гдѣ остались ночевать, а адъютанта съ Ванюшкой отправили впередъ въ Jonalon, чтобы узнать, гдѣ ихъ полкъ; тутъ мы ужинали и роспили двѣ бутылки шампанскаго, вамъ извѣстно, что (Epernay) эпернейское вино есть лучшее, отсюда всякій день отправляются двѣ фуры съ шампанскимъ въ Парижъ, здѣсь его фабрика и обширнѣйшіе погреба наполнены виномъ; русскіе 30 тысячъ бутылокъ роспили, когда въ первый разъ взошли сюда, но до полутора милліона бутылокъ было спрятано въ подземельяхъ; здѣсь не дороже двухъ съ половиною франковъ бутылка. Мѣста по дорогѣ вездѣ ровныя, прекрасныя и довольно населены.

23-го Апрѣля. Отъѣхавъ одну станцію отъ Epernay, т. е. въ Jonalon, я разстался съ полковникомъ, онъ нашелъ тутъ

свой полкъ; мы обнялись съ нимъ, записали другъ другу имена свои и простились, вѣроятно, до свиданія въ поляхъ вѣчности, но кто знаетъ? — можетъ быть, гдѣ-нибудь еще и столкнемся; какъ часто, располагая увидѣться скоро, разстаемся навѣки, а иногда, не предполагая видѣться когда нибудь, встрѣчаемся скоро: L'homme propose et Dieu dispose.—Мѣста живописныя, погода стоитъ теплая, весенняя, деревья вездѣ распустились, трава по колѣно, а у насъ на сѣверѣ едва только оставляютъ шубы, только что сошли снѣга, но еще бушуютъ вѣтры.

Въ 11 часовъ вечера пріѣхалъ я въ Вердюнь (Вердэнъ), довольно большой городъ и крѣпость; взошедъ въ почтовый домъ, я спросилъ себѣ кофію, мнѣ подали прекраснаго, между тѣмъ хозяйка и ея прекрасная сестра разспрашивали меня о новостяхъ, о входѣ нашемъ въ Парижъ, о въѣздѣ короля, къ которому онѣ, кажется, весьма привязаны; голосъ прелестной былъ такъ нѣженъ, такъ пріятенъ, что я, какъ страстный обожатель 120
красавицъ, смотря на нее, таялъ и со вздохомъ разстался съ ними; денегъ за кофій ни за что не хотѣли принять, причина та, что я, ошибшись дверью, вмѣсто почтовой станціи попалъ къ довольно зажиточному гражданину.

24-го Апрѣля. Въ 8 часовъ въѣхалъ я въ Мецъ. на заставѣ спросили меня, долго-ли останусь въ городѣ? На отвѣтъ мой — только перемѣню лошадей, меня впустили безъ задержанія.

Городъ довольно великъ и хорошъ, хотя и старый, крѣпость довольно большая. Отъѣхавъ отъ городу одну станцію, захватила меня ужасная буря, которая продолжалась не болѣе часу, послѣ чего небо прочистилось и солнце опять стало печь. Я пишу сіе, сидя въ своей повозкѣ, какъ перемѣняютъ лошадей, въ маленькомъ городкѣ Сентъ-Авольдъ. Здѣсь уже говорятъ по нѣмецки.

Едва оставилъ я Сентъ-Авольдъ, какъ опять нашли облака и пошёлъ сильный дождь. Эта погода весьма непріятна для путешествующихъ. Въ Гоумбургъ пріѣхалъ я въ 9 часовъ вечера и въ то время, какъ откладывали лошадей, отъ усталости крѣпко уснулъ на своей повозкѣ, человѣкъ мой послѣдовалъ моему примѣру: проснувшись черезъ два часа и видя, что все тихо, никто не заботится объ лошадяхъ, я поднялъ шумъ,

насилу разбудилъ почтмейстера, выгребовалъ лошадей и пустился далѣе.

25-го Апрѣля. Спѣша доѣхать до Франкфурта, я не остановился въ Майнцѣ, гдѣ переѣхалъ Рейнъ, быстрой величественной Рейнъ. — Въ Базелѣ ты — рѣчка, а здѣсь какая разница! Величественная рѣка, возлѣ самаго города впадаетъ въ него тихой Майнъ, который въ сравненіи съ Рейномъ есть какъ хижина противъ великолѣпнаго дворца. — Вечеръ былъ тихій, солнце, выглядывая изъ-за облакъ, позлащало верхи высокихъ береговъ Рейна и смотрѣлось въ быстрыя воды его. Мѣста живописныя, никогда, никогда не забуду васъ. — Переѣхавъ Рейнъ, въѣзжаете вы въ Кааль, что есть предмѣстье Майнца на правомъ берегу Рейна. Каѳедральная церковь и многія большія каменныя строенія изъ краснаго камня придаютъ еще болѣе красоты городу, которой довольно великъ. Строенія всѣ каменныя, крѣпость считается изъ первѣйшихъ
121 въ Европѣ.

Съ милю отъѣхавъ отъ городу, поднялись мы на Гохгеймскую гору, славную виномъ своимъ, которое считается лучшимъ Рейнвейномъ. Въ прошломъ году австрійцы взяли ее штурмомъ, опрокинувъ непріятеля, и, взошедъ на гору, они остановились пораженные удивленіемъ, увидѣвъ Майнцъ и лѣвый берегъ Рейна, не предполагая никогда болѣе видѣть себя побѣдителями на берегу Рейна. Видъ съ горы удивительный: городъ весь какъ на блюдечкѣ; теперь гора раздѣлена, тутъ стоятъ австрійскія войска; въ деревнѣ въ трактирѣ я спросилъ вина и съ удовольствіемъ выпилъ двѣ рюмки.

Въ Франкфуртъ въѣхалъ я въ 11 часовъ ночи, въ Аглицкомъ трактирѣ дали мнѣ комнату въ третьемъ этажѣ; довольно чисто прибранную, я поужиналъ и, бросившись на постелю, заснулъ крѣпкимъ сномъ.

26-го Воскресенье. Пошедъ къ г. Рейхелю, нашему полковнику апшеронскаго полка, исправляющему здѣсь должность коменданта, я вручилъ ему письмо брата А.

Онъ принялъ меня очень ласково, и показался мнѣ старикомъ очень добрымъ; жена его женщина простая, русская барыня. Тутъ познакомился я съ С. П. Толбузинымъ и провелъ съ нимъ довольно весело время. Послѣ обѣда мы зашли къ здѣшнему плацъ-маіору Халтурину и нашли ихъ за бостономъ, потомъ

стали они играть въ банкъ и штосъ; я былъ остороженъ, боясь быть заведеннымъ и обыгранымъ, ибо на что люди не пускаются для пріобрѣтенія денегъ? Къ какимъ бездѣльничествамъ не прибѣгаютъ они? Въ 9 часовъ я воротился домой. 27-го. Покушавъ кой-что, пошелъ въ каѳедральную церковь, гдѣ вѣнчались Римскіе Императоры,—тамъ достоинъ замѣчанія алтарь, которому считаютъ четыре столѣтія: представляетъ погребеніе Матери Божіей, фигуры деревянныя, раскрашенныя, самой грубой работы.

Совѣтую взойти на колокольню, съ которой видъ прелестнѣйшій верстъ на двадцать во всѣ стороны, равнина сія, зеленая, бархатная, покрыта деревьями, между коими извивается тихой, милой Майнъ; вдали синѣются горы, составляющія берегъ Рейна; съ полчаса въ молчаніи любовался я симъ прекраснымъ ландшафтомъ *.

Конецъ

* Надѣюсь, что вдумчивому читателю эти непритязательныя «записки» русскаго, путешествовавшаго въ 1814 г. по Франціи съ письмомъ «брата А», существенно помогутъ разобраться въ сложномъ вопросѣ о «семьѣ вѣхъ» и тому подобныхъ, не менѣе глубокомысленныхъ, вопросахъ современности

Редакторъ

Юрій Анненковъ

стали они играть въ банкъ и штоссъ [illegible] [illegible] не пускаются для пріобрѣтенія денегъ? Къ какимъ [illegible]чествамъ не прибѣгаютъ они? Въ 9 часовъ я [illegible] 27-го. Покушавъ кой-что, пошелъ въ каѳедральную церковь, гдѣ вѣнчались Римскіе Императоры. [illegible] алтарь, которому считаютъ четыре столѣтія; представляетъ изображеніе Матери Божіей: фигуры [illegible]ныя, самой грубой работы.

Совѣтую взойти на колокольню, съ которой видъ простирающійся [illegible]ній верстъ на двадцать во всѣ стороны, равнина сія, зеленая, бархатная, покрыта деревьями, между коими извивается тихой, милой Майнъ; вдали синѣются горы, составляющія берегъ Рейна; съ полчаса въ молчаніи любовался я симъ прекраснымъ зрѣлищемъ.*

Конецъ.

* Надѣюсь, что вдумчивому читателю эти непретязательныя «записки» русскаго, путешествовавшаго въ 1814 г. по Франціи съ письмомъ «брата А», существенно помогутъ разобраться въ сложномъ вопросѣ о масонствѣ и тому подобныхъ, не менѣе глубокомысленныхъ, вопросахъ современности.

Редакторъ.

Юрій Анисковъ

Э. ГОЛЛЕРБАХЪ

ВЛАДИМІРЪ СОЛОВЬЕВЪ и РОЗАНОВЪ

В. В. Розановъ и Вл. С. Соловьевъ въ исторіи русской мысли являются на первый взглядъ антиподами: положенія, занимаемыя ими, совершенно различны и рѣзко разграничены. Въ то время, какъ жизнь и ученіе Вл. Соловьева служатъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ предметомъ благоговѣйнаго изученія, Розанова многіе знаютъ только по наслышкѣ. И это не потому, что первый умеръ 22 года тому назадъ, а Розановъ совсѣмъ недавно. Какъ никакъ, они были современниками, и въ тѣ самые 90-ые годы, когда окончательно опредѣлилось міровоззрѣніе Соловьева, Розановъ успѣлъ уже написать рядъ замѣчательныхъ и очень «выражающихъ» его работъ. Причина разницы въ признаніи и вліяніи обоихъ писателей коренится въ иномъ. Соловьевъ началъ свою дѣятельность на академическомъ поприщѣ и академическая философія санкціонировала его труды своимъ вниманіемъ и одобреніемъ. Розановъ всегда находился въ оппозиціи къ университетской наукѣ, сторонился нарочитой «прогрессивности» и дешеваго «либерализма», подъ эгидою которыхъ прошла вся русская интеллигенція конца прошлаго вѣка. Немыслимо представить себѣ Розанова на кафедрѣ въ качествѣ профессора философіи. Его ироническіе выпады по адресу русской профессуры общеизвѣстны. Этого не могли простить ему тѣ, отъ кого зависѣло «признать» или «не признать» Розанова. Неудивительно, что по дружному сужденію представителей университетской философіи — Розановъ не философъ, а дилетантъ философской мысли. Въ то время, какъ университетски-образованному человѣку совершенно «неприлично» не знать Соловьева, Розанова знать не обязательно.

Мы знаемъ, что міровоззрѣніе Соловьева, при всей недоговоренности отдѣльныхъ мыслей философа, представляетъ собою болѣе или менѣе законченную систему. Въ ней есть нѣчто опредѣленное, устойчивое, статическое. Розановъ, напротивъ, никакой системы не создалъ: онъ весь въ непостоянствѣ, въ догадкахъ, въ противорѣчіяхъ. И въ этомъ причина необычайной динамичности его мысли: съ нимъ хочется спорить даже тогда, когда соглашаешься съ нимъ. Онъ постоянно тревожитъ, дразнитъ, возбуждаетъ нашу мысль.

Для того, чтобы параллель между Розановымъ и Соловьевымъ не была схематическимъ сопоставленіемъ идей, чтобы уяснить себѣ principium movens ихъ полемики и увидѣть самые корни

ихъ разногласій, нужно предварительно обратиться къ исторіи ихъ личныхъ отношеній.

Розановъ познакомился съ Вл. С. Соловьевымъ въ обстановкѣ, мало отвѣчающей философскимъ исканіямъ, именно въ увеселительномъ саду «Аквaріумъ» на Каменноостровскомъ. Инищіатива знакомства исходила отъ Соловьева, привлеченнаго къ Розанову своеобразіемъ его писаній. Кажется, они не были очарованы другъ другомъ.

Много позже, въ 1905 г., вернувшись мысленно къ своему знакомству съ Соловьевымъ, Розановъ писалъ:

«Теперь, когда я вынулъ тоненькую пачку телеграммъ и писемъ Вл. С. С-ва и перечелъ ихъ — слезы наполнили мои глаза, и — безмѣрное сожалѣніе. Вѣрно мудры мы будемъ только послѣ смерти, а при жизни удѣлъ нашъ — сплошная глупость, ошибки, непониманіе, мелочность души или позорное легкомысліе. Чѣмъ я воспользовался отъ Соловьева, его знаній, души? Ничѣмъ. Просто — прошелъ мимо, совершенно тупо, какъ мимо верстового столба. Отчего я съ нимъ не заговорилъ «по душамъ», хотя такъ много думалъ о немъ до встрѣчи, послѣ встрѣчи и послѣ смерти. Думалъ о немъ, когда не видѣлъ; а когда видѣлъ, — совершенно ничего не думалъ, и просто ходилъ мимо, погруженный во всяческую житейскую дребедень. — Когда я перечелъ эти маленькія писульки, гдѣ отражается его добрая и милая душа, рѣшительная скорбь овладѣваетъ мною, и жажда точно вырыть его кости изъ могилы и сказать въ мертвое лицо: «все было не такъ, что я дѣлалъ и говорилъ въ отношеніи тебя».

Еще до свиданія съ Соловьевымъ, у Розанова завязалось заочное знакомство съ нимъ, начавшееся съ того, что въ 1890 (91?) г. Соловьевъ написалъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» рецензію на брошюру Розанова «Мѣсто христіанства въ исторіи» и послалъ ему свой отзывъ съ большимъ рукописнымъ добавленіемъ.

Рецензія эта не вошла въ собраніе сочиненій Соловьева, поэтому приводимъ ее здѣсь, какъ очень показательную оцѣнку историческихъ воззрѣній Розанова:

— «Мѣсто христіанства въ исторіи. В. Розановъ. Эта брошюра обращаетъ на себя вниманіе и отдѣльными прекрасными страницами, и общею мыслью автора, который очень

своевременно напоминаетъ намъ истину единства человѣческаго рода и общаго плана всемірной исторіи. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, печальный фактъ національной розни возводится въ принципъ нѣкоторыми модными теоріями, утверждающими, что человѣчество есть пустое слово, а существуютъ только отдѣльные племенные типы. Авторъ начинаетъ съ характеристики двухъ главныхъ историческихъ племенъ, арійскаго и семитическаго, чтобы показать потомъ, что вселенскій идеалъ человѣчества и окончательная задача всемірной исторіи предполагаетъ синтезъ арійскаго и семитическаго духовныхъ началъ, которыя въ этомъ своемъ единствѣ должны пріобщить къ себѣ и всѣ прочіе народы земли. Собственно, характеристика двухъ племенъ у автора, видящаго въ арійскомъ духѣ преобладаніе объективизма, а въ семитическомъ—субъективизма, слишкомъ обща и притомъ не разъ уже была высказана и въ иностранной, и даже въ русской литературѣ. Но въ дальнѣйшемъ развитіи своей мысли авторъ высказываетъ много 126
оригинальнаго и глубоко-вѣрнаго. А главнымъ образомъ онъ заслуживаетъ признательности за то, что вовремя напомнилъ намъ, что «въ Виѳлеемѣ и Іерусалимѣ рѣшались судьбы и Востока, и Запада», что тамъ заложена была новая исторія и новая цивилизація—«та, въ которой живемъ, думаемъ и стремимся мы» (стр. 22) и въ которой Откровеніе, воспринятое семитами, срослось съ высшимъ плодомъ арійскаго духовнаго развитія (стр. 35). Этотъ синтезъ совершился вопреки іудейскому исключительному національному погубилъ еврейство политически, но не помѣшалъ ему дать міру христіанство. По поводу молитвы Ездры авторъ указываетъ, что паденіе Іерусалима «было наказаніемъ не за частные грѣхи отдѣльныхъ людей, но за грѣхъ, общій всему Израилю, за грѣхъ его передъ другими народами, о которыхъ онъ забылъ, которыхъ онъ не хотѣлъ пріобщить къ своему избранію» (стр. 21). Эту старую истину хорошо было лишній разъ напомнить въ виду дикихъ теорій, прямо или косвенно отрицающихъ солидарность племенъ и культурно-историческихъ типовъ въ общей исторической работѣ».

Рецензія эта 15 лѣтъ спустя навела Розанова на размышленіе о роли Соловьева въ нашей богословской и религіозной литературѣ, и онъ вновь останавливается въ статьѣ «Изъ старыхъ

писемъ» на значеніи Соловьева въ этой области, воздавая ему должное съ полной объективностью и глубокимъ уваженіемъ.

Далѣе онъ пишетъ:

«Къ сожалѣнію, за неотвѣтомъ моимъ, по незнанію его адреса — знакомство наше не завязалось въ томъ же 1890-мъ году. Отъ скольких увлеченій, ошибокъ онъ могъ бы меня удержать; какъ могъ бы расширить мой политическій, да и религіозный горизонтъ. Онъ зналъ дѣйствительность, а я ея вовсе не зналъ, онъ былъ всегда много-любъ и много-думъ; и могъ расхолодить мои увлеченія просто своевременнымъ указаніемъ на такіе-то и такіе-то факты, на необходимость оглянуться на иныя стороны, чѣмъ какая, всегда въ единственномъ числѣ, стояла передо мною. Познакомился я съ нимъ лично только въ 1895 году — послѣ жестокой и грубой полемики, какую вели мы въ 1894 году. О полемикѣ мы никогда не вспоминали — просто какъ о томъ, что «прошло». Я думаю, ни онъ не настаивалъ-бы
127 на своихъ опредѣленіяхъ меня, ни я не думалъ ничего изъ того, что высказалъ о немъ. Все было — проще, яснѣе и лучше, чѣмъ я представлялъ въ немъ (въ личности его) со своей жестоко-національной и жестоко-ортодоксальной точки зрѣнія. Онъ былъ публицистъ, искренно и горячо любившій Россію (я воображалъ, что онъ — врагъ ея); притомъ работавшій для нея съ такимъ широкимъ охватомъ мысли, къ какому, уже по уровню начитанности и научнаго образованія, на которомъ я сталъ, — я ни тогда, ни потомъ не былъ способенъ; хотя не отрицаю, что отъ узости моихъ горизонтовъ происходили нѣкоторые и л ю с ы во мнѣ, напр., въ силѣ убѣжденія, въ преданности даже ложнымъ идеаламъ, которые онъ, вѣроятно, при знакомствѣ оцѣнилъ и полюбилъ. По крайней мѣрѣ, я все время чувствовалъ, — и, думаю, не обманываюсь, — постоянную его ласку къ себѣ».

Изъ воспоминаній Розанова о Соловьевѣ приведу слѣдующій разсказъ:

Обычно я его посѣщалъ по пути въ контроль (на службу), въ «Hôtel d'Angleterre» (Исаакіевская площадь); мѣшалъ, конечно (и тогда же это чувствовалъ), — но ни одного вечера и вообще рабочаго времени у него не разстроилъ. Ходилъ онъ дома въ парусинной блузѣ, подпоясанной кожанымъ ремнемъ, и въ этомъ костюмѣ имѣлъ въ себѣ что-то заношенное и старое, не имѣлъ вообще того изумительно-эстетическаго выраженія,

какое у него бывало всегда, едва онъ надѣвалъ сюртукъ. — «Извините, я долженъ выдти...» сказалъ онъ разъ, и, взявъ огромный листъ газеты, аккуратно началъ отрывать въ немъ полосу. Я смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ. «Это — покойники, объявленія о покойникахъ. И когда мнѣ газетная бумага нужна для чего-нибудь пустого, унизительнаго, то какъ же... покойники? Вѣчная память! И мнѣ страшно и больно было бы своими руками уничтожить и особенно огрязнить мѣсто, гдѣ въ послѣдній разъ написаны ихъ имена, и ихъ со скорбью читаютъ родные». Не буквально, но эта прекрасная мысль, въ этой мотивировкѣ и именно съ религіознымъ страхомъ, была высказана имъ. Неправда-ли, замѣчательно? Вѣдь это подумалось раньше, чѣмъ сдѣлалось, вошло въ обыкновеніе! Намъ этого не пришло на умъ: значитъ, объ умершихъ онъ думалъ благочестивѣе, чѣмъ кто-либо изъ живыхъ, изъ «нашихъ знакомыхъ». Около окна его, замороженнаго или холоднаго, бились голуби. Взявъ кусокъ булки со стола (на столѣ у него вѣчно была какая-нибудь сухая ѣда, икра или въ этомъ родѣ), онъ открылъ форточку и раскрошилъ голубямъ хлѣбъ. Они знали 128
это окно и прилетали на готовый или запасенный кормъ. Помню, съ какимъ недовѣріемъ посмотрѣлъ я на эту привычку (было 1-ое мое къ нему посѣщеніе). «Вотъ изображаетъ пророка у Лермонтова, или библейскаго — который тоже кормилъ птицъ или птицы его кормили; зачѣмъ этотъ театръ?»... Мнѣ не пришло тогда на умъ, что вѣдь не для меня же и моего посѣщенія прилетѣли голуби, что это очевидно бывало, всегда бывало — и, слѣдовательно, тутъ не театръ, а трогательнѣйшая привычка, граціозная дружба философа и пророка безъ прикрасъ съ зябнущими городскими птицами. Но я былъ подозрителенъ въ то время и замаралъ его своей мыслью. Еще разъ я его засталъ только что вернувшагося изъ поѣздки (на Иматру или въ Москву). На столѣ лежала коробка финиковъ. Онъ далъ звонокъ, и, передавая коробку мальчику, далъ ему адресъ, по которому онъ долженъ былъ снести ее. — «Кто это?» спросилъ я машинально. — «Старушка одна. Одинокая и бѣдная. Я давно ее знаю (чуть ли не съ дома отца) и вотъ уже сколько лѣтъ, когда пріѣзжаю въ Петербургъ, всякій разъ посылаю ей финиковъ. Мнѣ это ничего не стоитъ, а ей отрадна мысль, что она не забыта».

Несмотря на всю эту запоздалую нѣжность, сквозящую въ воспоминаніяхъ Розанова о Соловьевѣ, нельзя не считаться съ тѣмъ, что, по его собственному признанію, онъ прошелъ мимо Соловьева, какъ мимо верстового столба. Въ этомъ было, очевидно, нѣчто органическое, непреодолимое, иначе говоря — вполнѣ «естественное». Такъ люди, пламенѣющіе своими думами, погруженные въ свои темы, бываютъ нѣмы и глухи ко всему, лежащему хотя бы и рядомъ, но внѣ этихъ думъ и темъ.

Розановъ былъ Соловьеву интересенъ. Соловьевъ Розанову — едва-ли. Въ «Уединенномъ» читаемъ: «Въ Соловьевѣ то только интересное, что «бѣсенокъ сидѣлъ у него на плечѣ» (въ Балтійскомъ морѣ). Объ этомъ стоило поговорить. Загадочна и глубока его тоска; то, о чемъ онъ молчалъ. А слова, написанное — все самая обыкновенная журналистика («бранделясы»). Онъ несъ передъ собою свою гордость. И она
129 была — ничто. Лучшее въ себѣ — грусть, — онъ о ней промолчалъ».

Розановъ говорилъ, что «послѣдняя собака, раздавленная трамваемъ», вызывала въ немъ большее движеніе души, чѣмъ философія и публицистика Вл. Соловьева (а также Л. Толстого и Рачинскаго). Ему не нравилась ни жизнь Соловьева, ни душа его. Соловьевъ казался ему «аристократомъ», къ тому же чрезмѣрно избалованнымъ славою. Это не значитъ, что онъ его не цѣнилъ, напротивъ, онъ относился къ трудамъ Соловьева съ уваженіемъ, даже «любовался» его дѣятельностью, безъ всякой зависти къ заслуженному успѣху Соловьева. Но не было у него теплаго чувства къ нему, не было совсѣмъ любви. Его возмущало, что Соловьевъ, такъ много писавшій и говорившій о христіанствѣ и о церкви, ничего не сказалъ о бракѣ, о семьѣ. Правда, Соловьевъ написалъ «Смыслъ любви», но это, по мнѣнію Розанова, «естественная философская тема»; бѣда же заключается въ томъ, что «онъ ни одной строчки въ десяти томахъ «Сочин.» не посвятилъ разводу, дѣвственности вступающихъ въ бракъ, измѣнѣ и вообще терніямъ и мукѣ семьи».

На Розанова произвела отталкивающее впечатлѣніе полемика Вл. Соловьева съ Н. Н. Страховымъ. Страховъ спорилъ, строилъ аргументы, Соловьевъ же дѣйствовалъ преимущественно про-

ніей, остроуміемъ и намеками на «ретроградность» и «прислужничество правительству». Въ примѣчаніи къ VII-му письму Н. Страхова («Литер. изгнан.») Розановъ говоритъ: «Во всей этой полемикѣ, сластшей наболѣе лучшій вѣнокъ, т. е. наболѣе либеральный вѣнокъ Соловьеву, онъ былъ отвратителенъ нравственно». Юный другъ Розанова, Ф. Э. Шперкъ замѣтилъ, послѣ нѣсколькихъ посѣщеній Соловьева, что это «въ высшей степени эстетическая натура, но совершенно не этическая». «Эстетическая натура» казалось В. В. очень вѣрнымъ опредѣленіемъ. «Тихаго и милаго добра, нашего русскаго добра, — добра нашихъ домовъ и семей, нося которое въ душѣ мы и получаемъ способность различать нюхомъ добро въ мірѣ, добро въ Космосѣ, добро въ Европѣ, — не было у Соловьева» («Литературные изгнанники»). Розанову не нравился даже смѣхъ Влад. Серг-ча, тотъ смѣхъ, который многіе находили дѣтски-чистымъ и заразительнымъ. Ему мерещилось въ немъ что-то страшное, демоническое. В. В. былъ увѣренъ, что Соловьевъ считалъ себя выше всѣхъ окружающихъ людей, даже выше Россіи, выше Церкви, что онъ чувствовалъ себя «Моисеемъ», которому не о чемъ было говорить съ людьми, потому что онъ говорилъ съ самимъ Богомъ. Ему казалось, что въ Соловьевѣ отсутствовало чувство уравненія себя съ другими, чувство счастья въ уравненіи, радости о другомъ, о достоинствѣ другого. 130

Товарищескаго и дружескаго отношенія къ людямъ Соловьевъ не зналъ, — «а со всѣми на ты», замѣчаетъ Розановъ. Но эта черта была свойственна и самому Розанову. — «Онъ со всякой шушерой готовъ былъ пить брудершафтъ» — вспоминалъ о В. В. одинъ изъ собратьевъ по перу, и нерѣдко случалось, что какой-нибудь захудалый репортеришка снисходительно трепалъ его по плечу, называя «Васей» и «ты».

Однако, Розановская ласковость съ людьми носила совсѣмъ иной характеръ: онъ любилъ приглядываться къ людямъ и радовался, находя въ нихъ достоинства. Его оцѣнки не всегда осторожны, но въ нихъ неизмѣнно чувствуется очень активное наблюденіе. Къ болямъ и нуждамъ души человѣческой онъ относился съ живымъ сочувствіемъ, полнымъ искренней сердечности и «нутряного» тепла. Именно этого недоставало, по мнѣнію В. В., Соловьеву: «онъ ничего не понималъ въ окру-

жающихъ, кромѣ рабства, и всѣхъ жестко или ласково, но большею частью ласково (т. е. наиболѣе могущественно и удачно) — гнулъ къ непремѣнному «побудь слугою около меня», «поноси за мною платокъ» (платокъ пророка), «подержи надо мной зонтикъ» (какъ онахало надъ фараономъ-царемъ). Въ немъ было что-то урожденное и вдохновенное и геніальное отъ грядущаго «царя демократіи», причемъ онъ со всякимъ «Ванькой» будетъ на «ты», но только не онъ надъ «Ванькою», а Ванька надъ нимъ пусть подержитъ зонтикъ».

Любопытнѣе всего въ сужденіяхъ Розанова о Соловьевѣ замѣчаніе, что въ Соловьевѣ было нѣчто отъ Антихриста. «Антихристъ» это именно то прозвище, которое дали Розанову клерикальные круги и нѣкоторые критики (напр., Волжскій). Въ томъ же примѣчаніи къ письму Страхова В. В. говоритъ о Соловьевѣ слѣдующее: «Пошлое, побѣжавшее по улицамъ прозвище его «Антихристомъ», «красивымъ-брюнетомъ-Антихристомъ», не такъ пошло, и собственно сказалось въ «улицѣ» подъ неодолимымъ впечатлѣніемъ отъ личности и отъ «всего въ совокупности». Мнѣ брезжится, что тутъ есть настоящая ноуменальная истина, настоящая оглядка существа дѣла: въ Соловьева попалъ (при рожденіи, въ зачатіи) какой-то осколочекъ настоящаго «Противника Христа», не «пострадавшаго за человѣка», не «принедшаго грѣшные спасти», а вотъ готоваго бы все человѣчество принести въ жертву себѣ, всѣми народами, всѣми церквами «поиграть какъ шапечками» для великолѣпнаго фейерверка, въ бенгальскихъ огняхъ котораго высвѣтилось бы «одно мое лицо», «единственно мое» и до скончанія вѣковъ только «мое, мое»!!

Нашумѣвшая лекція Соловьева объ Антихристѣ показалась Розанову просто скучной. Онъ реагировалъ на рѣчь прославленнаго оратора весьма своеобразно: задремалъ и упалъ со стула. Въ книгѣ «Семейный вопросъ въ Россіи» (т. 2) онъ говоритъ: «Соловьевъ только казался мудрымъ человѣкомъ, а на самомъ дѣлѣ не обладалъ и остроуміемъ. Онъ началъ рисовать Антихриста съ какимъ-то электричествомъ и газетами. Между тѣмъ, уже теперь можно предвидѣть первый вопросъ «такъ-называемаго» Антихриста. Замѣтьте, я говорю «такъ-называемаго» и тутъ главная моя мысль. Рекомый Антихристъ, котораго будутъ порицать, порнографить, спроситъ непремѣнно

*

добродѣтельныхъ христіанъ, какъ поступали они съ дѣтьми своими. Часть, какъ всѣмъ извѣстно, попадаетъ въ колодцы, прорубн, помойныя ямы, отхожія мѣста. Не только въ сей вѣкъ, но всегда у христіанъ было явленіе, именуемое «незаконнорожденнымъ младенцемъ» и это — при обстоятельствахъ, что «бракъ есть таинство о младенцѣ».

Отсюда вытекаетъ, что «такъ-называемый» Антихристъ и есть Розановъ... считавшій настоящимъ Антихристомъ Соловьева.

Отличаясь отъ Розанова своимъ подходомъ къ темамъ религіозной философіи, Соловьевъ не могъ все-таки не чувствовать въ немъ «своего» человѣка по родству устремленій.

Прежде личнаго знакомства между ними завязалась корреспонденція. Первое письмо Соловьева къ Розанову относится къ 1892 году, остальныя къ 1895 г. Въ одномъ изъ писемъ 1895 г. Влад. Серг. писалъ по поводу статьи Шперка, носившей характеръ развязнаго выпада противъ Соловьева: «Дорогой Василій Васильевичъ! Въ силу евангельской заповѣди (Матѳ. V, 44) чувствую потребность поблагодарить Васъ за Ваше участіе въ нагломъ и довольно коварномъ нападеніи на мою 132
книгу въ сегодняшнемъ «Новомъ Времени» (приложеніе)». Далѣе сообщается, что это «участіе» не вызвало въ Соловьевѣ враждебныхъ чувствъ къ В. В. Въ слѣдующемъ письмѣ Соловьевъ поясняетъ, что слово «участіе» нужно понимать въ смыслѣ содѣйствія, а не «прямого уговора», и приноситъ извиненіе за неясность предыдущаго письма.

Замѣчательны слѣдующія строки въ седьмомъ письмѣ Соловьева: «Не только я вѣрю, что мы братья по духу, но и нахожу оправданіе этой вѣры въ словахъ Вашей надписи относительно signum Царства Божія. Кто одинаково знаетъ по опыту и одинаково понимаетъ и оцѣниваетъ эти знаки, залоги или предвареніе Царства Божія, тѣ, конечно, братья по духу и ничто не возможетъ раздѣлить ихъ».

Работая въ концѣ 1895 г. (въ бытность въ Царскомъ Селѣ) надъ статьей о Конст. Леонтьевѣ для «Энц. Словаря», Соловьевъ обратился къ Розанову за помощью и указаніями. В. В. немедленно прислалъ ему въ Царское Село необходимый матеріалъ о Леонтьевѣ. Сохранилось письмо Соловьева къ К. Н. Леонтьеву, не датированное, но видимо написанное ранѣе зна-

комства Вл. Серг. съ Розановымъ; въ немъ говорится: «очень радъ, дорогой Константинъ Николаевичъ, что Розановъ пишетъ про Васъ: насколько могу судить по одной прочтенной брошюрѣ, онъ человѣкъ способный и мыслящій».

Въ 1889 г. въ «Вопросахъ философіи и психологіи» появилась статья Вл. Соловьева «Красота въ природѣ». Она вызвала пространное разсужденіе Розанова на ту же тему («Красота въ природѣ и ея смыслъ»). Сопоставленіе этихъ статей раскрываетъ существенныя разногласія въ эстетической идеологіи ихъ авторовъ. Соловьевъ полагалъ, что эстетически прекрасное должно вести къ реальному улучшенію дѣйствительности. Пытаясь понять сущность красоты изъ ея дѣйствительныхъ (наличныхъ) проявленій, онъ искалъ въ эстетикѣ природы необходимыхъ основаній для философіи искусства. Для него нѣтъ сомнѣнія, что красота въ природѣ есть воплощеніе идеи; идею же (или «достойный видъ бытія») онъ опредѣляетъ, какъ «полную свободу составныхъ частей въ совершенномъ единствѣ цѣлаго». Наибольшая самостоятельность частей при наибольшемъ единствѣ цѣлаго представляется Соловьеву критеріемъ достойнаго или идеальнаго бытія. Основываясь на фактахъ, собранныхъ Дарвиномъ, Соловьевъ приходитъ къ выводу, что красота не есть только феноменъ субъективнаго человѣческаго сознанія, но что тѣ самыя сочетанія формъ, цвѣтовъ и звуковъ, которыя нравятся въ природѣ человѣку, нравятся также и самимъ существамъ природы — животнымъ всевозможныхъ типовъ и классовъ. Если же красота въ природѣ объективна, то она должна имѣть онтологическое основаніе, т. е. быть чувственнымъ воплощеніемъ одной абсолютно объективной всеединой идеи. Красота въ искусствѣ относится къ природной красотѣ такъ, какъ человѣческое самосознаніе относится къ самочувствію животныхъ.

133

Ни въ статьѣ о красотѣ, ни въ другихъ своихъ работахъ Соловьевъ не далъ систематическаго изложенія эстетики, но въ нихъ есть достаточный матеріалъ для сужденія о его общихъ взглядахъ на художественное творчество.

Добро, истина и красота для него тожественны. Для Розанова такая «тріада» была непріемлема. Въ «Опавш. листьяхъ» (т. 2) онъ отмѣчаетъ, что «порокъ живописенъ, а добродѣтель тускла», что «человѣкъ искренен въ порокѣ и неискренен въ добро-

дѣтели». Можетъ быть, гдѣ-то тамъ добро, истина и красота — синонимы. Но здѣсь, на землѣ — едва ли...
Соловьевъ возлагалъ на красоту главную роль въ соединеніи съ Богомъ-Любовью, въ спасеніи міра. Сдѣлать міръ вѣчнымъ и безсмертнымъ, исторгнуть изъ него случайность и смерть можетъ только красота, ибо только она можетъ одухотворить матеріальный міръ, безъ чего не можетъ осуществиться и нравственный порядокъ. На искусство Соловьевъ смотрѣлъ, какъ на теургію, какъ на осуществленіе божественной идеи. Хаосъ онъ считалъ необходимымъ фономъ всякой красоты, а веществу приписывалъ косность и непроницаемость, въ отличіе отъ идеи, представляющей собою положительную всепроницаемость и всеединство.
Опредѣленіе красоты, какъ божественной идеи (внѣ сравненія ея съ истиной и добромъ), совпадаетъ со взглядомъ Розанова на художество въ природѣ. «Взгляните на растеніе», говоритъ онъ («Опавшіе листья»), — «ну тамъ «клѣточка въ клѣточкѣ», «протоплазма» и все такое. Понятно, раціонально и физіологично. «Вполнѣ научно». Но въ растеніи, «какъ растетъ оно», есть еще художество. Въ грибѣ одно, въ березѣ другое: но и въ грибѣ художество, и въ березѣ художество. Развѣ ель на косогорѣ не художественное произведеніе? Развѣ она не картина раньше, чѣмъ ее можно было взять на картину? Откуда вотъ это-то?! Боже, откуда? Боже, — отъ Тебя». 134
Однако, критикуя въ статьѣ «Красота природы и ея смыслъ» ученіе Соловьева о природѣ красоты, Розановъ рѣзко отвергаетъ принятую Соловьевымъ дарвиническую мотивировку. Вопросъ о томъ, какъ произошли прекрасныя формы въ царствѣ животныхъ и растеній, какимъ образомъ они ощущаются первыми и что именно это ощущеніе вызываетъ собою, нельзя, по мнѣнію Розанова, рѣшать въ свѣтѣ дарвинизма. Онъ считаетъ грубой ошибкой утвержденіе, что красота можетъ возникать по мѣрѣ надобности для тѣхъ существъ, которыя являются ея носителями. Красота вовсе не создается преднамѣренными усиліями живыхъ существъ. Она есть особое проявленіе органической энергіи, проявленіе, въ которомъ нѣтъ ни произвольности, ни преднамѣренности или искусственности. Розановъ доказываетъ, что красота проявляется въ усиленномъ проявленіи органической жизни, по мѣрѣ возрожденія сложности орга-

низаціи, къ моменту спариванія, и у пола, дѣятельно спаривающагося. Половое тяготѣніе, свойственное органическому міру, не подчиненное законамъ времени и пространства, и совпадаетъ со всѣми фактами частныхъ проявленій красоты, тогда какъ Дарвиново объясненіе во всѣхъ же частностяхъ съ этими фактами расходится. «Прекрасное въ живой природѣ», говоритъ Розановъ,—«есть отблескъ радости объ этой носимой въ ней жизни, какъ отвратительное въ ней есть содроганіе отъ приближающейся смерти. Самую же жизнь мы разсматриваемъ какъ достиганіе органическими формами, этой одушевленною матеріей, вѣчнаго источника своего, который, оставаясь въ безконечной дали, нѣкогда затеплилъ искру этого особеннаго существованія на холодной землѣ». Поэтому не слѣдуетъ искать начала органической жизни: оно не въ прошедшемъ, а въ будущем. Розановъ вѣритъ, что оно наступитъ, и его нужно ожидать, а тамъ, гдѣ его ищутъ обыкно-
135 венно, лежитъ только его конецъ.

Отходя нѣсколько въ сторону отъ основной темы своей статьи, Розановъ касается проблемы геніальности. Геній для него — существо, заканчивающее исторію, олицетворяющее собою предѣльность. «Ощущеніе странной тоски есть кажется главное и самое общее, что мы испытываемъ, созерцая его». Геній одинокъ, и нѣтъ ничего, что могло бы разрушить преграду, которая отдѣляетъ его отъ людей. «Нѣтъ никакой въ немъ недовѣрчивости, и, видя души людей, какъ прозрачныя, онъ хочетъ ввести ихъ въ свою душу, но здѣсь впервые чувствуетъ, что какое-то взаимное несоотвѣтствіе психическаго строя препятствуетъ этому». Пророчески звучатъ дальнѣйшія слова: «но мѣрѣ того, какъ проходитъ время, эта жажда человѣческой близости становится неутолимѣе, желаніе примкнуть къ чужой жизни — страстнѣе; онъ срываетъ съ себя все, что людямъ могло бы показаться въ немъ страннымъ или враждебнымъ, глубоко хоронитъ всякое отличіе въ себѣ и хочетъ войти къ нимъ какъ равный или даже какъ низшій. Напрасныя усилія: своимъ проницающимъ взглядомъ онъ ясно видитъ, что даже жалкаго и смѣшного (какимъ они всегда любятъ ближняго, за что прощаютъ ему все глупое и даже злое) его они не любятъ; и смѣхъ, который онъ внушаетъ имъ собою, не есть смѣхъ примиряющій и сближаю-

щій, но враждебный и отталкивающій». Здѣсь передъ нами Розановъ, за много лѣтъ до появленія «Уединеннаго» и «Опавшихъ листьевъ» предвидящій свою позднѣйшую жажду обнаженія и униженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Розановъ здѣсь не утверждаетъ еще, какъ позже, «геніальности» половой жизни. Напротивъ, онъ отмѣчаетъ, что «всякій разъ, когда творчество было безусловно геніально, — безусловно пресѣкался въ творящемъ родъ его». На примѣрахъ Фидія, Рафаэля, Бетховена, Платона, Аристотеля, Декарта, Бэкона, Спинозы, Лейбница, Канта, Коперника, Кеплера, Ньютона и др. мы убѣждаемся въ безсиліи генія создать потомство. Розановъ отмѣчаетъ, что въ чертахъ генія, красотой созданій котораго мы любуемся, мы часто видимъ померкнувшей обыкновенную физическую красоту, а иногда встрѣчаемся съ чѣмъ-то отвратительнымъ, отталкивающимъ, напр., въ лицѣ Декарта и Канта. «Тусклый, чаще всего неподвижный взглядъ, непріятное сложеніе рта, наконецъ, какъ замѣчаютъ многіе, нарушеніе самой симметріи въ строеніи лица — все это вскрываетъ передъ нами самую глубь генія, въ которомъ органическій строй человѣческаго тѣла уже пошатнулся, ослабѣлъ центръ его и не сдерживаетъ болѣе въ гармоніи соотвѣтствующихъ другъ другу частей... Все полное смерти и разрушенія». 136

Извѣстно, что впослѣдствіи Розановъ провозгласилъ, что полъ есть источникъ всякой геніальности, что изъ половой жизни лучатся всѣ прозрѣнія философскія, всѣ открытія, всѣ таланты. Розановъ не далъ формулы, примиряющей эти противорѣчивые взгляды на природу геніальности, но она напрашивается сама собой: геній есть эквивалентъ сексуальности, — геній и полъ питаются одной и той же энергіей; libido sexualis генія можетъ быть очень сильно, но не даетъ видимыхъ (тѣлесныхъ) плодовъ, сосредоточиваясь на духовной производительности.

Это совпадаетъ съ тѣмъ пониманіемъ геніальности, которое выразилъ Соловьевъ въ «Оправданіи добра». Геніальные люди, по Соловьеву, суть тѣ, у которыхъ живая творческая сила не тратится вполнѣ на внѣшнее дѣло плотскаго размноженія, но идетъ еще и на внутреннее дѣло духовнаго творчества. Геніальный человѣкъ увеличиваетъ себя самого и сохраняется въ общемъ потомствѣ. Истинный genius остерегаетъ всѣхъ и каждаго «отъ процесса дурной безконечности, черезъ

который земная природа вѣчно, но напрасно, строить жизнь на мертвых костях».

Итак, если Розанов и правъ, что физическая природа генія насыщена «смертью и разрушеніемъ», то это распаденіе тѣлеснаго имѣетъ глубокій смыслъ: оно высвобождаетъ духъ изъ оковъ матеріи. Въ этомъ есть высшая цѣлесообразность. Недаромъ указываетъ Розановъ, что причинность только участвуетъ въ устройствѣ мірозданія, устрояетъ же его—цѣлесообразность. Этимъ ограничивается сходство во взглядахъ Розанова и Соловьева. По мѣрѣ того, какъ Розановъ все шире и глубже развивалъ свою религіозно-нравственную идеологію, отчетливѣе обнаруживалась разница между его взглядами и ученіемъ Соловьева. Въ № 1 «Русскаго Вѣстника» за 1894 г. Розановъ напечаталъ статью «Свобода и вѣра», вызвавшую со стороны Соловьева рѣзкую отповѣдь подъ названіемъ: «Порфирій Головлевъ о свободѣ и вѣрѣ». Эпиграфомъ къ своей статьѣ Соловьевъ
137 взялъ слова М. Салтыкова:

«Ишь вѣдь какъ пишетъ! ишь какъ языкомъ-то вертитъ!.. Ни одного-то вѣдь слова вѣрнаго нѣтъ! все-то онъ лжетъ! И «милый дружокъ маленькій», и про тягости-то мои, и про кресть-то мой... ничего онъ этого не чувствуетъ!..».

И — сентенцію Гоголя: «Со словомъ нужно обращаться честно». Соловьевъ обрушивается на Розанова, выступившаго противъ вѣротерпимости, называетъ его статью «слѣпо-безстыднымъ пустословіемъ», а самого автора «Порфиріемъ Головлевымъ, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ Іудушки». Розановъ защищалъ въ своей работѣ субъективный смыслъ свободы и отрицалъ универсальную значимость ея; считая, что только вѣра имѣетъ право на свободу, онъ пришелъ къ заключенію, что «только не вѣруя ни во что, можно требовать для всего свободы». Даже та доля свободы, которая допущена церковью, безмѣрно превышаетъ, по мнѣнію Розанова, свободу, допустимую по существу церковной вѣры.

За это Соловьевъ не постѣснялся назвать его «еще болѣе лживымъ, чѣмъ скотоподобнымъ». Всякій человѣкъ долженъ защищать истину, въ которую вѣритъ. «Вопросъ былъ и есть только въ томъ», — говоритъ Соловьевъ, — «какими средствами должно защищать истину вѣры, — духовнымъ ли оружіемъ или насиліемъ».

Розановъ отвѣтилъ, что въ статьѣ своей «непреднамѣренно произнесъ слово, которое всего нужнѣе было произнести»: «да, нетерпимость; да, непониманіе законовъ умирающаго, да, отвращеніе къ нему до неспособности переносить его видъ». Русскій народъ суровъ, строгъ и нетерпимъ, и это въ немъ главное. Въ статьѣ «Конецъ спора» Соловьевъ вновь высмѣялъ Розанова (и заодно Л. Тихомірова), пересказавъ «послѣднее слово» Розанова въ предположеніи, что оно доставитъ читателямъ «нѣсколько минутъ невиннаго удовольствія».

Еще болѣе рѣзкой разницей отмѣчены взгляды обоихъ мыслителей на полъ и половую жизнь. Соловьевъ видѣлъ существенное и нравственное зло въ самомъ плотскомъ актѣ, «черезъ который мы утверждаемъ собственнымъ согласіемъ темный путь природы, постыдный для насъ своею слѣпотою, безжалостный къ отходящему поколѣнію и нечестивый, потому что это поколѣніе — наши отцы» («Оправд. добра»). Соловьевъ усматриваетъ въ половой жизни какое-то великое 138
противорѣчіе, роковую антиномію, которую мы должны во всякомъ случаѣ признать, даже если бы не имѣли надежды разрѣшить ее. Дѣторожденіе добро, а совокупленіе зло, — вотъ та антиномія, противъ которой негодующе возстаетъ Розановъ. Для него coitus — священенъ. «Какъ бы Богъ хотѣлъ сотворить актъ: но не исполнилъ движеніе свое и далъ его начало въ мужчинѣ и начало въ женщинѣ. И уже они оканчиваютъ это первоначальное движеніе. Отсюда его сладость и неодолимость». («Оп. л.» т. 1). И Розановъ утверждаетъ, въ качествѣ канона, положеніе, что «всякій оплодотворяющій дѣвушку, дѣлаетъ то, что нужно» («Оп. л.» т. 2). Разногласіе во взглядахъ на половую жизнь не вызвало, однако, спеціальной полемики между Соловьевымъ и Розановымъ. Зато жаркій споръ загорѣлся между ними по поводу Пушкина.

Въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1897 г. Соловьевъ помѣстилъ статью «Судьба Пушкина», въ которой высказалъ мысль, что поэтъ «законно заслужилъ свою смерть»:

Жизнь его не врагъ отнялъ,
Онъ своею смертью палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.

Пушкинъ, по мнѣнію Соловьева, окончилъ свое земное поприще сообразно своей собственной волѣ, палъ своимъ отказомъ

отъ той нравственной силы, которая была ему доступна. Пушкинъ «злоупотреблялъ своимъ талантомъ и унижалъ свой геній» для «дурного дѣла обиды». Если бы дуэль была «успѣшная» для Пушкина, онъ не могъ бы продолжать свое художественное творчество, требующее нравственной чистоты. Поэтому судьбу Пушкина Соловьевъ считаетъ «доброю» и «разумною».

Розановъ возразилъ на это въ статьѣ «Христіанство пассивно или активно?» Ему кажется, что Соловьевъ невѣрно понялъ христіанство, осудивъ поэта за скрытность. «Человѣка гонятъ, травятъ въ обществѣ, и, когда, загнанный домой, онъ оборачивается у порога — онъ видитъ, что преслѣдователи не щадятъ и его крова и слѣдуютъ за нимъ по пятамъ — «Attendez, je me sens, assez de force pour tirer mon coup!» — тутъ весь Пушкинъ въ простотѣ и правдѣ своего гнѣва».

Розановъ находитъ, что Соловьевъ, собирая документы лжи-
139 вости Пушкина (два отзыва объ А. П. Керн—«геній чистой красоты» и «наша вавилонская блудница», а также нарушенное обѣщаніе Николаю I-му — извѣстить его о дуэли), ошибается въ психологическомъ ихъ анализѣ. Розановъ недоумѣваетъ, какъ не сумѣлъ Соловьевъ «войти въ міръ той взволнованности, того смятенія чувствъ, которое пережилъ поэтъ, того необыкновенно сложнаго круга воспоминаній, взгляда на себя и свою историческую миссію»:

> Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
> Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
> Въ насъ, чадахъ праха, послѣ умереть!

Въ этихъ словахъ, по мнѣнію Розанова, объяснена во всѣхъ подробностяхъ истинная, а не выдуманная судьба Пушкина. Наконецъ, въ послѣдній разъ ополчился Соловьевъ на своего идейнаго противника по поводу чествованія столѣтія со дня рожденія Пушкина. Въ №№ 13—14 «Міра Искусствъ» за 1899 г. появилась «Замѣтка о Пушкинѣ» Розанова, въ которой критикъ умалялъ значеніе великаго поэта, противопоставляя ему Гоголя, Лермонтова, Достоевскаго и Л. Толстого. — Пушкинъ обладалъ трезвымъ умомъ, свободно располагавшимъ «наборомъ октавъ и ямбовъ»; душа его была «резонаторомъ всемірныхъ звуковъ». «Міръ сталъ лучше послѣ Пушкина». — Но

послѣ Пушкина міръ не сталъ богаче, обильнѣе. Вспоминая, какъ Гоголь въ первый разъ пришелъ къ Пушкину и услышалъ отъ слуги отвѣтъ: «Баринъ всю ночь игралъ въ карты», Розановъ спрашиваетъ: «кто знаетъ, не въ эту ли и не объ этой ли самой ночи Лермонтовъ написалъ:

Ночь тиха. Пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ».

Соловьевъ признается, что послѣ этого вопроса его не удивилъ бы и такой: «Кто знаетъ, та ночь, въ которую родился Мухаммедъ, не была ли она та самая Варѳоломеева ночь, когда Александръ Македонскій поразилъ мавританскаго дожа Густава Адольфа на равнинѣ Хереса, Малаги и Портвейна?» («Особое чествованіе Пушкина»). Сопоставленіе, сдѣланное Розановымъ, такъ же мало интересно, какъ и то, что когда Пушкинъ писалъ «Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ», Гоголь можетъ-быть строилъ гримасы какому нибудь своему нѣжинскому профессору, а Лермонтовъ бѣгалъ за своими кузинами. Въ отвѣтъ на мысль Розанова о «пифизмѣ» и «оргіазмѣ» Лермонтова, Соловьевъ называетъ его самого «оргіастомъ, пифиномъ, корибантомъ, а проще—юродствующимъ». Замѣтка по поводу юбилея Пушкина была приложена къ 3-му изд. Стихотвореній Вл. Соловьева. Въ предисловіи авторъ иронизируетъ надъ читателями, «которымъ даже стихи г. Брюсова и проза г. Розанова не могутъ дать нѣсколько мгновеній тихой радости».

Въ полемикѣ съ Соловьевымъ Розановъ былъ болѣе одинокъ, чѣмъ его противникъ, на сторонѣ котораго была почти вся прогрессивная журналистика. Въ тонъ Соловьеву высмѣивали Розанова нѣкоторые друзья философа, напр., кн. С. Н. Трубецкой *. Отвлекаясь отъ этой полемики въ сторону коренныхъ

* Отмѣтимъ его пародію на Розанова, которую долгое время приписывали Соловьеву. Среди посмертныхъ статей кн. С. Н. Трубецкого, собранныхъ въ 1-мъ томѣ его сочиненій (М. 1907), есть неоконченная шуточная статья «Правдивая исторія Здравого Слова», въ которой авторъ высмѣиваетъ несуществующую московскую газету «Здравое слово», изображая въ карикатурномъ видѣ, подъ вымышленными именами извѣстныхъ публицистовъ. Подъ именемъ Бутонова изображенъ Розановъ. Трубецкой пишетъ:

«Бутоновъ началъ прекрасную и оригинальную аллегорію: «Геркулесъ у распутья». Подъ Геркулесомъ разумѣлась, конечно, Россія. одна дорога вела на востокъ, а другая

мотивовъ философіи Соловьева, мы находимъ оправданіе его ироническому, а иногда и злому, тону. Ученіе положительнаго всеединства, защищаемое Соловьевымъ, разсматриваетъ всѣ отдѣльныя философскія начала, всѣ отдѣльные политическіе и нравственные принципы, какъ недостаточные и ложные, поскольку они утверждаются въ своей отвлеченности и берутся въ своей исключительности. Принимая одну сторону всеединства, востокъ началъ заниматься, а на западѣ еще кой-гдѣ надъ разрушающимися кафедралами и подъ дымящимися паровозами мерцали обманчивыя звѣзды. Съ запада подошелъ къ Геркулесу съ льстивою улыбкою великій инквизиторъ, съ востока — черкешенка, дышавшая знойнымъ сладострастіемъ. Черкешенка манила Геркулеса на востокъ, говоря, что тамъ солнце. Инквизиторъ звалъ его въ Европу, увѣряя, что солнце все равно кончитъ тѣмъ, что сядетъ на западѣ. Геркулесъ долго стоялъ въ задумчивости, слушая эти лживыя рѣчи, и вдругъ произнесъ: «Врете оба: ни на востокѣ, ни на западѣ солнца нѣтъ и не будетъ. Пока что, пойду къ заутренѣ». И вдругъ взошло солнце и озарило все... Я излагаю главную мысль г. Бутонова. Его аллегорія тянулась нѣсколько мѣсяцевъ и вышла потомъ отдѣльной занимательной книгой. Фельетонъ заключался прекраснымъ стихотвореніемъ:

МОЛИТВА БУТОНОВА

Затеплю я свою лампаду,
Душой высокой воспарю:
Я не убью, я не украду,
Я не прелюбы сотворю.

И духомъ кроткій, полный мира,
Я подвигъ славы совершу,
Не сотворю себѣ кумира,
Чужіе храмы сокрушу.

Умерщвлю жрецовъ Ваала,
Каменьемъ перебью блудницъ.
Культуры западной начала
Падутъ при громѣ колесницъ.

Взорву костелы динамитомъ,
На воздухъ кирки полетятъ,
На океанѣ Ледовитомъ
Божницы чукчей затрещатъ.

Пусть ложной вѣры кафедралы
Падутъ, повержены во прахъ!
Пусть воютъ гіены и шакалы
На запустѣлыхъ тѣхъ мѣстахъ.

А я приду съ любви слезами,
Пролью на ближняго бальзамъ,
Мечтой смиренною лелѣемъ,
Я волю чистымъ дамъ слезамъ.

И помолюсь средь сонма духовъ
За православный весь народъ,
За раствореніе воздуховъ
И за святѣйшій правительствующій Синодъ.

ной истины за цѣлое и утверждая ее какъ самодовлѣющую, безусловную и полную истину, мы обращаемъ ее въ ложь и приходимъ къ внутреннимъ противорѣчіямъ.

Въ этомъ увѣреніи Соловьевъ столь же «правъ», сколько и «виноватъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь и обвиненіе, и оправданіе Розанова. Въ самомъ дѣлѣ: утверждая половую жизнь, какъ первоисточникъ жизни духовной, Розановъ возводитъ отдѣльный принципъ органической жизни на степень основного закона бытія. Обожествляя полъ, Розановъ превращаетъ религію въ сексуальный пантеизмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ старается свести къ своей теоріи сексуализма все многообразіе духовнаго опыта, всю феноменальную жизнь, надъ которой возвышается единственный и вѣчный умень—Полъ. Другими словами, утверждая сексуализмъ въ его отвлеченности, Розановъ одновременно подымаетъ его на высоту «положительнаго всеединства». Соловьевъ же, добросовѣстно усиливаясь «придти въ разумъ истины» и показать ея положительное конкретное всеединство, отмежевывается отъ всего, что представляется ему «исключительнымъ» и «отдѣльнымъ». Соловьевъ тяготѣетъ къ Новому завѣту, Розановъ—къ Ветхому. Возводя евангельское ученіе въ общеобязательное исповѣданіе, Соловьевъ впадаетъ въ такое же утвержденіе отвлеченнаго и отдѣльнаго, какъ и Розановъ съ его культомъ плоти. 142

«Трудна работа Господня», говорилъ Влад. Серг. на смертномъ одрѣ. Въ трудной работѣ ошибки неизбѣжны. Сквозь разногласія, опутывающія идеологическое взаимоотношеніе Соловьева и Розанова, просвѣчиваетъ единообразіе ихъ конечныхъ цѣлей. «Трудная работа» влекла ихъ всю жизнь къ тѣмъ «таинственнымъ и чуднымъ берегамъ», гдѣ встрѣчи не омрачаются розныо. Оба могли бы сказать другъ другу: «о, что значатъ всѣ слова и рѣчи, этихъ чувствъ отливъ или прибой передъ тайною нездѣшней нашей встрѣчи, передъ вѣчною недвижною судьбой?» Каждая страница Розанова, посвященная вопросамъ пола, какъ бы говоритъ словами Соловьева:

Знайте-же, Вѣчная Женственность нынѣ
Въ тѣлѣ нетлѣнномъ на землю идетъ.

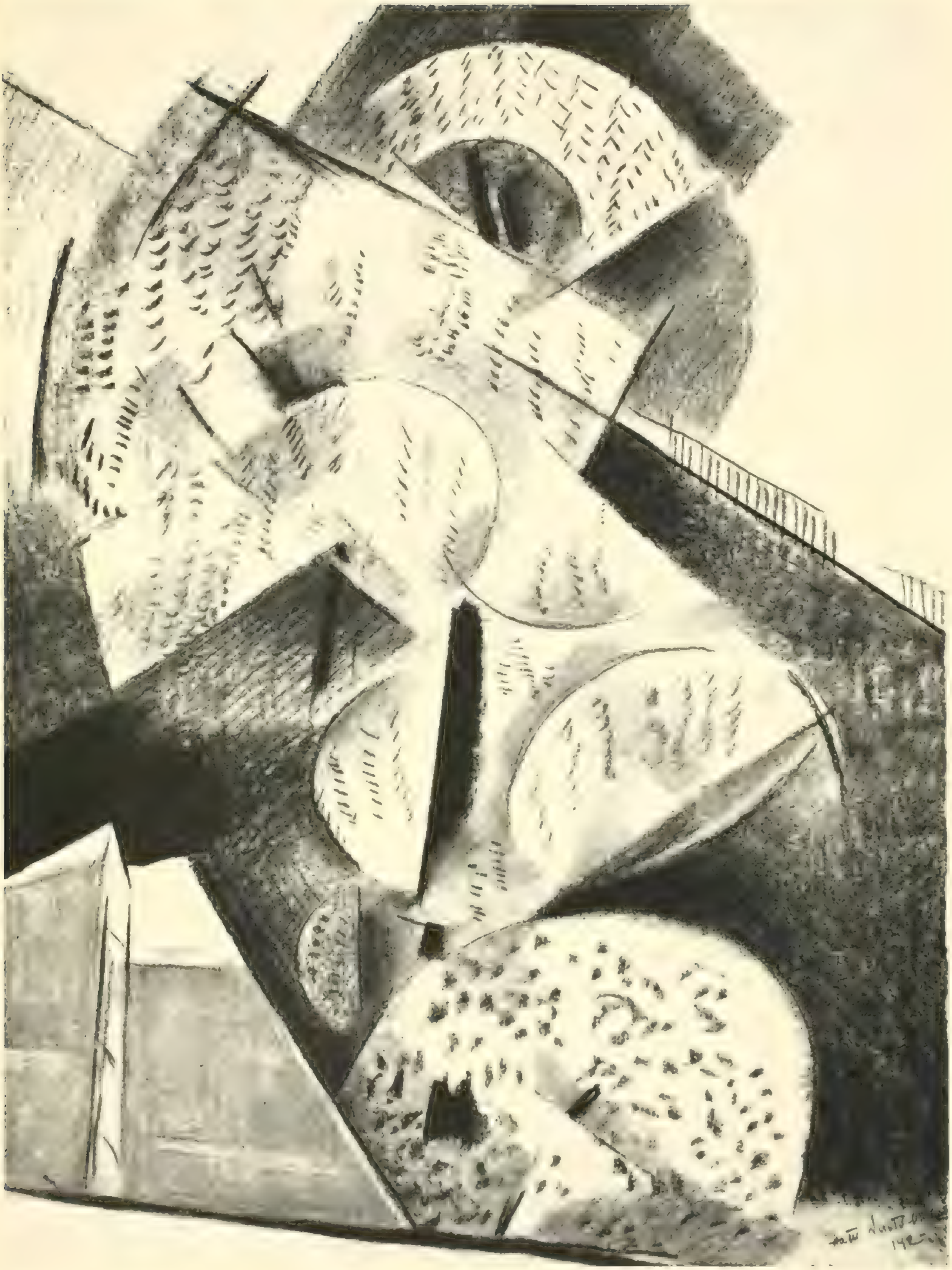
Розановъ боготворилъ эту Вѣчную Женственность, но любилъ и «тлѣнное» тѣло. Разница между нимъ и Соловьевымъ за-

ключается въ сущности лишь въ томъ, что первый воспринималъ женственность въ образѣ Изиды или Астарты, второй же въ образѣ Софіи «Премудрости Божіей» или Маріи, «Дѣвы Радужныхъ Воротъ».

Оба влеклись къ тайнѣ міра, но одинъ искалъ ее на землѣ, въ земной плотской жизни, другой не вѣровалъ «обманчивому міру» и обращалъ свой взоръ къ далекой лазури. Соловьевъ мечталъ о свиданіи съ «вѣчной подругой» и съ цилиндромъ на головѣ поджидалъ ее въ Африканской пустынѣ. Розановъ предпочиталъ «odorer et baiser les organes sexuels féminins», а, если нельзя, то «хоть пососать вымя коровы» (послѣднее желаніе подробно и страстно выражено въ одномъ изъ его писемъ)...

Въ примиреніи Розанова и Соловьева открывается намъ таинство, возглашаемое «пѣсней офитовъ»:

Бѣлую лилію съ розой,
Съ алою розою мы сочетаемъ.
Тайной пророческой грезой
Вѣчную истину мы обрѣтаемъ.



Натанъ Альтманъ

АРТУРЪ ЛУРЬЕ

НА РАСПУТЬИ

[Культура и музыка] *

Отрекись отъ себя для себя, но не для Россіи
Гоголь

I

«Если же и музыка насъ покинетъ, что будетъ тогда съ нашимъ міромъ?». Если эти слова Гоголя въ свое время были вонлемъ предчувствія трагической гибели, грознымъ предостереженіемъ — не стала ли наша дѣйствительность страданіемъ и изнеможеніемъ въ безмузыкальной бытійственности... Не опрокинуты ли мы въ самыя страшныя глубины безмузыкальнаго сознанія, «въ глухоту и черноту», въ провалы, зіявшіе передъ русской интеллигенціей, о которыхъ пророчествовали немногіе зоркіе водители? Русская культура дошла до послѣдней точки своего паденія. Нужно до конца осознать это. Всякая попытка къ индивидуальному, обособленному исканію «выхода», разрѣшенію «кризиса» — останется только попыткой, безцѣльной и тщетной. Мы пребываемъ въ безысходности, безмузыкальности, въ духовно опустошенномъ пространствѣ. Трагическое до конца чувство гибели и дѣйственное исканіе путей къ возрожденію въ духѣ — единственная реальность нашего сознанія, то бытіе, въ которомъ мы существуемъ въ отношеніи къ собственному живому опыту и осознаемъ себя въ отношеніи къ русской культурѣ. Остальное все призрачно, — дѣйствительность, кажущаяся тѣмъ, кто мнитъ себя оправданнымъ въ той или иной, жалкой въ этомъ смыслѣ, попыткѣ самоутвержденія или соучастія въ тлѣніи углей, оставшихся отъ испепеленной русской культуры. Такое пассивное соучастіе въ кажущемся культурномъ дѣланіи создастъ только призрачное марево зеркалъ, калейдоскопически отражающихъ: «кризисы», «вопросы», «темы» и пр., назойливо мелькающее безконечной вереницей въ столь же призрачно существующей русской общественности. Не можетъ быть для

* Прочитано въ ноябрѣ 1921 г. въ Петербургской Вольной Философской Ассоціаціи

насъ съ общественной каѳедры другой темы, чѣмъ тема, поставленная выше. Или призрачность самообольщенія въ кажущемся существованіи, и еще ниже — вульгарная популяризація изношенныхъ покрововъ русской мысли, культуры и искусства въ мутныхъ волнахъ современности, или съ полной безпощадной обнаженностью осознанная катастрофичность положенія.

Послѣднее событіе, имѣющее неизмѣримый смыслъ для существа всей русской культуры и для передового русскаго общества, — событіе 7-го Августа 1921 года — смерть Александра Блока. Какъ страшно для насъ произнести это даже спустя три мѣсяца послѣ этой утраты. Вотъ послѣднее звено завершенной эпохи, пережитой нами, тотъ рубежъ, на которомъ мы очутились во все болѣе и болѣе сгущающемся сумракѣ русской дѣйствительности. Кажется, это еще недостаточно сознаютъ, — не здѣсь, въ тѣсномъ кругу близкихъ, но въ широкомъ кругу русскаго общества: русская революція кончилась со смертью
147 Александра Блока. Эта глубоко трагическая смерть, конечно, была въ полномъ смыслѣ слова символомъ смерти Революціи. Что же дальше? Гдѣ найти силы и живое чувство для жизни тѣмъ, для кого онъ былъ свѣтлымъ учителемъ, озарявшимъ нашъ трудный путь и окрылявшимъ насъ вѣрой въ него? Мнится, что, какъ бы ни слагалась наша общественная работа, въ основѣ всего можетъ быть для даннаго момента лишь эта одна и та же тема, все можетъ получить то или иное освѣщеніе лишь отсюда. Здѣсь тотъ трагическій узелъ, который является основнымъ для всего нашего культурнаго дѣла. Нѣтъ иного подхода къ поставленному вопросу, и, пытаясь уйти отсюда, уходишь отъ живого, дѣйственнаго опыта своего сознанія и чувствованія, которому единственно вѣришь, который есть подлинная, высшая реальность.

Александръ Блокъ — священное для насъ имя русской культуры въ нашу эпоху, и мы, столь кровною связью съ нимъ спаянные, хранимъ память о немъ въ вѣрномъ и чистомъ служеніи оставленному имъ намъ завѣту и идеалу въ самомъ простомъ и сокровенномъ смыслѣ этихъ словъ. Онъ, обреченный нашему поколѣнію, связалъ насъ вѣрой въ служеніе тому, чему отдалъ всю свою жизнь и все горѣніе своей души...

Позвольте же мнѣ напомнить вамъ рефератъ Александра Блока о «крушеніи гуманизма», въ которомъ съ такой поразительной

остротой вскрыты основные вопросы нашей современности, рефератъ, который долженъ послужить краеугольнымъ камнемъ для русской культурной мысли на ея новыхъ путяхъ. Тамъ съ особенной силой сказался весь пронзительный пафосъ утвержденій Александра Блока, его зоркое вѣдѣніе, и тамъ наслѣдіе заповѣданное, завѣтъ хранителямъ, причастнымъ духу музыки. Вотъ почему объ этомъ надлежитъ сейчасъ вспомнить здѣсь, гдѣ это было имъ произнесено, и гдѣ еще теплятся огни этого духа, гдѣ онъ быть можетъ до времени хранимъ. Докладъ, прочитанный Блокомъ въ первые дни Вольной Философской Ассоціаціи въ Петербургѣ, въ бурномъ моментѣ русской Революціи, которой мы тогда еще были живы, и въ которую тогда еще вѣрили,—теперь, когда она катастрофически завершена, получаетъ для насъ иной смыслъ и иное истолкованіе. Онъ становится священнымъ для насъ завѣтомъ, оставленнымъ русскому обществу, той вѣрой, которая учитъ насъ мудрому постиженію и готовитъ насъ къ будущему дѣйствію. 148
Александръ Блокъ пламенно вѣрилъ, что «музыка насъ не покинетъ», но теперь, когда его съ нами нѣтъ, мы знаемъ, что духъ музыки отлетѣлъ отъ насъ, и мы можемъ слѣдить лишь послѣдніе, гаснущіе его огни...

II

Музыка—родная стихія Александра Блока. Съ понятіемъ о музыкѣ для Блока связаны высшія духовныя основы бытія; правда, онъ говоритъ не о музыкѣ въ спеціальномъ смыслѣ, какъ о профессіональномъ искусствѣ, но всегда только о духѣ музыки, который для него всегда—то, что опредѣляетъ собою, то, что творитъ высшую природу нашего сознанія и чувствованія. Эпитетъ музыкальный и музыкальность встрѣчается у него на каждомъ шагу. Все то, что находитъ у Блока положительную оцѣнку, то, что онъ пріемлетъ, онъ всегда опредѣляетъ какъ явленія и цѣнности музыкальныя, и обратно: то, что кажется ему отрицательнымъ, ложнымъ, опустошеннымъ, онъ характеризуетъ какъ явленія антимузыкальныя. Въ предисловіи къ статьямъ «Россія и интеллигенція» онъ говоритъ: «тема моя, если можно такъ выразиться, музыкальная», раскрывая смыслъ слова Россія, какъ музы-

кальный смыслъ, въ которомъ отнюдь «не государство, не національное цѣлое, не отечество, а нѣкое соединеніе понятій, народъ, народная душа, стихія», и вскрывая антимузыкальность понятія интеллигенціи. «Духъ есть музыка», говоритъ онъ тамъ же. «Въ крушеніи гуманизма» онъ опредѣляетъ первый періодъ гуманизма, и наиболѣе мощный, какъ періодъ, въ которомъ «человѣкъ былъ вѣренъ духу музыки». Называя имена великихъ гуманистовъ, онъ говоритъ, что эти имена «возникаютъ въ нашемъ сознаніи, какъ бы въ сопровожденіи музыкальнаго аккомпанемента», и дальше о нихъ же: «до такой степени нѣвучи, проникнуты духомъ музыки — самыя имена этихъ людей». Шиллеръ для него послѣдній великій европейскій гуманистъ, «послѣдній изъ стаи вѣрныхъ духу музыки». Тамъ же онъ говоритъ о Гёте, Вагнерѣ, Гейне: «они одни — носители культуры и музыки будущаго, заглушаемой пока нестройным хоромъ голосовъ безмузыкальной цивилизаціи». Онъ говоритъ, что, вслѣдствіе духовнаго изнеможенія носителей гуманизма, возникаетъ «разлученность съ духомъ музыки». Тамъ же: «есть какъ бы два времени, два пространства: одно — историческое, календарное, другое — нечисленное, музыкальное. Только первое — время и первое — пространство; во второмъ мы живемъ лишь тогда, когда чувствуемъ свою близость къ природѣ; когда отдаемся музыкальной волнѣ, исходящей изъ мирового равновѣсія силъ для того, чтобы жить въ дняхъ, мѣсяцахъ и годахъ; эта ненужность затраты творчества быстро низводитъ большинство цивилизованныхъ людей на степень обывателей міра, но намъ необходимо равновѣсіе для того, чтобы быть близкими къ музыкальной сущности міра — къ природѣ, къ стихіи; намъ нужно для этого, прежде всего, устроенное тѣло и устроенный духъ, такъ какъ міровую музыку можно услышать только всѣмъ тѣломъ и всѣмъ духомъ вмѣстѣ. Утрата равновѣсія тѣлеснаго и духовнаго неминуемо лишаетъ насъ музыкальнаго слуха»... Такимъ образомъ, мы видимъ, что цѣлый рядъ понятій, имѣющихъ различное содержаніе, но единый духовный смыслъ, Александръ Блокъ опредѣляетъ какъ явленіе духа музыки; здѣсь и гуманизмъ, и культура, стихія, природа, и, наконецъ, — революцію, въ ея огненномъ, «очисти-

тельномъ» процессѣ, онъ осознаетъ, какъ стихію музыкальную. «Миръ и братство народовъ — вотъ знакъ, подъ которымъ проходитъ революція. Вотъ музыка, которую имѣющій уши долженъ слышать». — Обращаясь къ тѣмъ, кто растерялся передъ революціей, кто не понялъ ея священнаго смысла, отшатнулся отъ нея и предалъ ее анаѳемѣ, онъ говоритъ: «Въ васъ не было хрустальнаго звона, этой музыки любви, вы оскорбляли художника — пусть художника, — но черезъ него вы оскорбляли самую душу народную. Любовь творитъ чудеса, музыка завораживаетъ звѣрей. А вы (всѣ мы) жили безъ музыки и безъ любви. Лучше ужъ молчать сейчасъ, если нѣтъ музыки, не слышать музыки. Ибо все, кромѣ музыки, все, что безъ музыки, всякая «сухая матерія» — сейчасъ только разбудитъ и озлитъ звѣря. До человѣка безъ музыки сейчасъ достучаться нельзя, всякое движеніе рождается изъ духа музыки, оно дѣйствуетъ, проникнутое имъ... Хранителемъ духа музыки оказывается та же стихія, въ которую возвращается музыка»... Культурную исторію XIX вѣка Блокъ разсматриваетъ, раскрываетъ какъ исторію борьбы духа гуманной цивилизаціи съ духомъ музыки. Онъ говоритъ: «европейская цивилизація примѣняла тончайшіе пріемы въ борьбѣ съ музыкой» и т. д. Можно привести безчисленные примѣры тому, какъ Александръ Блокъ связуетъ съ понятіемъ о музыкѣ все то, въ чемъ скрытъ высшій смыслъ духовнаго роста и истинная цѣнность бытія. Въ дѣйствительности все, сказанное имъ съ такимъ пламеннымъ чувствомъ о вѣрности духу музыки, въ наибольшей степени относится къ нему самому. Заклиная насъ духомъ музыки, онъ имѣлъ на то право, такъ какъ самъ былъ и остался вѣрнымъ ему до конца, и все проклятіе нашей дѣйствительности въ томъ, что Блокъ остался въ трагическомъ одиночествѣ, духъ музыки оказался побѣжденнымъ снова, и мы опять схвачены тисками мертвящей, безмузыкальной цивилизаціи.

Мы не знаемъ болѣе чистаго голоса въ хорѣ нашей современности, чѣмъ голосъ Александра Блока. Хрустальный звонъ и чистота этого голоса—вотъ въ чемъ неизмѣримый смыслъ значенія для насъ Блока. Воистину, это самый прекрасный цвѣтокъ, выросшій на живомъ еще тогда деревѣ русской культуры. Пережитая нами эпоха русской культуры, эпоха русскаго мо-

дернизма нашла въ немъ свое самое совершенное и чистое воплощеніе, вотъ почему ему дано было раскрыть въ большей степени, чѣмъ кому-либо другому, тайную сущность и подлинную природу нашей современности во всѣхъ областяхъ нашей жизни, будь то религія, философія, искусство или общественность. Музыку этого голоса будутъ слушать всѣ, кому дорога русская культура и кто хоть сколько-нибудь къ ней причастенъ. Александръ Блокъ — поэтъ, вскормленный музыкой изъ ея глубиннѣйшихъ источниковъ. Ни одинъ русскій поэтъ послѣпушкинской поры не былъ такъ глубоко и таинственно связанъ съ музыкальной стихіей, какъ Александръ Блокъ. Поэзія и музыка для Блока нерасторжимы. Блокъ возвращаетъ русской поэзіи ея изначальную, стихійную первооснову, ея музыкальную душу. Съ первыхъ моментовъ своего творческаго становленія, со своихъ юношескихъ дней, и на всемъ протяженіи своихъ творческихъ свершеній Александръ Блокъ выявляетъ и
151 раскрываетъ эту глубиннѣйшую, музыкальную сущность своей поэзіи, въ процессахъ своихъ творческихъ воплощеній и въ своемъ музыкальномъ постиженіи міра, въ своемъ міроощущеніи. Нигдѣ и никогда эта музыкальная сущность духа его не покидаетъ. Она углубляется и созрѣваетъ все болѣе, по мѣрѣ свершенія имъ своего героическаго пути.

Музыкальные принципы лежатъ въ основѣ всей его поэзіи (съ первыхъ моментовъ ея проявленія), въ ея музыкально-интонаціонной природѣ и въ принципахъ формальныхъ построеній, а главное, въ ея поразительной орфичности; въ ея пѣсенно-заклинательной силѣ. Въ этомъ смыслѣ раскрывается симфоничность всѣхъ его построеній, будь это симфоническая концепція «Стиховъ о Прекрасной Дамѣ», симфонія «Снѣжной маски», «Двѣнадцать» или послѣднее его воплощеніе — поэма «Возмездіе», о которой онъ самъ намъ повѣдалъ, что въ основѣ ея лежитъ построеніе и сознаніе чисто музыкальное. Отсюда проясняется музыкальная природа его образовъ, отсюда и тончайшая ритмическая ткань его композиціи и вся таинственная трепетность ея звучаній *.

* Я, конечно, исключаю здѣсь совершенно то вульгарное пониманіе внѣшней музыкальности стиха, которымъ до сихъ поръ часто подмѣняютъ музыкальную природу и музыкальную стихію, въ сравненіяхъ поэзіи съ музыкой, то, что такъ свойственно, напр., поэзіи Бальмонта, Сѣверянина и др.

Александръ Блокъ былъ музыкантомъ въ такой же мѣрѣ, какъ и поэтомъ. Музыка Блока должна быть спеціально и проникновенно интерпретирована. Для насъ особенно сейчасъ замѣчательно то, что самыя значительныя слова о музыкѣ въ нашей современности сказаны не музыкантомъ, а поэтомъ. Въ раскрытіи глубокаго содержанія музыкальной темы Александра Блока, въ его творчествѣ и его міросозерцаніи весь смыслъ русской музыки, и въ ея спеціальномъ значеніи, какъ и для всего русскаго искусства въ наши дни. Русская музыка обязана услышать этотъ голосъ, поскольку она пойдетъ по пути возрожденія. Далеко не всегда русская музыка, въ своей, правда, очень короткой исторіи, была вѣрна духу музыки — вѣрнѣе, были лишь очень короткіе, отдѣльные, счастливые моменты приближенія къ музыкальной стихіи, лишь мгновенныя вспышки въ предчувствіи близости къ этой стихіи. Въ цѣломъ, путь развитія русской музыки, въ ея историческомъ процессѣ, — линія большихъ срывовъ и паденій. Осознать это — ближайшая и насущнѣйшая необходимость момента. Что такое взаимоотношеніе русской культуры и русской музыки? Вѣдь этотъ вопросъ до сихъ поръ не только не выясненъ, но даже не поставленъ на путяхъ русской музыкальной мысли. — Роль русской музыки въ общественномъ и культурно-національномъ сознаніи, въ разрѣзѣ культурной мысли или «идеи?»

Я не имѣю въ виду дать здѣсь, въ краткомъ докладѣ, обоснованное разрѣшеніе ряда большихъ вопросовъ, которые могутъ быть здѣсь поставлены. Въ равной мѣрѣ, мнѣ кажется сейчасъ совершенно празднымъ занятіемъ измышленіе отвлеченныхъ теорій, опредѣляющихъ психологическія, эстетическія и иныя нормы, въ спеціальномъ отношеніи къ русскому музыкальному искусству. Цѣль настоящаго собесѣдованія — только поставить тему, вопросъ о путяхъ и взаимоотношеніи русской культуры и русской музыки, съ тѣмъ, чтобы этотъ вопросъ получилъ свое дальнѣйшее, самостоятельное развитіе и разрѣшеніе. Я твердо вѣрю, что только здѣсь, въ этомъ вопросѣ, а не въ кругу спеціальныхъ, профессіональныхъ исканій, для насъ, музыкантовъ, проблема всей русской музыки въ настоящемъ моментѣ, проблема, которую русской музыкѣ надлежитъ разрѣшить, если она въ концѣ концовъ осознаетъ себя живой и органической частью цѣлостной русской культуры. Здѣсь

непреложный и единственный, въ данный моментъ, «внутренне-необходимый», путь пріобщенія къ русской культурѣ, для музыки на путяхъ чаемаго ею возрожденія.

III

До сихъ поръ не отмѣченъ странный разрывъ между всѣмъ ходомъ развитія русской культуры и русской музыкой, внѣ ея стоящей. Здѣсь нѣтъ почти никакой живой связи. Русская музыка—самостоятельный, замкнутый міръ, остававшійся отъединеннымъ отъ русской культурной мысли, почти на всемъ пути своего развитія. Если и были робкія попытки прислушаться къ голосу общественности, въ иные, давніе годы — эти попытки привели только къ внѣшней разобщенности и разноголосицѣ въ средѣ музыкантовъ этой эпохи. Вспомнимъ былой антагонизмъ между Антономъ Рубинштейномъ, Сѣровымъ, Балакиревскимъ кружкомъ (тогда еще «вѣрнымъ» Балакиреву) съ одной
153 стороны и между москвичами съ другой (Чайковскій, Ларошъ, позднѣе Танѣевъ). Упомянутый періодъ времени былъ примѣчателенъ конечно какъ наиболѣе дѣятельный въ исторіи русской музыки, въ ея культурномъ ростѣ, но на всемъ протяженіи развитія русской музыки нѣтъ ни одного примѣра, на которомъ можно было бы указать живую связь не только цѣлой среды музыкальныхъ дѣятелей съ русской культурой, но хотя бы отдѣльныхъ музыкальныхъ величинъ. Полная разобщенность; будь то классическій періодъ Глинки (30-е, 40-е и 50-е годы) и его непосредственнаго воспріемника Даргомыжскаго, писавшаго почти съ его голоса, будь то періодъ ложноклассической формаціи (60-е и 80-е годы), получившій наибольшее развитіе и утвердившійся прочнѣе другихъ, и одновременно съ нимъ, но по существу ему противоположенный и враждебный, такъ называемый «національный кружокъ» (тѣ-же 60-е и 80-е годы) — и наконецъ, опять таки одновременно съ нимъ, періодъ московскихъ «индивидуалистовъ», обособленныхъ другъ отъ друга и отъ петербургскихъ группировокъ, какъ въ области музыкальной науки и музыкальной мысли, такъ и въ области музыкальнаго творчества. Какая ужъ тутъ могла быть близость съ русской культурой и связь съ русской общественностью, если не было возможности понять другъ друга и найти

общій языкъ въ своемъ собственномъ кругу. Такимъ образомъ русское музыкальное искусство слагалось или въ полной разобщенности отдѣльныхъ музыкантовъ другъ отъ друга, или въ замыканіи въ тѣсный, узкій кругъ, «общій языкъ» въ которомъ давался жестокой цѣной полнаго и безусловнаго подчиненія всѣхъ одному, какъ то было сперва въ отношеніи къ Балакиреву, позже къ Римскому-Корсакову. Наконецъ, наша особнякомъ стоящая эпоха модернизма, въ которой музыкальный антагонизмъ, разобщенность и разслоеніе достигли наибольшей остроты. Отсюда всегда и возникаетъ сиротливое одиночество русскихъ музыкантовъ, чувство отверженности, сознаніе ненужности всего своего дѣла и своего искусства — всѣ эти черты, столь типичныя и характерныя почти для всѣхъ безъ исключенія строителей русской музыкальной культуры, мысли и искусства, — создавшія въ конечномъ результатѣ полное, обособленное существованіе русской музыки, замкнутое въ профессіональномъ кругу своихъ слишкомъ спеціальныхъ запросовъ, 154
создавшія средостѣніе между русской культурой и музыкой. Съ какимъ горькимъ чувствомъ намъ говорятъ объ этомъ почти всѣ подлинные документы русской музыкальной культуры: записки Глинки (одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ документовъ русской музыки) и его письма, письма Даргомыжскаго, Мусоргскаго, Бородина, Чайковскаго и даже жуткая по скрытому въ ней трагическому чувству «Лѣтопись» Римскаго-Корсакова, въ которой съ такимъ гнѣвнымъ обличеніемъ стучитъ посохъ этого послѣдняго игумена въ монастырѣ русской музыки. Каковъ былъ «режимъ», установленный Балакиревымъ — первымъ игуменомъ и основоположникомъ этого монастыря въ кругу, обнимавшемъ тогда все, что осознавало себя въ тогда еще туманныхъ идеалахъ русской національной музыки, — объ этомъ свидѣтельствуетъ съ достаточной убѣдительностью хотя бы Лядовъ, который былъ связанъ съ Балакиревскимъ кругомъ въ юношескомъ періодѣ своего творчества. Позвольте привести въ видѣ примѣра отрывокъ одного изъ его писемъ въ 1881 году. Лядовъ пишетъ: «Наконецъ-то я окончилъ свой этюдъ As dur, написалъ на немъ посвященіе, которое Вамъ такъ понравилось, т. е. посвящаю дорогому мнѣ Милію Алексѣевичу Балакиреву — и снесъ къ нему. Черезъ два дня онъ зоветъ меня; прихожу; онъ встрѣчаетъ меня очень ласково,

предлагаетъ воды съ вареньемъ и начинаетъ говорить объ этюдѣ: 1-е, онъ не желаетъ, чтобы было напечатано «дорогому мнѣ», но зато сохранитъ мой оберточный листъ съ посвященіемъ, 2-е, сдѣлалъ поправку такую: (приводитъ музыкальный текстъ) онъ хочетъ такъ (снова примѣръ текстуальный) и увѣряетъ, что безъ этого все погибло. Я немного спорилъ, но потомъ плюнулъ, т. е. уступилъ, но въ душѣ былъ золъ, какъ никогда не былъ. (Вообще я теперь золъ, золъ ужасно). Вышелъ отъ него весь въ поту и чувствовалъ, что долго не успокоюсь, а потому пошелъ гулять по Кабинетской и выдумывалъ разныя козни ему. Ну довольно, все это вздоръ, мнѣ не такъ дорогъ этюдъ, да и вообще всѣ мои сочиненія. Я Вамъ скажу про свою глупость, — я всѣ сочиненія разорвалъ и сжегъ...» О гнетущемъ деспотизмѣ Балакирева, уничтожавшаго свободу художественныхъ воззрѣній и всякую попытку къ свободному творчеству, свидѣтельствуютъ достаточно убѣди-
155 тельно всѣ члены кружка: Мусоргскій, Бородинъ, и даже въ сторонѣ отъ «кружка» стоявшій Чайковскій. Но на этомъ деспотизмѣ держалась спаянность національной группы, позднѣе, когда авторитетъ Балакирева оказался поколебленнымъ, это привело къ распаду и всей группы. Линію Балакирева принялъ Римскій-Корсаковъ, который ее пытался утвердить, основываясь преимущественно на «научномъ» авторитетѣ, котораго такъ недоставало Балакиреву, на формальныхъ методахъ и «теоріи». Въ линіи направленія, взятой Корсаковымъ, это сказалось совершенно губительнымъ образомъ на воспитаніи и художественной подготовкѣ нѣсколькихъ поколѣній русскихъ музыкантовъ, и вотъ почему. Въ основахъ Корсаковской школы были окончательно утверждены тѣ цеховые, ремесленные идеалы профессіонализма, которые Корсаковымъ были восприняты въ періодѣ первоначальнаго воздѣйствія западной музыки, преимущественно германской, въ ея ложно-классическомъ, формальномъ состояніи — на русскую музыку. Такимъ образомъ въ роли и вліяніи Римскаго-Корсакова на русскую музыкальную культуру получилось у него окончательное совпаденіе съ направленіемъ на формальныхъ путяхъ въ вопросахъ и отношеніи къ звуковому матеріалу, методу и стилю, съ линіей и направленіемъ, раньше взятымъ при Балакиревѣ Антономъ Рубинштейномъ и близкой ему группой, утверждавшей этотъ, преимущественно герман-

ской цеховой и ремесленный, псевдо-классическій формализмъ, въ первомъ періодѣ русской музыкальной культуры—при полномъ тогда антагонизмѣ съ національнымъ кружкомъ Балакирева. Римскій-Корсаковъ, вышедшій самъ изъ Балакиревскаго кружка и взявшій на себя какъ-бы продолженіе и дальнѣйшее развитіе его линіи, ставъ на формальный путь, ввелъ русскую національную школу въ сферу тѣхъ принциповъ и идеаловъ реме-
сленности и формальнаго схематизма, съ которыми Балакиревскій кружокъ безсознательно, но рѣшительно боролся въ періодѣ дѣятельности Антона Рубинштейна. При наличіи огромной воли, у Балакирева, въ пору существованія національнаго «кружка», не было ясно осознанныхъ принциповъ, идеаловъ, которые могли бы раскрыть подлинную природу русской музыкальной стихіи; въ концѣ концовъ, все сводилось къ довольно безпочвеннымъ критеріямъ почти исключительно «вкусовымъ», на этомъ Балакиревъ и потерялъ свой авторитетъ, но Римскій-
Корсаковъ, осознавъ себя впервые въ средѣ русскихъ музыкан- 156
товъ «профессіональнымъ композиторомъ» — очень устойчиво и рѣшительно, въ цѣляхъ утвержденія своего профессіонализма, сперва для себя, затѣмъ и для другихъ, искалъ и утверждалъ весь профессіонально-цеховой, ложно-классическій, формальный догматизмъ, позаимствованный у чуждой для насъ нѣмецкой музыкальной культуры. Эти принципы, властной рукой Корсакова установленные въ русской музыкѣ, ставшіе традиціонными на формальныхъ ея путяхъ, существуютъ до сихъ поръ и своей бездушностью и мертвенностью отравили нѣсколько поколѣній. Правда, Римскій-Корсаковъ создалъ профессіональный фундаментъ для русской музыкальной культуры, но основанный, по существу, на ложныхъ догматахъ, въ отношеніи къ органической природѣ русскаго искусства. Римскій-Корсаковъ воспиталъ и подготовилъ кадры цеховыхъ музыкальныхъ дѣятелей (въ настоящее время имъ созданная традиціонная школа и этого не въ состояніи выполнить), но на вольную дорогу, къ свободному творчеству, пришли лишь очень немногіе изъ тѣхъ, кто побывалъ въ его формальномъ плѣну.

Русская музыкальная жизнь протекала такимъ образомъ въ тѣсномъ профессіональномъ кругу подъ деспотической рукой сперва Балакирева, позднѣе Корсакова; въ сторонѣ держались немногіе, мучительно спасавшіе свою свободу...

О живой связи съ культурой, о необходимости такой связи — нѣтъ и рѣчи. Наиболѣе значительный и самостоятельный темпераментъ этой эпохи — Мусоргскій, за свои экскурсы въ область русской литературы, религіи и отчасти философіи, за увлеченіе общественнымъ идеаломъ своего времени — подвергнуть въ своемъ кругу специалистовъ гоненіямъ и порицаніямъ, клеймится антимузыкантомъ.
Это началось еще въ золотое утро рожденія русской музыки — у Глинки. Одна изъ наиболѣе общихъ, культурно-историческихъ параллелей: Пушкинъ и Глинка, въ отношеніи жизненной судьбы Глинки, далеко неустойчива.
Глинка не вынесъ Пушкинской среды, она была для него слишкомъ холодна и сурова въ аристократизмѣ своей культуры, онъ принужденъ былъ уйти въ болѣе интимный, въ болѣе ему доступный кругъ людей его времени; вотъ какимъ образомъ возникаетъ его близость къ Кукольнику и всей его группѣ.

IV

Едва-ли будетъ преувеличеніемъ, если предположить, что широкіе круги русской публики (не узкій кругъ музыкальной интеллигенціи, съ которой единственно до сихъ поръ связана судьба нашего музыкальнаго искусства) восприняли и запомнили не больше двухъ именъ изъ исторіи русской музыки. Конечно, Чайковскаго и Рубинштейна, быть можетъ въ наши дни, какъ это ни странно, Скрябина. Отчетливо восприняли, не по имени только, разумѣется. Поскольку мы ставимъ вопросы о взаимоотношеніяхъ между русской интеллигенціей и русской музыкой, мы оказываемся въ области элементарнѣйшихъ понятій. Въ отвлеченномъ планѣ философіи общественности, философіи искусства, конечно, иное; здѣсь возможно скрещеніе ряда тончайшихъ и сложныхъ проблемъ въ связи съ русской музыкой, въ разрѣшеніи которыхъ пути смежныхъ искусствъ иногда совпадаютъ, иногда перекрещиваются, иногда расходятся, но можно-ли говорить объ этомъ, пытаясь разорвать обособленную скованность русской музыки, если нѣтъ хоть сколько-нибудь отчетливаго представленія о ея судьбахъ. Мы почти невѣжественны въ отношеніи къ этому нашему искусству, и пора, наконецъ, разрушить этотъ кругъ и ввести музыку въ лоно стихіи русской культуры. Только

здѣсь будущій путь возрожденія русской музыки, онъ — въ ея синтетическомъ пріобщеніи къ русской культурѣ, во взаимопроникновеніи съ нею. Только на этомъ пути раскрѣпощеніе музыки, такъ запаздывающее, отъ мертвенныхъ, схоластическихъ догмъ и отъ косности схематическихъ теорій, въ рабствѣ у которыхъ она находится на своихъ формально-историческихъ путяхъ. Только это освѣжитъ душный воздухъ узкаго профессіонализма и косности, ибо здѣсь, въ этомъ замкнутомъ профессіональномъ кругу, безгранично властвуетъ безмузыкальная цивилизація, духъ музыки здѣсь никогда не дышитъ...

Совершенно невозможна даже самая мысль о такомъ разъединеніи въ русской культурѣ между поэзіей, литературой, театромъ, живописью, что означало бы полнѣйшій распадъ (быть можетъ то, что мы переживаемъ теперь). Если разрывъ вообще, въ нѣкоторые періоды, въ русской культурѣ возникалъ, онъ всегда осознавался, какъ кризисъ, или какъ трагическій въ извѣстномъ смыслѣ моментъ въ русской общественности, и всегда 158
бывалъ, въ концѣ концовъ, болѣе или менѣе отчетливо осознанъ, и равновѣсіе возстанавливалось, правда часто очень и очень дорогой цѣной, но основы русской культуры, ея живая природа, были всегда, въ органической синтетичности мировоззрѣнія, въ живѣйшей связи между поэзіей, литературой, философіей, религіей и общественностью. На этотъ путь синтетическаго возсоединенія должна будетъ стать и музыка, если русской культурѣ суждено будетъ возродиться.

Я останавливаюсь на фигурѣ Лядова, потому что онъ стоитъ на рубежѣ русскаго модернизма и распада Балакиревско-Корсаковской школы. Являясь типическимъ и яркимъ выразителемъ Корсаковскаго направленія, по всему складу своихъ художественныхъ воззрѣній — Лядовъ соприкоснулся и съ модернизмомъ, этимъ онъ для насъ особенно примѣчателенъ. Послѣдній періодъ его жизни и творчества — мучительное усиліе прислушаться къ голосу своего времени, жажда вслушаться въ ту «музыку», которая начинала звучать вокругъ него. Вспомнимъ, какой это былъ періодъ. Пышный расцвѣтъ новыхъ музыкальныхъ теченій на Западѣ, цвѣтеніе новаго искусства въ Россіи; въ поэзіи, въ театрѣ, въ литературѣ, въ живописи, появленіе и расцвѣтъ Скрябина, — въ это время (въ 1907 году) Лядовъ пишетъ: «Что я читаю? Метерлинка, Уайльда, Иннибышевскаго,

но только не старое... отъ реализма меня тошнитъ какъ отъ всего человѣческаго. Наступаетъ переходъ отъ человѣка — къ сверхчеловѣку. Вы, конечно, надъ этимъ посмѣетесь и — будете наказаны: поѣздъ пройдетъ мимо Васъ, а Вы останетесь попрежнему въ «Чудовѣ»... Какъ ужасна эта погоня за новизной изъ боязни отсталости; вмѣстѣ съ тѣмъ ко всему новому, созрѣвающему въ его собственномъ искусствѣ, въ музыкѣ, онъ относится отрицательно, когда соприкасается съ этой новизной; будь то Дебюсси, Равель, Штраусъ, Скрябинъ. Онъ остается всегда какъ-будто бы вѣрнымъ идеаламъ и завѣтамъ Корсаковской школы, но наряду съ этимъ безпомощно поддается соблазнамъ модныхъ для его времени литературы, театра, живописи, т. е. всего того, чему суждено столь тлѣнное и краткое существованіе. Съ русской культурой у него нѣтъ никакой живой связи. Владиміръ Соловьевъ для него «аллилуйская» философія, «философъ въ кавычкахъ», «мужичокъ
159 въ европейскомъ костюмѣ» и т. д., о Толстомъ онъ говоритъ: «До чего Толстой заврался — изумительно. Вотъ ужъ философія-то параличной бабушки. Какое сходство у него съ Гоголемъ: и онъ, какъ Гоголь, убѣдилъ себя, что онъ «пророкъ» и «учитель человѣчества» — и понесъ чушь. Противный старикашка». И еще онъ говоритъ: «Толстой и Горькій мнѣ отвратительны успѣхомъ «улицы» и философіей «для всѣхъ». У нихъ умъ «травы», а не «розъ» и т. д.

Страшно отъ такихъ явленій; какая безпросвѣтная затемненность сознанія и какая спутанность всѣхъ понятій, и вѣдь это въ томъ кругу, который утверждалъ «классическіе» принципы и традиціи русской музыки.

Въ отношеніи къ своему творчеству у него такая же спутанная позиція. Онъ говоритъ: «Съ каждымъ годомъ я все больше и больше теряюсь — какъ надо сочинять и что сочинять»... «Счастливый композиторъ — Чайковскій — сочиняетъ, какъ ему хочется, не спрашивая о томъ, нравится ли это другимъ или нѣтъ. Захочетъ — напишетъ и тривіальность, не боясь никакой критики». — «Надѣюсь сочинять по-чайковски, т. е. что пришло — то и ладно».

Чувство одиночества, пустоты, оторванности отъ жизни, — всѣ эти типичныя для русскаго музыканта черты, и здѣсь налицо, и это даже подъ конецъ жизни, уже къ старости: «Я вѣдь

совсѣмъ одинъ. Остаться совсѣмъ одному, хотя и почетно, но очень грустно. Вотъ я и вожу по пустому мѣсту руками: авось. Но я знаю, что это напрасно». Какой жестокій разладъ былъ между русской культурой и русской музыкой даже въ этотъ періодъ цвѣтенія русскаго модернизма въ новомъ искусствѣ, видно по тому, что, пытаясь установить связь между новымъ направленіемъ въ русскомъ искусствѣ и русской музыкѣ, даже на Лядова, на этого типичнаго эпигона отчасти «кучкистовъ», отчасти западныхъ «нео-романтиковъ», — смотрѣли какъ на выразителя современности въ русскомъ музыкальномъ искусствѣ. Въ 1909 году Дягилевъ писалъ Лядову, заказывая ему первый національный русскій балетъ «Жаръ-Птицу» (написанный годъ спустя Стравинскимъ, тогда еще совершенно неизвѣстнымъ музыкантомъ) — «Мы всѣ считаемъ Васъ теперь нашимъ первымъ, самымъ интереснымъ и самымъ свѣжимъ музыкальнымъ талантомъ». Это уже въ то время, когда Скрябинъ далъ почти все самое значительное въ своемъ творчествѣ передъ сочиненіемъ «Прометея», — но Скрябинъ жилъ за-границей и никакой связи съ русскимъ искусствомъ не имѣлъ. 160

Русская музыка въ основѣ своего прошлаго внѣ-культурна и внѣ-общественна. Разладъ между русской музыкой и русской культурой почти катастрофическій, въ значеніи тѣхъ реальныхъ послѣдствій, которыя онъ имѣлъ. Въ смыслѣ индивидуальнаго и общественнаго сознанія конечно, такъ какъ преимущественно только объ этомъ здѣсь идетъ рѣчь, отнюдь не въ спеціальномъ, профессіонально-художественномъ смыслѣ, разумѣется. Вотъ почему не такъ существенно съ этой точки зрѣнія то, что можно установить тѣ или иныя точки совпаденія или черты общія русской музыкѣ и всему русскому искусству въ отдѣльные моменты или періоды его бытія. Можно, конечно, начертить тончайшій узоръ, при изслѣдованіи вопроса въ сферѣ спеціально музыкальной, узоръ, въ которомъ въ отвлеченной нормативности, вѣроятно, многіе догматы эстетическіе, типическіе для всего русскаго искусства окажутся совпадающими съ линіями развитія природы русской музыки, матеріально-звуковой ея природы и ея эмоціональной стихіи. Не можетъ быть иначе, такъ какъ русская музыка—плоть отъ плоти русскаго искусства. Но не является-ли все въ цѣломъ творчество Римскаго-Корсакова яркимъ примѣромъ разъединенія

между русской культурой и русской музыкой? — результатъ разрыва, исторически слагавшагося и давшаго громадный срывъ въ русской культурѣ, поскольку его творчество къ русской культурѣ будетъ пріобщено. Мы говорили о роли Римскаго-Корсакова въ сферѣ музыкальной культуры, но и въ самомъ творчествѣ этого музыканта скрытъ глубокій трагизмъ положенія. Трагизмъ понятный и внѣ спеціально-профессіональной оцѣнки (конечно, съ нею глубоко связанный), но видимый отчетливо преимущественно въ фокусѣ единой, цѣлостной и чистой русской «идеи». Въ творчествѣ Римскаго-Корсакова всѣ признаки насильственно утверждаемаго, ложнаго мифотворчества, какъ результатъ арелигіознаго опыта, въ высшемъ смыслѣ понимаемаго, возникающій на основахъ глубоко скрытаго скепсиса, при исключительно раціоналистическомъ методѣ воплощенія. Здѣсь, въ этомъ творчествѣ, не только нѣтъ постиженій, здѣсь нѣтъ даже становленія, въ сферѣ творчески религіознаго сознанія и чувствованія. Только въ «Золотомъ Пѣтушкѣ», въ послѣднемъ своемъ произведеніи, вскрываетъ Римскій-Корсаковъ истинную природу своего творчества. За страшной маской злого мага и колдуна сказались черты, давно знакомыя и привычныя, русскаго нигилизма, въ лучшемъ случаѣ саркастическая усмѣшка... Вотъ откуда эта тревожность и безпокойство Римскаго-Корсакова къ своему времени и къ окружавшему его музыкальному творчеству. Вотъ отчего онъ такъ боялся всего того, что могло-бы разрушить тѣ цеховые идеалы, которые онъ утверждалъ на формальныхъ путяхъ; но русскому искусству это досталось дорогой цѣной, вспомнимъ хотя-бы «упорядоченіе» и «обработку» Мусоргскаго...

Въ небольшихъ границахъ настоящаго сообщенія невозможно дать исчерпывающее развитіе и разрѣшеніе ряда вопросовъ, здѣсь возникающихъ. Это нуждается, конечно, въ спеціальной разработкѣ, я же долженъ ограничиться лишь бѣглымъ, эскизнымъ начертаніемъ того, что мнѣ представляется наиболѣе выпуклымъ на путяхъ современнаго, культурнаго музыкальнаго сознанія. Въ связи съ затронутымъ вопросомъ о творчествѣ Римскаго-Корсакова, необходимо поставить этотъ вопросъ въ сферу религіозныхъ основъ русской музыки, въ связи съ эволюціей и путями духовной музыки въ Россіи. Отдѣльно, опять таки, поставить

вопросъ о русскомъ оперномъ театрѣ и его связи съ культурой русскаго театра въ цѣломъ, а главное, вопросъ объ органическихъ путяхъ русской музыки. Тогда только можно вскрыть всю роль и значительность для русской музыки аре лигіозности творческаго сознанія у Римскаго-Корсакова и послѣдствія этого для всей его школы.

Я надѣюсь, что здѣсь не поймутъ меня ложно. Я очень далекъ отъ того, чтобы въ какой-бы то ни было мѣрѣ умалять значеніе Римскаго-Корсакова въ русской музыкѣ въ его роли, какъ художника или профессіональнаго, культурнаго дѣятеля. То, что я о немъ сказалъ, я считаю вопросомъ исключительной важности для насъ въ наше время. Нужно, наконецъ, осознать это рѣшительно и безпощадно, если мы дѣйствительно вѣримъ въ тотъ органическій процессъ творческаго сознанія, который является для насъ непреложнымъ на всѣхъ путяхъ русскаго искусства. Если мы дѣйствительно вѣримъ въ высшій, единый духовный смыслъ русской культуры и русскаго искусства въ ихъ цѣлостности, тогда творчество Римскаго-Корсакова несомнѣнно для насъ неорганично, рѣшительно во всѣхъ областяхъ его искусства, будь-то опера, симфонія или пѣсня. Оно—результатъ большой личной воли художника, давшаго предѣльное, по количеству и качеству, въ его возможностяхъ, искусство съ малой буквы, воплощенное въ исключительно раціоналистическихъ методахъ и схематическихъ формахъ, искусство аре лигіозное, проникнутое насквозь духомъ позитивистическаго мировоззрѣнія, являющееся, въ этомъ смыслѣ, типическимъ результатомъ эпохи безвѣрія и нигилистической «глухоты». 162

Въ произведеніяхъ Римскаго-Корсакова мы всегда легко можемъ прослѣдить, въ какой мѣрѣ онъ попадаетъ въ цѣль, которую передъ собою ставитъ. Цѣли эти для него, создающаго ихъ, такъ-же, какъ и для насъ, ихъ воспринимающихъ, въ его произведеніяхъ всегда отчетливо видимы простымъ, невооруженнымъ глазомъ, эти цѣли всегда у него очень близко поставлены, поэтому всегда легко ощутимы для насъ, какъ моменты удачныхъ «попаданій» въ эти цѣли, такъ и всѣ промахи по нимъ. Вотъ почему такъ убійственно для Римскаго-Корсакова сравненіе его съ Мусоргскимъ, оказавшимъ на него огромное вліяніе, до сихъ поръ недостаточно выясненное и уста-

Юрій Анненковъ

новленное въ исторіи русской музыкальной мысли. Не въ примѣръ Римскому-Корсакову, Мусоргскій, къ несчастью, далъ минимумъ того, что могъ-бы создать при иномъ къ нему отношеніи въ его эпоху и въ иныхъ условіяхъ своей жизни.
Пути его творчества и вершины, къ которымъ онъ стремился, для насъ до сихъ поръ въ главномъ неисповѣдимы и скрыты, какъ высшая природа и сокровенная тайна высокаго искусства, въ душѣ художника.
Работа Римскаго-Корсакова надъ «исправленіемъ» Мусоргскаго, это — «сальеризмъ», который трагиченъ, конечно, лишь для Римскаго-Корсакова, такъ какъ, если ликъ Мусоргскаго затменъ, то все-же его партитуры когда-нибудь будутъ возстановлены въ ихъ подлинномъ видѣ, но отношеніе къ нимъ со стороны Римскаго-Корсакова значительно вскрываетъ для насъ и природу его собственнаго, личнаго творчества.

V

Отъединенность русской музыки отъ всей русской культуры сказалась и въ томъ, что цѣлые этапы развитія русской культуры не нашли отраженія въ русской музыкѣ, не затронуты ею. Дѣйственное пріобщеніе къ путямъ русской культурной мысли не было для русскихъ музыкантовъ «внутренней необходимостью», непреложностью, но оставалось второстепеннымъ частнымъ дѣломъ, и въ ходѣ развитія русской музыки, въ нѣдрахъ ея творческихъ процессовъ существенной роли не играетъ. Въ такой-же мѣрѣ это сказалось, въ силу тѣхъ-же причинъ и на обратномъ воздѣйствіи со стороны русской музыки на русскую поэзію, литературу, театръ и т. д. Исключеніе составляютъ: Мусоргскій, затронутый идеалами народничества 60—80-хъ годовъ, оплодотворенный даже этимъ соприкосновеніемъ съ русской жизнью и выведшій отсюда свои идеи и «теоріи» музыкальнаго реализма, свои народно-романтическія музыкальныя драмы; и еще особнякомъ стоящій въ русской музыкѣ Скрябинъ, единственный выразитель эпохи русскаго модернизма, но отразившій ее въ крайне своеобразномъ преломленіи.
Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли найти прямое выраженіе и соотвѣтствіе всему высокому развитію русской лирической поэзіи,

въ русской музыкѣ? При всемъ очарованіи и всей плѣнительности романсовъ и пѣсенъ Глинки, они не являются органическимъ воплощеніемъ Пушкинской лирики. Объ этомъ говоритъ самый методъ его работъ. Мы знаемъ съ его собственныхъ словъ, что онъ очень часто пригонялъ и вписывалъ тексты къ заранѣе имъ сочиненной музыкѣ.

У Глинки отношеніе къ Пушкинскому стиху непосредственное и простодушно-наивное. У него не воплощеніе Пушкинской лирики, а достигаемая имъ непосредственная чистота стиля, всегда живое слѣдствіе отраженія въ его пѣсняхъ самой эпохи. Геніальныя пѣсни Мусоргскаго, несмотря на исключительное для него значеніе декламаціоннаго начала, исключительнаго чутья къ пѣсенной интонаціи, и въ цѣломъ, на всю значительность для него с л о в а, — конечно, все-же и его пѣсни — вић русской лирической поэзіи. Психологическія и экспрессивно-драматическія по своей музыкальной сущности, пѣсни Мусоргскаго, вскрывающія основныя начала музыкальной рѣчи — скорѣе фрагменты и миніатюры формъ музыкальныхъ драмъ (здѣсь есть пожалуй нѣкоторое соотвѣтствіе звуко-образовъ у Мусоргскаго съ пластикой слово-образа въ современномъ направленіи русской поэзіи, въ ея нѣкоторой части). Все-же значеніе этихъ пѣсенныхъ формъ исключительно въ сферѣ ч и с т ы х ъ основъ русскаго м у з ы к а л ь н а г о языка, въ основахъ музыкальной рѣчи. 164

Такимъ образомъ, въ русскомъ искусствѣ остаются двѣ совершенно самостоятельныя стихіи: русская лирическая поэзія и русская пѣсня (въ культурномъ видѣ, въ отличіе отъ пѣсни народной), и та и другая, растущія въ основѣ изъ одного ствола (народнаго творчества) и имѣющія общіе корни, но существующія совершенно самостоятельно и параллельно, — общія черты здѣсь до сихъ поръ не установлены...

Самыя значительныя линіи развитія русской лирической поэзіи — въ музыкѣ не получили равноцѣннаго воплощенія: ни Пушкинъ, ни Тютчевъ, ни Боратынскій, ни Фетъ... хотя зачастую и воспроизведены, но никогда не воплощены. Думается, здѣсь вопросъ не разрѣшается просто большей или меньшей талантливостью артиста.

Если существо лирической поэзіи — оформленный и воплощенный м е л о с ъ, звучащій г о л о с ъ п о э т а, — задача музыки,

въ ея органическомъ взаимодѣйствіи съ лирической поэзіей, заключается въ томъ, чтобы услышать этотъ голосъ, освободить мелосомъ и ритмосомъ, заключенную въ пластикѣ словесныхъ формо-образованій, услышать ее въ наиболѣе чистомъ видѣ и воплотить, переведя на языкъ звуковъ, но отнюдь не въ томъ, чтобы сочинить, измыслить музыку къ тексту. Такъ въ свое время возникла классическая мелосса античной трагедіи, въ этомъ чистый каноиъ церковнаго напѣва (распѣва, антифона) и всѣхъ наиболѣе совершенныхъ формъ духовной пѣсенности. Эти два указанныя направленія въ русской пѣснѣ — линія чистой лирической пѣсенности, идущая отъ Глинки, и экспрессивно-драматической выразительности — отъ Мусоргскаго, въ сущности исчерпываютъ вопросъ о путяхъ развитія русской пѣсни въ ея культурныхъ формахъ. Все остальное — отсюда и малосущественно.

Начала синтеза, взаимоотношенія и взаимодѣйствія слова
165 и звука, звука и цвѣта, звука и жеста и, наконецъ, органическое взаимодѣйствіе искусствъ (не механическое ихъ соединеніе), естественный, непринужденный переходъ съ чистаго языка одного искусства на языкъ другого — все это задачи преимущественно нашего времени, проходящія подъ знакомъ XX вѣка. Здѣсь опять-таки, даже въ самомъ послѣднемъ періодѣ русской музыки, она все-же едва задѣта культурнымъ процессомъ другихъ искусствъ. Изслѣдованіе въ области пластическихъ искусствъ, въ области слова и жеста, въ изученіи матеріаловъ и методовъ воплощенія — въ русской музыкѣ отражено очень вяло. Нѣтъ большей отсталости въ культурной мысли, чѣмъ отсталость русской музыки въ сравненіи съ другими искусствами. Если прослѣдить пути и основы музыкальной мысли въ Россіи, мы не установимъ преемственной послѣдовательной линіи развитія, но увидимъ сплошную кривую, въ которой скачки и срывы на каждомъ шагу, наряду съ дилетантизмомъ при соприкосновеніи со смежными искусствами и безпомощностью въ отношеніи къ русской культурѣ. Объ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ наиболѣе значительные дѣятели въ области музыкальной мысли: Одоевскій, Ларошъ, Сѣровъ, Стасовъ и др. Отсюда отсутствіе устойчивыхъ путей въ развертываніи культурнаго музыкальнаго сознанія и столь слабое, а порою и полное, отсутствіе музыкальной критики.

VI

Очевидно, до сихъ поръ сущность русской музыки—внѣ культуры (и ужъ, конечно, внѣ общественности *, которой русскіе музыканты всегда боялись, какъ жупела), чего нельзя сказать ни про одинъ изъ другихъ видовъ русскаго искусства, будь-то литература, поэзія, театръ или даже живопись, наоборотъ которыхъ всегда — именно въ національно-культурномъ сознаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ по многочисленнымъ чисто внѣшнимъ признакамъ русская музыка предстоитъ намъ всегда, какъ специфически національное русское искусство, по существу же самое понятіе о русской музыкѣ, въ его самыхъ основныхъ чертахъ, до сихъ поръ остается для насъ подъ знакомъ вопроса. Мы знаемъ, что на всемъ пути своего культурнаго роста развитіе русской музыки протекало въ томъ, что вся ея формальная сторона возникала почти исключительно какъ проэкція принциповъ метода и формъ западной музыки, причемъ въ этомъ формальномъ воздѣйствіи Запада на русскую музыку со временъ Глинки русская музыка, въ основѣ стихія пѣсенная, находилась почти всегда подъ воздѣйствіемъ формальной западной культуры, преимущественно инструментальной, такимъ образомъ матеріалъ русской пѣсенности подвергался не органическому, а исключительно механическому воздѣйствію чуждаго ему въ основѣ его звуковой природы западнаго инструментализма, къ тому же еще преимущественно германскаго, въ то время какъ западная музыкальная культура Италіи — страны съ органической пѣсенной музыкальной природой,

166

* Невѣрно довольно распространенное о «Стрѣльцѣ» мнѣніе, будто культура и общественность (въ особенности) — и для него вродѣ жупела. Но нынѣ, какъ никогда, во многимъ отчетливымъ признакамъ — приходится опасаться злоупотребленія «культурой» и «общественностью» в порядкѣ дискуссій и словопреній, на которыя столь падка наивная, хотя подчасъ и честная, «мыслящая» публика.
Культура и общественность — одно дѣло, другое же и нехорошее дѣло — проповѣди людей изъ расплодившейся породы «раскаявшихся», которые, переусердствовавъ, стали общественнѣе самой общественности, или церковнѣе самой православной русской Церкви.
Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда людямъ этимъ удается быть искренними, — сочувствовать имъ все-же мудрено, а слушать ихъ по меньшей мѣрѣ скучно!

Редакторъ

русской музыки почти не коснулась. Здѣсь опять несоотвѣтствіе съ русской культурой, бывшей подъ сильнымъ вліяніемъ итальянскаго искусства; вспомнимъ хотя-бы всю роль и вліяніе итальянской классической архитектуры на формы русскаго зодчества и почти отсутствіе вліянія германскихъ архитектурныхъ стилей. Расцвѣтъ пѣсенной и хоровой итальянской классики, начиная отъ флорентійскаго многоголосія XIV в., и весь періодъ цвѣтенія итальянскаго музыкальнаго ренессанса до половины XVII в., т. е. то, что составляетъ золотое зерно европейской музыки, — насъ не коснулись. Не поразительно-ли, что русскіе музыканты не замѣтили и упустили ту огромную роль, которую имѣла для нашей культуры и искусства русская иконопись? Правда, наряду съ этимъ до сихъ поръ не оцѣнено и творчески не претворено все поразительное богатство и огромное художественное наслѣдіе русской архаической духовной пѣсенности XV — XVII вѣковъ. Въ фор-
167 махъ духовной пѣсенности этихъ эпохъ связь съ ритмами иконописными, конечно, несомнѣнная и органическая. Быть-можетъ, лишь одинъ Мусоргскій смутно зналъ объ этомъ. Русская музыка съ легкой руки Глинки погрузилась въ совершенно чуждый ея природѣ формальный схематизмъ германской ложно-классической теоріи, ложно-классической, поскольку этотъ формализмъ въ отношеніи къ своему собственному искусству (германскому) переставалъ быть живымъ организующимъ началомъ и становился мертвенно-отвлеченной схематической догмой. Въ отношеніи русской музыки эти формальные основы и принципы германскаго инструментализма стали прочно укоренившейся традиціей, предопредѣлившей весь путь развитія русской музыкальной культуры. Національная сущность русской музыки опредѣлялась въ ней не «идеей» народности, не національнымъ сознаніемъ, а самымъ ФОЛЬКЛОРОМЪ. Національная идея здѣсь безсознательно оказалась подмѣненной ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАРОДНОСТЬЮ, т. е. въ готовомъ видѣ взятымъ сырымъ матеріаломъ народной пѣсни. Эта черта укоренилась второй традиціей въ русской музыкѣ, ставшей данностью, непреложнымъ моментомъ художественнаго творчества. Взаимодѣйствіе этихъ традицій, т. е. въ готовомъ видѣ взятыхъ элементовъ русскаго пѣснетворчества и формальныхъ элементовъ (опять-таки въ готовомъ

видѣ взятыхъ) западнаго инструментализма, предопредѣляетъ главную сущность русской національной музыки. Русская музыка утратила чистоту своего становленія, которое превратилось въ традиціонную данность, опредѣлявшуюся ролью для нея народнаго фольклора. По существу своему не инструментальная, а пѣсенная, природа русской музыки въ процессахъ воздѣйствія чуждыхъ ей формальныхъ элементовъ и въ сращиваніи съ ними потеряла активную, животворящую энергію, выработала готовыя, сухія, формальныя схемы. ибо активность воздѣйствія въ ней опредѣляется ролью метра и ритма, опять-таки взятыхъ какъ объективація въ готовомъ видѣ изъ народной пѣсни. Элементы программной или вић-программной описательности, эпоса и быта стали самодовлѣющими, какъ наиболѣе характерные признаки и особенности народной музыки. Вотъ почему русскій оперный театръ сталъ преимущественно театромъ эпической статики, сталъ театромъ преимущественно хороваго дѣйства. Вспомнимъ, какую 168
слабую роль играетъ въ русской операѣ инструментальное начало. Оркестръ—нѣчто второстепенное (въ сравненіи съ западно-европейской музыкой), онъ подчиненъ вокальной стихіи. Инструментальное начало въ русской операѣ—не активное начало, оно лишь оттѣняетъ вокальную сторону и роль хора. Органической зависимости между оркестромъ и сценическимъ дѣйствіемъ нѣтъ, а его колористическая роль сводится къ расцвѣчиванію, къ звуковой раскраскѣ. Глинка въ своихъ театральныхъ композиціяхъ далъ пріемы чисто оперныхъ формъ. Онъ далъ опытъ синтеза хороваго (пѣсеннаго) и инструментальнаго письма, безъ смѣшенія этихъ понятій, послѣ него русская опера это утратила. Чисто инструментальная природа русской музыки въ народномъ творчествѣ оказалась совершенно утерянной на культурно-историческихъ и формальныхъ путяхъ русскаго музыкальнаго искусства. Ея вліяніе и роль на культурную музыку въ Россіи до сихъ поръ никакъ и никѣмъ не выяснены. По забытымъ слѣдамъ прошлаго мы знаемъ о несомнѣнно значительной роли чисто инструментальныхъ формъ народной музыки въ русской жизни. Вѣдь въ до-петровскую эпоху народные оркестры въ русскомъ быту существовали несомнѣнно. Что сохранилось для насъ отсюда? Лишь блѣдные слѣпки. въ столь немногочисленныхъ, фоногра-

ѣческихъ записяхъ, у нѣсколькихъ фанатическихъ ревнителей народнаго музыкальнаго творчества.

Въ то время, какъ русская поэзія и литература только на первыхъ путяхъ своего культурнаго роста были мыслимы, какъ наивное и прямое, непосредственно близкое отраженіе народныхъ элементовъ, непосредственно у народа взятыхъ, въ то время какъ въ поэзіи приближеніе къ простотѣ формъ народнаго творчества, къ языку народныхъ чувствованій—является всегда конечнымъ достиженіемъ, результатомъ огромнаго творческаго процесса у того или иного художника,—въ русской музыкѣ это берется въ готовомъ видѣ, сразу, какъ данность, ставшая традиціей, сохраняемой до сихъ поръ. Въ то же время методы воплощенія, формальные принципы, даже самый канонъ эстетическаго созданія и художественной формы возникаютъ почти исключительно подъ воздѣйствіемъ чуждой культуры. Такъ возникли застывшія, схематическія формообразованія, при чемъ
169 утрачена вся органическая природа русской звукописи. Народная пѣсня не можетъ быть матеріаломъ, въ готовомъ видѣ взятымъ, какъ исключительная основа всего музыкальнаго творческаго процесса. То, что практика музыкальной композиціи поддерживаетъ и сохраняетъ эти методы, указываетъ только на живую необходимость преодолѣнія этихъ традицій, являющихся также однимъ изъ слѣдствій чрезмѣрной отсталости русской музыкальной мысли. Какимъ анахронизмомъ, ничѣмъ не оправданнымъ, и какой слѣпой безпомощностью показались-бы такіе методы въ современной русской поэзіи или литературѣ, или живописи. До тѣхъ поръ, пока идея національнаго сознанія будетъ подмѣняться этнографической народностью, будутъ и неизмѣнно сохранены всѣ атрибуты готовой формальной психики и, конечно, невозможенъ какой-либо живой творческій опытъ. Русской музыкѣ предстоитъ преодолѣніе этихъ мертвенныхъ традицій, преодолѣніе формальныхъ западныхъ вліяній и прямой зависимости отъ русскаго фольклора. Только при глубинной, органической и индивидуальной переработкѣ элементовъ русской музыки могутъ возникнуть и органическіе свои методы воплощенія, коренным образомъ связанные съ народной природой своего искусства, только тогда и можно будетъ не производить механическихъ перемѣщеній и распредѣленія готоваго матеріала народной пѣсни

(въ томъ или иномъ искаженіи вливаемаго) въ опустошенныхъ, готовыхъ формальныхъ схемахъ...

Вспомнимъ слова Гоголя, о которыхъ сказалъ Блокъ, что они — священная формула, такъ или иначе повторяемая всѣми писателями: «отрекись отъ себя для себя, но не для Россіи». Вотъ истинный смыслъ тѣхъ преодолѣній, которыя должны предстать русской музыкѣ на путяхъ ея возрожденія. Національный, народный характеръ русской музыки долженъ быть результатомъ индивидуальнаго претворенія элементовъ народнаго творчества и въ созданіи новыхъ формъ музыкальной культуры, возникающихъ въ глубинной связи съ народнымъ пѣснотворчествомъ, но не въ слѣпомъ ихъ воспроизведеніи. Если въ творчествѣ Глинки, Мусоргскаго, Бородина эти моменты претворенія народнаго творчества были налицо, то въ цѣломъ формально-традиціонный путь русской музыки это утрачиваетъ, стирая вмѣстѣ съ тѣмъ и черты своего лика, подлиннаго «лица», при внѣшне сохраняющихся узко-національныхъ признакахъ ложно-русскаго стиля. 170

VII

Скрябинъ и Дебюсси — были полюсами современной музыки въ нашемъ до-революціонномъ періодѣ, причемъ поскольку Скрябинъ являлся типическимъ выразителемъ западной культуры, постольку Дебюсси намъ казался сильнѣйшимъ выразителемъ Востока. Теперь мы знаемъ, что роль дебюссизма, какъ школы, явилась эпохой возрожденія для національной французской музыки и проходила подъ знакомъ освобожденія французской музыкальной культуры отъ власти Вагнеровыхъ идей, въ рабскомъ подчиненіи у которыхъ она находилась. Въ этомъ преимущественное значеніе этой школы для французской музыки. Дебюсси вернулъ французской музыкѣ чистоту ея инструментальнаго стиля, освободивъ ее отъ вліянія псевдомонументальныхъ формъ нѣмецкой музыки конца XIX вѣка. Въ послѣднемъ періодѣ своего творчества Дебюсси пришелъ къ возстановленію національныхъ традицій французской музыки, установивъ въ своихъ инструментальныхъ произведеніяхъ живую связь съ французскими клавесинистами XVIII в., Люлли, Рамо и Купереномъ, а въ вокальныхъ произведеніяхъ, исходя

до XIII вѣка черезъ средневѣковую поэзію къ музыкѣ труверовъ. На пути къ этому Дебюсси прошелъ черезъ длительный періодъ разрыва со всею культурой западно-европейской музыки и погрузился въ искусство Востока. Здѣсь, въ этой купели, подъ сильнымъ воздѣйствіемъ японской и китайской живописи, но, главнымъ образомъ, подъ прямымъ вліяніемъ русской музыки, православно-византійскихъ нѣснопѣній, русской народной нѣсни, произведеній Мусоргскаго, — здѣсь произошло возрожденіе французской музыки, прошедшее подъ знакомъ рѣшительной реакціи противъ западно-европейской музыки XIX вѣка. Такимъ образомъ, творческій путь Дебюсси былъ своего рода скиѳствомъ въ отношеніи латинской культуры. Дебюсси, этотъ утонченнѣйшій геній вкуса, долженъ былъ стать въ позицію варвара, утверждая разрывъ на своемъ пути, со всѣмъ своимъ прошлымъ, для того, чтобы возродить чистоту французской музыки въ ея національныхъ основахъ, найдя для
171 нея новыя формы воплощенія въ новомъ языкѣ чувствъ и новомъ звукосозерцаніи. Онъ нашелъ ихъ, связавъ свою современность съ подлинными традиціями прошлыхъ культуръ, забытыхъ и засоренныхъ на тропахъ искусства конца XIX вѣка. Для этого ему нужно было вернуться почти къ архаическимъ эпохамъ средневѣковья, въ которыхъ поэзія и музыка были еще недѣлимы другъ отъ друга. Отсюда возродилась въ творчествѣ Дебюсси, въ новомъ великолѣпіи, чистая интонація французской пѣсенности, ея классическая простота и правдивость, и отсюда живая связь звука со словомъ въ его творчествѣ. — Для насъ несомнѣнно, что творчество Клода Дебюсси оказалось глубоко національнымъ въ отношеніи къ культурѣ и искусству французскаго народа.

Въ то же время Скрябинъ производитъ обратный процессъ. Стремясь съ первыхъ же шаговъ своего творчества выйти изъ узкаго, замкнутаго круга русской національной музыки и сковывавшихъ ее формальныхъ схемъ, онъ сразу-же принимаетъ за основу для своего творчества **исключительно** западную **музыкальную культуру**, въ современномъ для него аспектѣ, рѣшительно разрывая со всѣми путями и прошлымъ русской музыки. Въ этомъ сказалась новизна положенія для него, какъ для русскаго музыканта. Въ основу его творчества вошло все то, что характеризуетъ западно-европей-

скую музыку конца XIX вѣка, т. е. Шуманъ, Шопенъ, Листъ, Вагнеръ.

Въ чемъ же сказалась для русской музыки новизна позиціи, занятой Скрябинымъ? Роль Скрябина въ самомъ существенномъ свелась къ тому, чтобы дать становленіе въ сферѣ религіозно-философскаго сознанія.

Разрывъ Скрябина съ путями и традиціями русской музыки выразился главнымъ образомъ въ томъ, что онъ рѣшительно отказался отъ пѣсенной стихіи русской музыки, утверждая стихію симфонизма.

Инструментальный симфонизмъ былъ чуждъ пѣсенной природѣ русской музыки на ея формально-традиціонныхъ путяхъ, и Скрябину понадобился трамплинъ его полу-философскихъ, полу-оккультныхъ концепцій для того, чтобы создать нагнетательную энергію, родившую его симфоніи. Единственный символистъ русской музыки, Скрябинъ былъ почти единственнымъ *симфонистомъ*. Онъ совершилъ теургическій путь въ своемъ творчествѣ до конца. Онъ дѣйствительно жилъ въ активномъ религіозномъ опытѣ, въ который онъ безусловно интуитивно вѣрилъ; этотъ опытъ былъ для него подсознательнымъ средствомъ преодолѣнія условнаго музыкальнаго формализма и схематической косности, утверждавшейся въ ложныхъ традиціяхъ русской музыки. Стихія симфонизма немыслима внѣ становленія въ сферѣ дѣйственно-религіознаго сознанія. Въ симфоніяхъ Чайковскаго этотъ процессъ становленія нарушается превалирующимъ значеніемъ для него антитезы, противопоставленіемъ своего «я», индивидуальнаго сознанія,—искусъ, который онъ не въ состояніи преодолѣть; теза у него почти не ощутима, она распыливается и растекается въ личномъ самоутвержденіи, поэтому синтеза не возникаетъ, такъ какъ нѣтъ коллизіи драматическаго (трагическаго) дѣйствія, нѣтъ кристаллизаціи сознанія. 172

Въ русской музыкѣ Чайковскій былъ единственнымъ выразителемъ потенціальной симфонической энергіи, раскрытіе и воплощеніе которой было для него глубоко мучительно и трагически катастрофично почти на всемъ его жизненномъ пути.

Послѣ него, въ сущности, на этотъ же трагическій путь всталъ Скрябинъ, но въ иномъ творческомъ и эстетическомъ аспектѣ, полярномъ по отношенію къ Чайковскому. Въ отличіе отъ

Чайковскаго, Скрябинъ подсознательно преодолѣвалъ органическую пѣсенность русской музыки, а она была въ немъ глубоко заложена и ему была очень свойственна; вспомните весь «пѣсенный», въ инструментальныхъ формахъ, періодъ его творчества; первую его симфонію, ф.-п. концертъ и очень многія изъ его фортепіанныхъ сочиненій этого времени.

Скрябинъ преодолѣвалъ мучительно свою «пѣсенную» природу, стремясь къ воплощеніямъ чисто инструментальнымъ. Его «освобожденіе» проходило не въ сознательномъ преодолѣніи ложныхъ традицій русской музыки, а въ рѣшительномъ и прямолинейномъ разрывѣ со всѣми ея путями.

Скрябинъ преодолѣлъ традиціонную фольклористичность русской музыки и ея традиціонный схематическій формализмъ, но не нашелъ чистыхъ основъ инструментальныхъ, органичныхъ для природы русской музыки, попавъ въ то же время подъ воздѣйствіе изжитыхъ для его времени культурныхъ и идеологическихъ традицій западно-европейской музыки. Чистота музыкальнаго становленія ему не удалась. Онъ пытался ее взять своей душной, эмоціальной инспираціей, на основахъ своей своеобразной, оккультной, эстетико-философской идеологіи, которой его эмоціональность и предопредѣлялась. Отсюда возникъ схематизмъ Скрябина, созданный имъ при его переводахъ на звукопись своихъ идеологическихъ программныхъ концепцій,— отсюда его своеобразный схематизмъ, едва-ли не въ такой-же степени самозамкнутый, катастрофическій и обреченный для будущихъ преодолѣній, какъ и схематизмъ формально-традиціонный русской музыки, такъ какъ здѣсь нѣтъ возможности органическаго развитія и эволюціи музыкальныхъ формъ и матеріала, что и показали минувшіе годы.

Молодое поколѣніе русскихъ музыкантовъ отравлено вліяніемъ Скрябина, и вліяніе это для огромнаго большинства сказывается самымъ губительнымъ образомъ. Въ современномъ увлеченіи музыкой Скрябина огромное большинство молодыхъ музыкантовъ впадаетъ въ слѣпое и безпомощное подражаніе Скрябину, совершенно не умѣя осознать формальныхъ его достиженій въ звукописи, въ методахъ воплощенія и въ его принципахъ музыкальныхъ формъ, но въ то же время Скрябинъ, понятый ими въ большинствѣ узко и ложно, заслоняетъ для нихъ, въ сущности, все музыкальное искусство.

Если Скрябину и не суждено было дать чистоту музыкальнаго становленія въ томъ видѣ, какъ это мыслится на путяхъ современнаго, передового, музыкальнаго сознанія, — его исключительное значеніе въ томъ, что онъ на этотъ путь, въ сравненіи съ Чайковскимъ, всталъ гораздо рѣшительнѣе и опредѣленнѣе, введя русскую музыку въ сферу религіозно-философскаго сознанія, такъ, какъ мы его мыслимъ въ наши дни, въ отличіе отъ эпохи Скрябина, когда это сознаніе опредѣлялось характерной для него и его времени идеологіей индивидуалистическаго эгоцентризма и специфическихъ эстетическихъ нормъ и еще раньше, въ эпоху Чайковскаго, въ общественно-культурныхъ идеалахъ раціонализма и арелигіозности, столь трагичныхъ для Чайковскаго.

Путь отъ Скрябина (учитывая всѣ его громадныя достиженія) — путь къ чистому симфонизму, на основахъ нѣсенныхъ и инструментальныхъ началъ русской музыкальной стихіи, въ ея музыкально-познавательной и музыкально-заклинательной сущности. Путь этотъ ведетъ исключительно въ сферу чистаго музыкальнаго становленія, внѣ той или иной идеологической инспираціи, въ готовомъ видѣ данной извнѣ, но исключительно къ постиженямъ, самой музыкой творимымъ и ею утверждаемымъ. 174

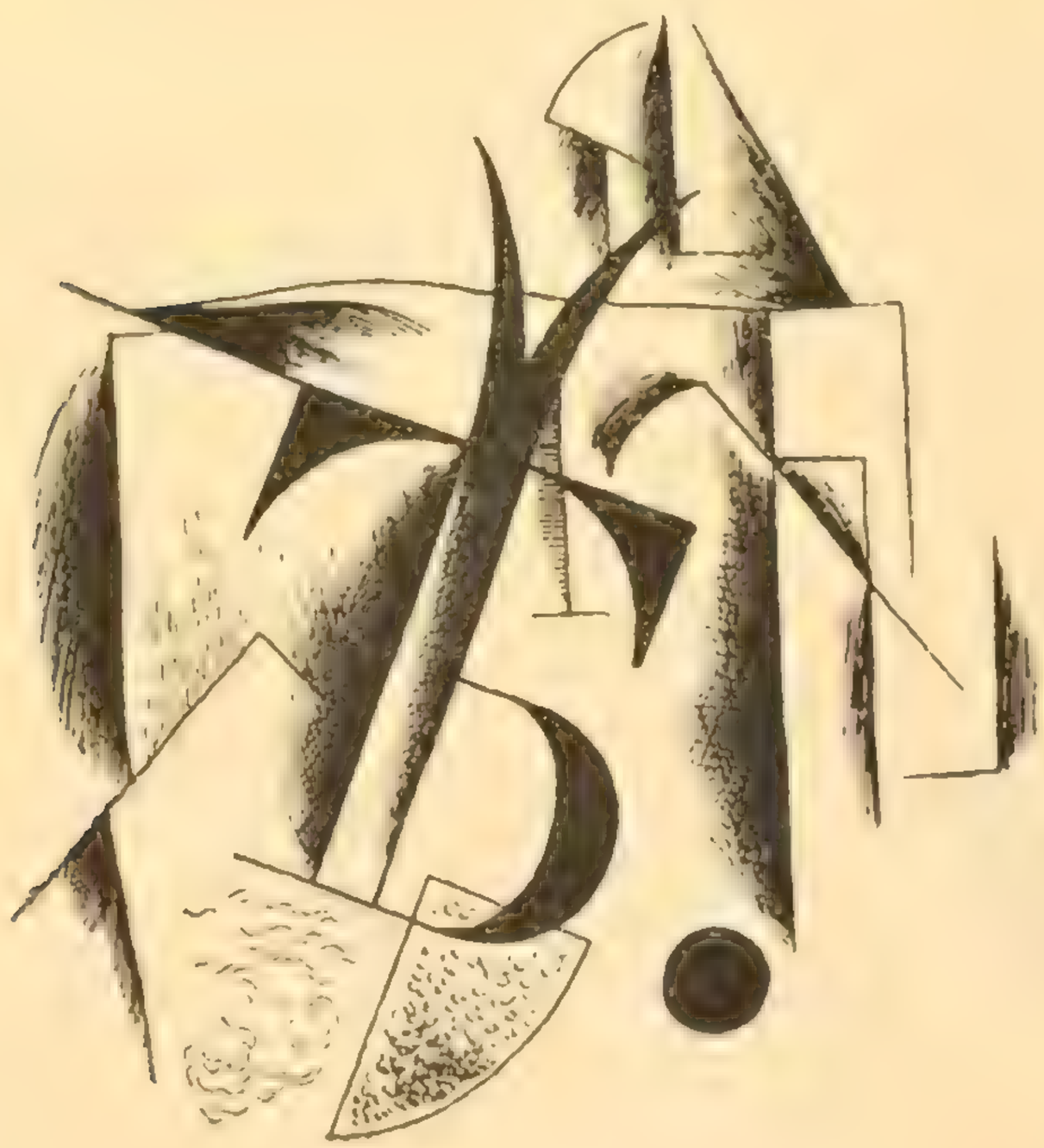
Ближайшій минувшій послѣ Скрябина періодъ русской музыки въ нашей современности, — въ творчествѣ Игоря Стравинскаго, возникшемъ, главнымъ образомъ, на формальныхъ достиженіяхъ Скрябина и Дебюсси, — снова возстановляетъ нарушенныя Скрябинымъ традиціи русской музыки, но возстанавливаетъ ихъ въ процессѣ преодолѣванія ихъ ложной, формально-традиціонной сущности. Творчество Стравинскаго возвращаетъ насъ снова къ основамъ русской нѣсенности, въ *преображенномъ* фольклорѣ, но перенесенномъ исключительно въ инструментальныя формы.

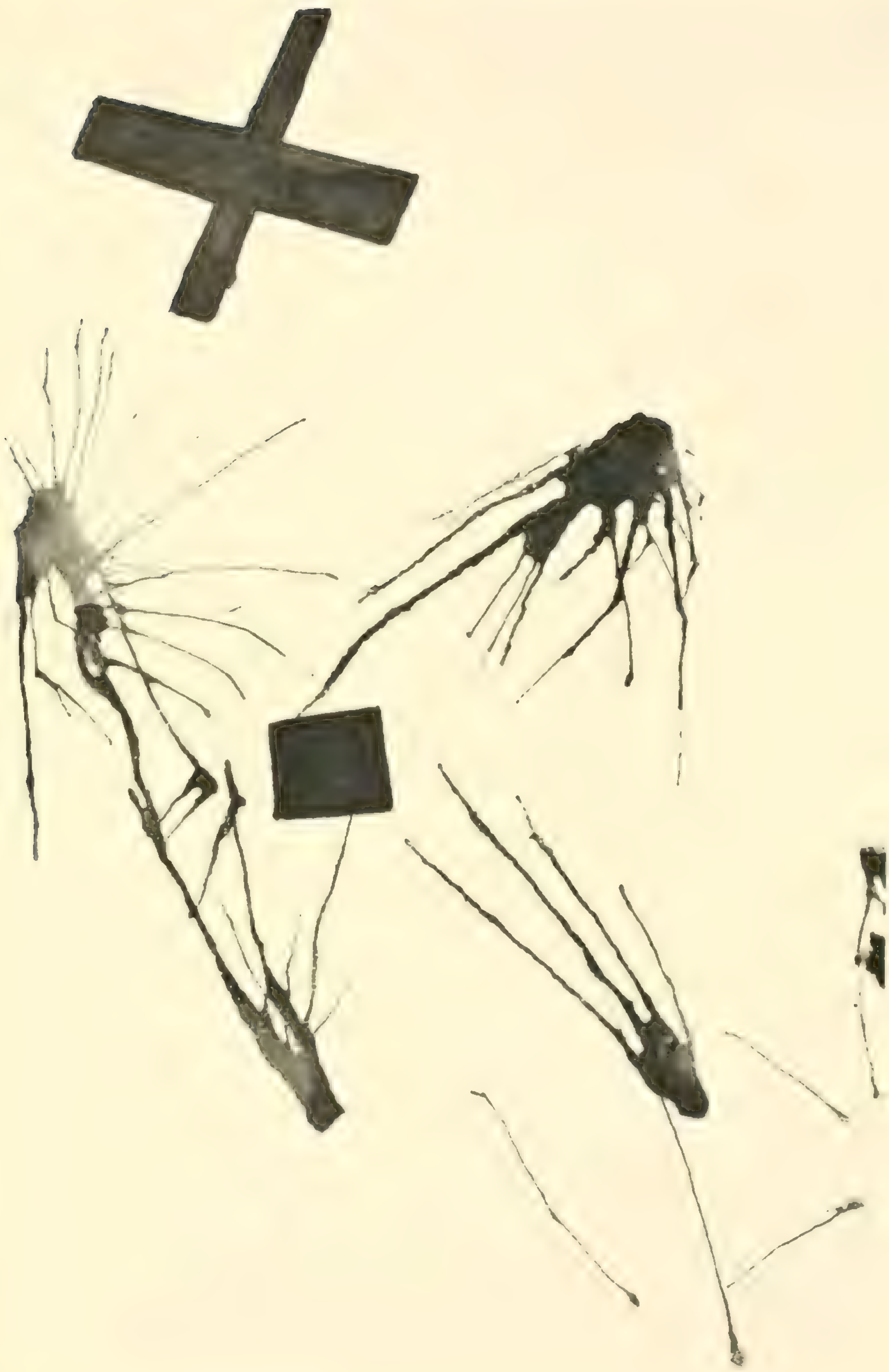
Стравинскій доводитъ до предѣльнаго напряженія и нагнетанія субстраты ритма и метра, взятые изъ русской нѣсни, развертывая ихъ въ формахъ балетной пластики.

Въ мою задачу не входитъ изслѣдованіе вопроса въ сферѣ современнаго музыкальнаго сознанія и воплощенія. Это должно имѣть мѣсто въ дальнѣйшемъ. Я хотѣлъ лишь сдѣлать первую попытку въ постановкѣ основной проблемы о взаимоотно-

шеніи между русской музыкой и русской культурой, пытаясь съ этой цѣлью прослѣдить наиболѣе значительныя причины, въ гомъ разладѣ, который я, между самозамкнутыми путями русской музыки въ ея прошломъ и стихіей русской культуры, усматриваю.

Нѣкоторая прямолинейность въ построеніи и въ обобщеніяхъ является для меня сознательнымъ и вынужденнымъ методомъ въ постановкѣ этой темы. Я полагаю, что самое понятіе о стихіи русской культуры, въ его существѣ, не нуждается здѣсь въ спеціальномъ сужденіи и обоснованіи, такъ какъ это понятіе въ достаточной степени рельефно и отчетливо раскрывается въ первой части настоящаго сообщенія, въ изложеніи музыкальной темы Александра Блока, въ которой я усматриваю единственный и высшій смыслъ стихіи русской культуры.





Лев Бруни

ОИК-46386